1993

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

СТАНИСЛАВ ЛЕМ
ЗАГАДКА

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ
КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ

МИШЕЛЬ ДЕМЮТ
АФРОДИТА-2080

НОРМАН СПИНРАД
СОРНЯК ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

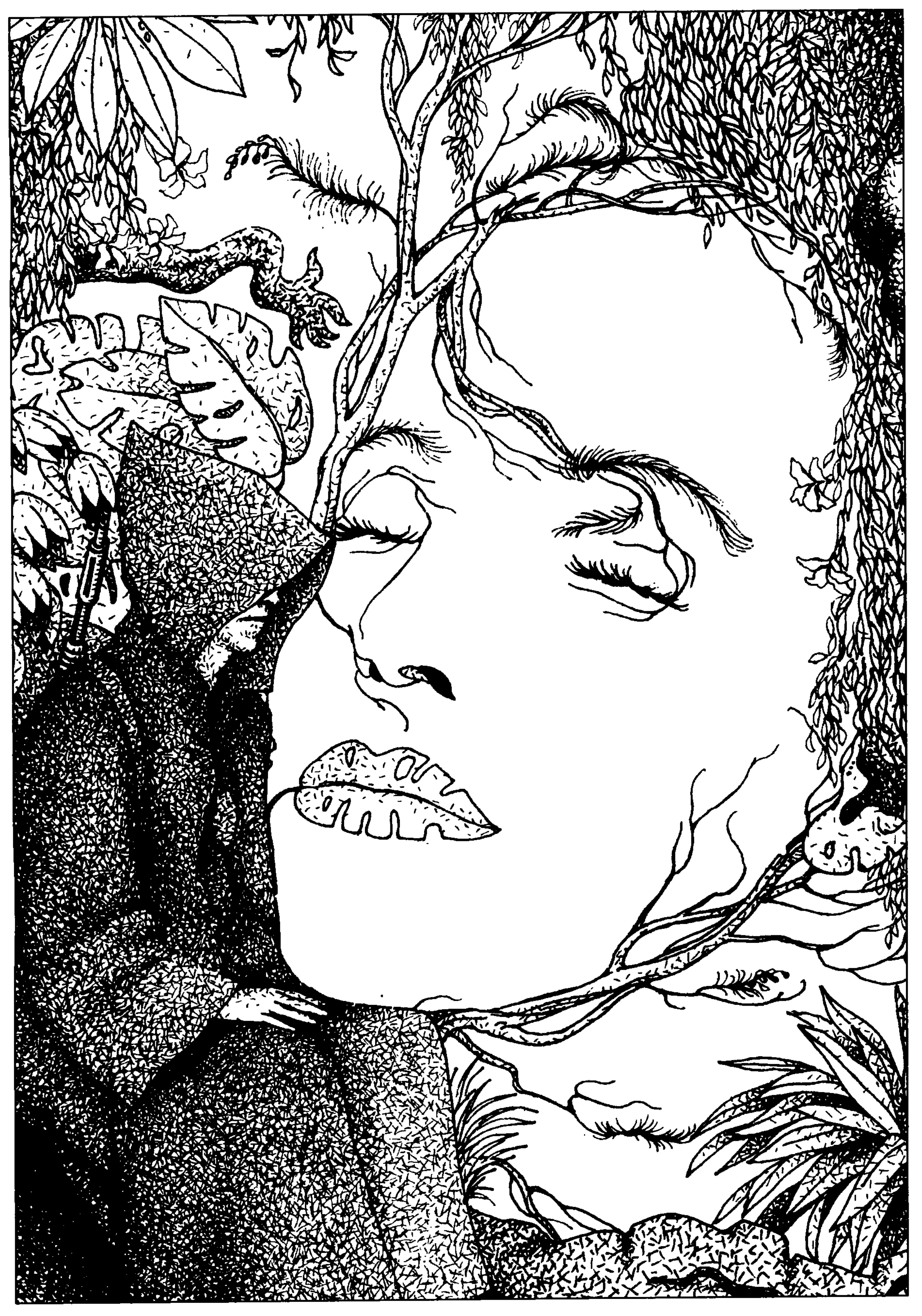
Редакция:
Елена Босовская,
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Леонард Никишин,
Елена Сеславина.

Иллюстрации:
Александр Жабинский *(Б. Бейли, М. Демют),*
Игорь Мельников *(Д. Найт),*
Валерий Миличенко *(Н. Спинрад),*
Константин Рыбалко *(С. Лем).*

Верстка:
Татьяна Сычева,
Тамара Шеламова.

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 209-05-36 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

Сдано в набор 5.08.93. Сдано в печать 10.09.93.
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул.1905 года, д.7.
Усл.печ.л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 98 тыс. экз.
В розницу цена договорная.
Заказ № 4126

МОТИВ

Мишель Демют

Афродита-2080

Через 20 лет после создания первой базы на Афродите-2080, планете системы Сириуса, в политической жизни назревал очередной кризис. Первые поселенцы на Афродите — европейцы Хундта и пацифийцы — всеми силами пытались упорядочить потоки людей и оборудования, которые обрушивали на них передатчики с Марса. Неразбериху усиливали акции Церкви Экспансии и ряда уцелевших после Американского Хаоса группировок, не признававших никаких правил и законов.

Но человек менялся, и звезды изменяли его гораздо быстрее, чем можно было рассчитывать или предвидеть в наиболее смелых прогнозах... В результате кризис на Афродите разрешился сам по себе.

Галактические хроники

1.

— Что они там говорят о Больших Снегах, Клэр?

— Не знаю. Вероятно, ничего. Фильтр установлен, сам знаешь.

— Иногда удается раскопать хотя бы крохи правды, — заметил мужчина, сидевший на большой голубой софе, ритмично покачиваясь.

Он щелкнул пальцами, на что жена не обратила никакого внимания — обычный жест, повторявшийся раз двадцать за вечер.

— Пацифийцам там делать нечего, — сказал он. Возможно, это было окончание очередного монолога, который жена пропустила мимо ушей. Она опять отсутствовала. В последнее время это случалось гораздо чаще, чем раньше.

— Ты не хочешь поговорить со мной? — спросила она, прекрасно зная, что ее слова не могли пробиться через барьер аудиовиза, которым был поглощен муж. Она не знала, зачем сказала это. Встряхнув головой, она закрыла глаза. На нее неожиданно навалилась странная усталость. Комната бешено вращалась вокруг нее, и она подумала, что сейчас ее стошнит. Она стиснула подлокотники кресла и уже готова была закричать, но внезапно поняла, что происходит, и буквально оцепенела от неожиданной радости. Она даже удивилась, что так быстро забыла о маленьком устройстве, вживленном в мозг, и быстро закрыла глаза.

— *Ги?* — мысленно спросила она. Разумеется, она хорошо представляла, что настоящей беседы быть не может. Ведь это не телепатия, теперь она знала. В свое время Ги долго смеялся, когда она высказала подобное предположение.

— *Клэр?* — свет за ее прикрытыми веками вспыхнул неистовым пламенем. Она задохнулась от радости и тревоги. Когда же, когда он послал ей это письмо?!

— *Я проснулся, Клэр! Ты слышишь меня? Я сижу сейчас перед странным хрустальным кубиком и разговариваю с тобой, но боюсь, что это всего лишь игрушка, трюк психологов, чтобы мы не сошли с ума. О, как мне хочется ошибиться... Через сколько лет ты услышишь меня? Корабельные часы говорят мне, что для экипажа прошло четыре года и два месяца... Я всегда любил поспать — но уж теперь-то выспался как следует. Ты помнишь? Утром ты звонила мне, оставляла вызов включенным до тех пор, пока я не просыпался. А потом заставляла меня оплачивать счета за переговоры, скупой рыцарь в юбке! Клэр, когда же это было... больше восьми лет назад! Но с этими уравнениями Денборга никогда не поймешь, сколько времени прошло на самом деле... Теперь ты можешь ответить мне. Когда твое послание дойдет до меня, я уже буду на Афродите. Боже, как это долго, Клэр! Сколько же раз мы еще сможем поговорить с тобой за оставшиеся нам годы жизни? Сколько, Клэр?*

Когда голос замолкал, ей казалось, что она слышит гул гигантских механизмов корабля, затерявшегося где-то среди звезд. Даже если бы Ги умер, он не мог бы оказаться дальше от нее, чем сейчас. Но, может быть, его уже не было в живых? Она с ужасом отбросила эту мысль. Нет, не может быть!

Тишина. Затем рокот, далекий, глухой...

Она почувствовала прикосновение чужой руки и в испуге открыла глаза.

— Хочешь выпить чего-нибудь? — над ней склонился муж. Он внимательно смотрел на нее. Она покачала головой.

— Они оставили Большие Снега, — снова заговорил он. (Тем лучше, пусть они сожгут все, пусть сбросят атомную бомбу на эти Большие Снега!) — Теперь венерианцы окажутся предоставленными самим себе. С этой блокадой... — проворчал муж. (Мне наплевать на твоих венерианцев! Мне наплевать на все! Он говорит со мной! Он говорит через бездну в несколько световых лет...) Она опять закрыла глаза.

— *Клэр?* (О, наконец-то опять голос Ги!)

— Ты еще не хочешь спать? — спрашивал муж. (Оставь же меня наконец в покое, хоть на пять минут!)

— Я пошел спать. Спокойной ночи, Клэр.

— *Послушай, мне осталось, наверное, несколько секунд... Скоро моя вахта закончится, и я снова погружусь в анабиоз. Сейчас мы находимся примерно на полпути. Когда я проснусь в следующий раз, мы будем уже рядом с Афродитой. Там идет что-то вроде войны. Ты слышала об этом раньше? Нет? Как любой европеец, ты мало интересуешься жизнью в иных мирах... Четыре провинции Марса*

имеют в своем распоряжении передатчик. Можно понять, что при таких возможностях они стремятся захватить максимально возможную территорию. Поэтому нам остается только...

Свет в ее голове судорожно запульсировал; задохнувшись и открыв глаза, она сообразила, что сидит посреди комнаты, недалеко от балконной двери. Ей показалось, что ночная прохлада ласково обняла ее, смывая горечь.

Через несколько секунд она пересекла комнату и вошла в спальню. Вспыхнул свет, очень мягкий, почти тусклый. Обойдя кровать, она бросилась, не раздеваясь, на одеяло. Она знала, куда пойдет завтра. Она будет говорить с Ги, точно так же, как это было тогда, восемь лет тому назад...

2.

Прошло немало времени, но Ги Маркель лежал, даже не пошевельнувшись. В его мозгу возникло изображение, неподвижная картинка, четкая и красочная, словно цветная фотография. Он воспринимал ее как нечто неизбежное, столь же неизбежное, как собственное тело — тяжелую грубую чужую плоть. Затем он услышал шум и мгновенно выпрямился, разом овладев всеми своими чувствами. Неподвижная картинка в его мозгу тут же ожила и превратилась в пейзаж, видневшийся за свисающими почти до самой земли ветками, надежно укрывавшими Ги. Его тело тут же ощутило вязкий жар, исходивший от мягкой почвы и от пылающего в вышине солнца, лучи которого пробивались сквозь густую завесу гигантских листьев. На него хлынули запахи псевдолеса, источниками которых были либо животные, либо гибриды.

Смутный шум тут же распался на тысячи отдельных звуков — призывного свиста, стрекота, шороха опавшей листвы. И тогда он вспомнил все. Наклонившись, он ощупал ногу. Рана еще не затянулась как следует, но обезболивающий укол подействовал — он больше не чувствовал боли. Тошнота тоже отступила. Это могло означать, что микроскопические амебоподобные существа покинули его желудок, перебравшись в менее экзотическую для них обстановку.

Нападение было столь неожиданным, что десант не успел оказать сопротивление. У Телленсена не достало времени даже на то, чтобы связаться с кораблем на орбите. Да и кто мог предположить, что ребята из Четырех Провинций будут извещены об их прибытии, кто мог подумать, что они контролируют такую обширную территорию. Пытаясь свести риск до минимума, катер сел на расстоянии более пятисот километров от ближайшего поста марсиан-переселенцев. Естественно, атмосфера была густо усеяна зондами, и они уже не надеялись, что катер ускользнет от внимания контрольных служб. Но кто мог помыслить, что атака, да еще такая яростная, последует почти мгновенно — и это за пятьсот километров от поста!..

Маркель огляделся, пытаясь найти опору. Похоже, он провел не менее пяти часов в своем гнезде из веток. Может быть, даже больше; трудно сказать, сколько времени он находился в полубессознательном состоянии, способный все видеть, но ничего не воспринимающий. Что поделать, таков был побочный эффект лекарства. Зато он выжил... Примятая трава с широкими стеблями уже завяла на том месте, где он только что лежал. Правда, и это ни о чем не говорило, ведь зеленые стрелы наверняка не были травой.

Он заметил справа от себя толстую ветку без листьев и медленно протянул к ней руку в перчатке... При первом же прикосновении ветка съежилась и исчезла в густой листве. Вздрогнув от неожиданности, он оперся руками о землю и каким-то чудом оказался на ногах. Ему здорово помог испуг, вызванный внезапной реакцией «ветки». Он вспомнил ее название: «землерой змеевидный». Существо безвредное, просто ленивое полурастение. Отметить: последняя деталь весьма существенна.

Он потрогал бедро, потом приподнял ногу и подвигал стопой, заранее стиснув зубы в ожидании боли. Но боли не было, и он, успокоенный, сделал первый шаг, затем второй. Листья нежно коснулись его головы, когда он прошел под склонившимися ветвями, и это оказались настоящие листья, свежие, почти зеленые. Неожиданно он вышел из-под полога леса на опушку, и на него разом обрушились ослепительный свет и убийственная жара. В одном из бесчисленных карманов его комбинезона должны были находиться специальные очки... Ему потребовалась долгая минута для того, чтобы отыскать и надеть их. Только теперь он мог посмотреть в небо. Да, именно так... два солнца! Даже в очках с мощными фильтрами он с трудом выдерживал блеск большего из двух. Второе выглядело пылающей точкой.

Маркель стоял на краю обширной равнины, плавно переходившей в пологие холмы цвета охры. Правда, были ли это холмы, или колонии корингов, или останки желиантов, он не знал. Маркель надвинул на глаза капюшон и, перед тем как двинуться дальше, включил климатизатор. После первого десятка шагов ему стало ясно, что климатизатор не работает, наверное, пуля или осколок попали в аккумуляторы и вывели их из строя — может быть, это тот самый осколок, что разворотил ему ногу?

Он спросил себя: что он делает здесь, на краю пылающей равнины, один, раненый, с приличной дозой антисептиков в крови? Да, конечно, корабль... Точнее, посадочный катер. Он должен находиться неподалеку, скорее всего в нескольких сотнях метров. Неизвестно только, в каком направлении. Его швырнуло на землю; оглушенный, он лежал несколько мгновений, едва дыша, потом он вскочил, охваченный паникой, и кинулся не разбирая дороги прямо сквозь кольцо вражеского окружения, отмеченного яростными вспышками.

Он вспомнил невероятный запах почвы, обожженной лучами лучеметов, мечущиеся тени испуганных псевдорастений. Пробежав метров триста, он внезапно рухнул в болото, оглушившее его тяжелым запахом. Он брел, не сознавая, что делает. Вода была теплой, и боль в ноге утихла. Выбравшись на твердую почву, он продрался через кусты со слизистыми ветвями, вспугнув громадное кудахтающее существо и потревожив рой пронзительно стрекочущих насекомых. Он добрался до дерева на опушке леса, послужившего убежищем, где, очевидно, и сделал обезболивающий укол,

уже почти потеряв сознание. Впрочем, для укола было достаточно нажать кнопку на поясе — остальное довершала техника.

Поколебавшись, он двинулся влево. Все равно он не сумел бы пересечь за ночь равнину. Да и рана не позволит ему проделать такой путь. Нет, катер должен находиться поблизости, он был уверен в этом. Маркель вернулся в псевдолес. Земля на опушке была разрыта и походила на влажно блестевшую красную рану. Наверное, здесь поработал змеевидный землерой, или... как его там? Он попытался вспомнить название, но в этот момент перед ним появилось само существо, вычырнув из густой тени. Он остановился, облегченно вздохнув. Белорыл не был опасен — недаром на Земле он успел стать героем мультфильмов. Более того, белорыл был своего рода союзником человека, так как питался враждебными человеку растениями. Оказавшись в пяти метрах от Маркеля, белорыл позволил разглядеть себя. Экземпляр не из самых крупных, хотя два метра в нем, пожалуй, было. Туша с лоснящейся кожей, напоминавшая бочонок. Толстые короткие лапы со знаменитым когтем — «лемехом», позволявшим животному разрыхлять почву. Рудиментарные крылья, прижатые к бокам, годились, по правде говоря, только на то, чтобы совершать прыжки чуть дальше, чем позволял его вес. У белорыла небольшая уплощенная голова с двумя грустными глазами плюшевого мишки, нос картошкой, которым он смешно шевелил, словно кролик. В общем, облик у него был довольно дружелюбный.

— Привет, малыш, — поздоровался Маркель только для того, чтобы услышать человеческий голос.

Белорыл сморщил нос, издав скрипучий звук. Потом забавно подпрыгнул на месте и пустился наутек, совершая прыжки, словно огромная резиновая игрушка.

Маркель провожал былорыла взглядом до тех пор, пока тот не скрылся из виду, а затем двинулся по направлению к зарослям псевдолеса, выкрашенным в самые нелепые цвета.

Между двух гигантских фиолетовых плодов мелькнуло змеиное тело землероя — возможно, того самого, которого только что преследовал белорыл; оно устремилось к земле и принялось энергично ввинчиваться в почву.

Обогнув землероя, Маркель оказался среди пульсирующих листьев и цветов. Он не представлял, куда идти. Вряд ли стоит пытаться отыскать катер — весьма вероятно, что там его ждет засада.

Но корабль на орбите цел и невредим. Так что их неизбежно будут искать. Все, что от него требуется, это держаться недалеко от катера, не приближаясь к нему. Но где же он, черт возьми?!

Кажется, катер горел. Может быть, ему удастся определить направление по следам пожара? Он попытался уловить запах гари, но запах терялся среди доброй сотни самых экзотических ароматов — терпких и приторных, раздражающих и опьяняющих. Он двинулся дальше, машинально проверив, не потерял ли оружие.

В течение нескольких минут он пробирался через облако летающих цветов, мясистых, с резким пряным запахом. И вдруг вспомнил о кристаллике, вживленном в мозг. То, что он хотя бы на время забыл о нем, так поразило его, что Маркель не сразу обратил внимание на тонкий белесый стебель, медленно покачивающийся прямо перед ним. Казалось, стебель почувствовал его приближение. Осознав, наконец, с кем он встретился, Маркель шарахнулся назад и выхватил оружие.

Перед ним качалось щупальце мерзлеца — он столько раз видел его по видео во время подготовки, что не стал терять времени, залив все вокруг стебля огнем. Почва вскипела, стебель съежился и вспыхнул, словно обычное растение. Маркель представил себе существо, притаившееся в земле на глубине двух — трех метров. Его огромное дряблое тело дремало, в то же время чутко прислушиваясь ко всему, что происходило на поверхности. Мерзлец спал, ожидая приближения жертвы; он видел сны и одновременно находился в засаде, раскинув вокруг сложную сеть чувствительных щупальцев, реагирующих на звук или колебание почвы. У неосторожного пришельца, коснувшегося хотя бы одного из щупальцев, не было ни одного шанса.

Прежде чем двинуться дальше, Маркель внимательно присмотрелся к почве вокруг себя. Если верить отчетам, то поблизости могли находиться и другие щупальца. Но он не заметил ничего подозрительного. Сейчас он вышел на тропинку, по которой, вероятно, передвигались крупные обитатели псевдолеса. Трава на узкой полоске земли была примята, ветки по обеим сторонам тропы сломаны, а из мест надлома сочился красный сок, похожий на кровь.

В псевдолесу Афродиты невозможно определить, где кончается растение и начинается животное. Организмы были похожи на обычные деревья и кустарники, покрытые блестящими, словно эмалевыми, листьями и крупными цветами. Тем не менее даже весьма поверхностные исследования выявили странные случаи симбиоза. Правда, испепеляющий зной двух солнц заставлял многие странные формы жизни скрываться, а поэтому день принадлежал главным образом настоящим растениям, за исключением землероя, белорыла и ринксона, обычно державшегося наиболее влажных и тенистых участков. Настоящий кошмар начинался ночью.

Маркель прошел по тропе метров двести, затем остановился, достигнув развилки, над которой нависало дерево с необычно тонким стволом, покрытым желтоватым пухом, как и большинство деревьев Афродиты. Почувствовав усталость, он опустился на мягкую почву, осторожно проверив ногой ковер переливавшегося в бликах света мха.

Я должен просто ждать, подумал он. Находиться вблизи от катера и ждать помощи. Может быть, они уже пытались связаться со мной сразу после нашего отлета с Земли? Может быть, я смогу услышать Клэр очень скоро? Потом он подумал об оцепенении, охватившем его после укола, и содрогнулся при мысли о том, что она могла обратиться к нему именно в эти часы, что ее послание могло достичь его мозга, когда он был без сознания.

Если я услышу ее зов, подумал он, если закрою глаза, то мы вновь окажемся вместе... Но тут же

отбросил эти мысли. Да, он оказался здесь из-за Клэр, это верно. Из-за Клэр и дурацких принципов отсталого, одряхлевшего общества. Но он бежал от него, он все же вырвался из-под его влияния и теперь свободен. Разделявшее их расстояние вынесло свой приговор. Он оказался один и теперь должен начать все сначала. Если, конечно, удастся выжить. Он отправился в дорогу, чтобы принять участие в странной войне, и оказался побежденным, не успев начать военные действия. Ладно... Но если он все же выкарабкается, то есть шанс снова найти самого себя. Себя без Клэр.

Его размышления прервал острый приступ боли. Он резко вскочил, но боль утихла. Он поднес руку к щеке и прикоснулся к небольшой ранке. Осторожно приблизившись к соседнему дереву, он выругался и потянулся за лучеметом, но тут же понял, что это не имеет смысла. Все уже сделано. Он присмотрелся к стволу и разглядел небольшое отверстие, через которые «стрелок» выбрасывал семена. Достаточно было теплокровному существу приблизиться к дереву, как его тут же награждали метко выпущенным семечком-пулей, и семя начинало прорастать под кожей. Это было не очень опасно, если верить ботаникам, потому что через неделю-другую небольшое, но крепкое растение само покидало организм «носителя», чтобы укорениться в почве. Приютившее его существо лишь несколько теряло в весе. Белорылы носили у себя под кожей не одно семя этого стрелка и отнюдь не чувствовали себя плохо. И все же Маркель, отойдя подальше от дерева, попытался извлечь семечко. Это была довольно болезненная процедура, тем более что ее пришлось делать на ощупь. Наконец он вытащил небольшую черную пирамидку, похожую на наконечник стрелы, и тщательно продезинфицировал ранку.

Он выбрал наудачу одну из тропинок и двинулся дальше. Маркель еще не потерял надежды найти катер до наступления ночи, чтобы остаться возле него на все темное время суток и, может быть, на следующий день. Если за это время корабль на орбите не попытается спасти уцелевших, тогда он решит, что делать дальше. Может быть, противник не успел уничтожить все, и удастся найти карту. Тогда он сможет добраться до обитаемой территории. И обязательно захватит с собой кубик.

В Грегори, столице, ему наверняка удастся получить достаточно энергии, чтобы отправить на Землю несколько посланий. Он расскажет Клэр, что такое одиночество в псевдолесу Афродиты, в восьми световых годах от Средиземного моря... Да, он обязательно должен отыскать кубик. И еще продукты, если они, конечно, сохранились, потому что он долго не продержится, питаясь одними пищевыми таблетками и охотой (охотиться? на кого? на белорыла?)...

Можно, конечно, сдаться в плен. Или попытаться найти следы человеческой деятельности — дороги, возделанные поля... Можно разжечь костер и подавать дымовые сигналы. Или поджечь весь лес, чтобы привлечь внимание. Многие независимые колонисты обосновались за пределами основных зон, контролируемых правительством. Иногда они создают поселения, но все же чаще всего живут в превращенных в крепости поселках, укрепфермах, как их называют жители Свободных Земель. Это действительно настоящие цитадели, воздвигнутые в центре громадных поместий, размеры которых заставили бы позеленеть от зависти любого средневекового феодала.

Его задание представлялось сейчас нереальным и даже абсурдным. Он не понимал, как можно было рассчитывать, что оно увенчается успехом. Их отряд пересек во сне бездну в восемь световых лет, чтобы высадить на Афродиту десант с задачей захватить один из передатчиков. Не больше и не меньше. Правительство Хундта, как всегда, выбрало самое экстравагантное и самое глупое решение. Попытка была заранее обречена на провал. Шаг, вызванный отчаянием, за который заплатили жизнью шестеро бедолаг. Да и седьмой вот-вот загнется, подумал Маркель о себе. Не было никакой уверенности, что корабль на орбите сумеет оказать ему помощь. Скорее всего корабль — теперь уже официально — прибудет в Грегори, и обе стороны, исходя из высших дипломатических интересов, сделают вид, что ничего не произошло. Как это всегда и бывает с разоблаченными секретными агентами: проигравший оказывается жертвой двойного предательства.

Маркель представил, как он добирается до Грегори, где открыто обвиняет правительство Четырех Провинций в уничтожении команды катера. Никто даже не захочет выслушать его. Самое большое, на что он может рассчитывать, — это оказанная ему тайком какая-нибудь помощь. Но если он будет слишком настойчив, его просто уберут.

Он подумал, что, пожалуй, лучше сдаться в плен марсианам. Наверное, они согласятся принять его в свои ряды... Если только им не взбредет в голову, что гораздо надежнее ликвидировать нежелательного свидетеля необъявленной войны.

Размышляя таким образом, он подошел к ручью с ароматной водой и понял, что выбрал правильный путь. На том берегу стояли кусты с шевелящейся листвой; конечно же, с растениями они имели мало общего. Маркель решил, что ради безопасности их лучше уничтожить.

Кусты еще горели, извергая клубы густого дыма, когда он, вымокнув до нитки, перебрался на другой берег. Через несколько шагов ему пришлось сжечь еще несколько кустов, и он начал опасаться, что вызовет лесной пожар. К счастью, огонь остановился, дойдя до влажной массы громадного тронга, усыпанного отвратительными ротовыми отверстиями.

«Тро-о-онг!» — проревело чудовище и извергло струю тошнотворной жидкости, брызги которой долетели до Маркеля, хотя он и отпрыгнул в сторону. Запах был настолько мерзким, что его едва не стошнило.

Наконец псевдолес стал реже, и он выбрался на прогалину с голой блестящей почвой, окрашенной в красный цвет. В центре поляны возвышалась округлая туша желианта, явно уснувшего. Маркель понял, кто перед ним, как только разглядел длинные волосы, в беспорядке спускавшиеся с макушки на выступавшее вперед розовое брюхо. Формой желиант напоминал ножку громадного гриба без шляпки. На туловище виднелись тем-

ные полосы, начинавшиеся от лохматой головы и спускавшиеся к покрытому складками кожи основанию, из-под которого выступали ногти, помогающие передвигаться по каменистой почве. Проснувшийся желиант вполне способен в один присест проглотить человека, так как его тело при этом превращается в один чудовищный рот — Маркель видел это на отснятых пленках.

Он уже обогнул огромное тело спящего чудовища и шагнул в заросли, как вдруг позади раздался выстрел, сухой и негромкий. Пуля со свистом пересекла поляну, и в то же мгновение желиант дико взвыл. Широко раздвинув свою чудовищную пасть, он закружился на месте, словно гигантский волчок; поднявшиеся дыбом волосы при этом бешено извивались.

3.

Маркель, мгновенно осознав, что желиант ранен, нырнул в густую тень кустарника, не успев понять, что перед ним — кусты или псевдорастение. Он скорчился среди веток, покрытых листвой, которая вела себя так, как и полагается настоящей листве. Выхватив оружие, он внимательно рассматривал стену зарослей на противоположной стороне прогалины. Желиант теперь подпрыгивал на одном месте, издавая пронзительные стоны. Почти бесцветная струйка крови блестела на солнце. Волосы на макушке продолжали со свистом рассекать воздух. Раздался еще один выстрел, на этот раз гораздо более близкий, и огромное существо рухнуло на землю. Теперь Маркель мог видеть опорные присоски на повернутом к нему основании. На солнце засверкала лившаяся ручьем кровь, и в воздухе пахнуло пряным запахом.

На прогалине появился, словно возникнув из пустоты, вооруженный марсианин. Ростом с Маркеля, со светлыми, коротко стриженными волосами, почти черный от загара. Его одежда была в полнейшем беспорядке, но Маркель разглядел на груди значок Конфедерации Четырех Провинций — золотую ладонь на красном диске. Обеими руками он держал длинноствольный карабин с большим магазином.

Почти сразу же в нескольких метрах от него возник второй боец, пытавшийся на ходу освободиться от упорно цепляющегося за рукав его куртки землероя. По желтой повязке на рукаве можно было понять, что это командир патруля.

Маркель осторожно приподнялся на коленях; при этом его раненая нога, о которой он совсем позабыл, напомнила о себе резкой, острой болью. Заскрипев зубами, он опустился на спину. Сухие ветки захрустели, и на мгновение ему показалось, что бойцы не могли не услышать его. Но когда он снова осторожно глянул сквозь завесу листьев, то увидел, что их внимание полностью поглощено судорогами несчастного желианта. Они со смехом переговаривались (грубый вариант английского), и Маркель уловил несколько знакомых слов.

Ему показалось, что прошло довольно много времени, прежде чем марсианский патруль снова скрылся в лесу. Его поразило, что они вот так, ни за что, убили желианта, просто для того чтобы полюбоваться агонией этой горы живой плоти. Да, было похоже, что человек и на Афродите начал устанавливать свои законы. Такие обитатели планеты, как желианты и землерои, наверняка были обречены на исчезновение уже через несколько десятилетий.

Выждав еще немного, он покинул свое укрытие и подошел к огромной сильно пахнущей туше желианта. Несколько ресничек мерзлеца уже принялись за работу, забравшись в рану, и мухи с жужжанием кружились над ней. Странное побулькивание заставило Маркеля вздрогнуть, ему потребовалось несколько секунд, прежде чем он определил источник звуков — это был небольшой зверек, прильнувший к луже крови и старательно работавший длинным языком. Его гибкое тело мелко вздрагивало от наслаждения.

Странно, подумал Маркель, что это зрелище не вызвало у него отвращения. Наоборот, он даже вспомнил, что ему тоже пора подкрепиться. Достав две пищевые таблетки, он проглотил их, с грустью подумав о чем-нибудь более существенном. Самым правильным решением было незаметно следовать за бойцами — они явно из того отряда, который и напал на десант. Отряд, наверное, сейчас еще патрулирует окрестности, наблюдая за подходами к катеру, и Маркеля могут обнаружить, если он попытается раздобыть кубик и кое-какое снаряжение.

Но произошло иное. Едва он углубился в зеленую сумеречную чащу, как резкий окрик приковал его к месту:

— Стоять!

В этот момент он оказался рядом с пышным букетом фиолетовых цветов, которые Маркель не без внутренней дрожи определил как вриолли. Теперь на эту опасность можно было не обращать внимания, поскольку справа от него появился марсианин, один из бойцов, только что подстреливших желианта. Солдат медленно приближался к Маркелю, направив на него карабин и удовлетворенно улыбаясь.

— Ты не слишком хорошо маскируешься! — произнес он с чудовищным акцентом.

Позади него послышались торопливые шаги командира патруля. Маркель уже видел краем глаза бледно-голубую форменную куртку, мелькавшую среди кустов. Он подумал, что если их только двое, то все будет в порядке — у него есть шансы выбраться. Не успела эта мысль оформиться, как он уже падал на землю, направляя на бойцов лучемет. Солдат дико закричал и выронил карабин. Перекатившись дальше влево, Маркель хлестнул лучом в направлении, где должен был находиться второй патрульный. Послышался выстрел, и Маркель почувствовал, как пуля ушла в мягкую почву рядом с ним.

Он прополз как можно быстрее еще несколько метров в сторону и снова нажал на гашетку. Не ослабляя нажима, он в течение нескольких секунд водил лучом перед собой, охватывая дугу в треть окружности. Ему показалось, что он услышал крик; тем не менее он переждал еще немного, прежде чем продвинулся еще дальше влево, под защиту могучего ствола настоящего дерева.

Здесь он осторожно поднялся на ноги, держа оружие наготове. Среди извивающихся между ку-

стами полос дыма не было заметно ни малейшего движения. Немного пройдя вперед, он попытался разглядеть трупы, но дым накрыл его, выжав из глаз слезы. Теперь он снова почувствовал невыносимую боль в ноге; опустившись на землю у ствола дерева, он внимательно осмотрел ее. Рана опять начала кровоточить.

Тщательно, насколько это было возможно, он продезинфицировал рану и достал коагулянт. Разумеется, это не могло ослабить боль, скорее наоборот. Положив руку как раз там, где нужно было нажать определенным образом, чтобы включить инжектор, он задумался.

И опять вспомнил Клэр, ее лицо, ее голос. Сделав укол, он на несколько часов провалился в беспамятство. Конечно, к тому времени, когда он очнется, рана уже затянется. Но за эти часы Клэр может обратиться к нему... Послание, покинувшее Землю восемь лет назад, достигнет его мозга в те минуты, когда он не будет способен услышать его.

Боже, не бред ли это? Можно ли сейчас предаваться подобным рассуждениям? Сейчас главное – выжить!.. В это мгновение в его голове родилось иное соображение.

Он попытался разглядеть освещенные солнцем вершины деревьев, но ничего не увидел. Сняв очки, он, стиснув зубы, встал. Теперь ему удалось определить, что Сириус опустился низко над горизонтом. Надвигалась ночь... Полностью стемнеть должно было часа через три. Но если он сделает укол, то очнется гораздо позже, и все это время будет совершенно беспомощен и беззащитен перед всеми ночными тварями.

Но боль не утихала, захватив уже всю нижнюю половину тела. Это показалось ему странным. Неужели в атмосфере псевдолеса, в насыщавших его воздух ароматах было нечто, возбуждавшее и усиливавшее болевые ощущения?

Очень скоро он почувствовал, что тело, мокрое от пота, стало неимоверно тяжелым, неспособным оторваться от земли, притягивавшей его, словно магнит железо. Последние лучи заходящего солнца внезапно пробились сквозь густую листву; Маркелю почудилось, что пространство между стволами заполнено мерцающими витражами, словно в древнем соборе. Нет, он очутился в тюрьме, стены которой были возведены из света и красок... И когда он застонал, тысячекратно усиленное эхо вернулось к нему, отразившись от этих призрачных стен.

В конце концов он все же, по-видимому, нажал на нужную кнопку на поясе, потому что на витражи хлынули струи холодного дождя, размывшие тысячи отражений лица Клэр, и услышал шорох падающих на землю капель. На какой-то миг он очутился среди лета, в палатке; его затопили запахи земных трав, и он почувствовал нежное тепло прижавшейся к нему Клэр. Потом все вокруг почернело и исчезло.

4.

Открыв глаза, он удивился, что ночь была такой светлой. Он лежал на спине, и земля под ним казалась очень холодной. Все тело словно одеревенело, и он с ужасом подумал, что больше никогда не сможет пошевелиться. С громадным трудом повернув голову, он увидел луну. Это была первая из лун, та, что побольше. Вообще-то она выглядела просто громадной. И она была бледно-зеленоватого цвета. Ничего подобного ему не приходилось видеть раньше.

Несколько правее он увидел вторую луну. Медная монета, окруженная легкой вуалью красноватой атмосферы. Чудовищные вулканы на ее поверхности непрерывно извергали багровые тучи пепла и газов, которые медленно расплывались над поверхностью, образуя сплошное красное кольцо вокруг спутника Афродиты; это кольцо должно таять несколько дней, прежде чем гравитационные и центробежные силы окончательно не разрушат его.

На небе появилась и третья луна, только-только вынырнувшая из-за горизонта. Маркелю удалось повернуть голову так, что ему стал виден желтый отблеск ее диска между темными колоннами деревьев. Через несколько минут все три луны одновременно засияют на ночном небосклоне, и в лесу станет еще светлее.

Он поразился безмятежности своих мыслей и неожиданной остроте ощущений. Раненая нога казалась чужой, а сам он неожиданно почувствовал себя бодрым и сильным, готовым немедленно отреагировать на любое изменение обстановки, схватиться с любым врагом. Тем не менее, когда рядом с ним появилось существо, он решил, что продолжает бредить, не успев вынырнуть из мрака наркотического сна. Это было тонкое, гибкое создание, с нежно светившимся в лунном свете телом. Хрупкая фигурка склонилась над ним так низко, что он ощутил исходивший от нее запах, резкий, но приятный, и живое тепло.

Рядом с ним сидела девочка-подросток. Два удивленных глаза смотрели на него. Раздвинулись казавшиеся бледными в лунном свете губы, и он услышал:

– Тот, кто пришел, потерялся?

Бред. Конечно, бред... Он закрыл глаза.

–Тот, кто пришел, ранен? Нет покоя, есть разочарование?

Он снова открыл глаза. Девушка по-прежнему была рядом. Совсем близко он увидел ее обнаженную грудь. Девушка осторожно провела рукой по его лицу. Ему показалось, что на него повеяла сама свежесть.

– Клэр? – спросил он, чтобы развеять наконец наваждение.

– Почему – Клэр?

Он потряс головой. Плохо. Девушка не могла быть настоящей. И тем не менее она упорно не исчезала. И лунный свет, казалось, оставлял естественные блики на ее плечах и груди. Внезапно он почувствовал, как его лицо опалило жаром и кровь сильно запульсировала в висках. Но стоило ему шевельнуться, как девушка исчезла, и он поразился столь неожиданно вспыхнувшему желанию.

Он снова вытянулся во весь рост и закрыл глаза, пытаясь увидеть ее внутренним взором, восстановить ее облик, блеск лунного света на коже, сияние глаз на темном лице, обрамленном прядями густых волос...

– Кто вы?

От неожиданности он вздрогнул всем телом. На этот раз вопрос был задан мужским голосом. Открыв глаза, он увидел еще одно лицо, склонившееся над ним, темное, с неясными чертами под блестевшим в свете луны высоким лбом.

— Нет, я не плод больного воображения, — продолжал мужчина. — Скажите, кто вы? Ну да ладно, потом. А сейчас вам придется немного поднапрячься — я не сумею дотащить вас, если вы мне не поможете.

Не говоря ни слова, Маркель кивнул, все еще стараясь убедить себя в реальности происходящего.

— А теперь попробуйте сесть.

Он приподнялся и сел, удивившись, что у него получилось.

— Отлично! — произнес мужчина с явным удовлетворением. — Теперь хватайтесь за меня. Это недалеко, совсем рядом.

У Маркеля мелькнула мысль, что было бы интересно узнать, что имеет в виду незнакомец, но размышлять было некогда, и он поднялся на ноги. Удалось это только благодаря помощи незнакомца; ухватившись за него, Маркель мельком подумал, что тот выглядит необычайно тощим. Сделав пару шагов, он понял, что худо-бедно способен передвигаться самостоятельно.

— Вроде бы получается, — выдохнул он.

— Вы можете говорить? Это прекрасно. Все-таки держитесь за мое плечо. И старайтесь не шуметь. Конфедераты все еще поблизости.

Все произошло очень быстро. Несколько секунд он еще чувствовал, что их окружает псевдолес — беглые прикосновения побегов, шорох листвы под ногами, скользнувший по руке влажный мех застигнутого врасплох неизвестного существа... И тут все кончилось, их поглотил абсолютный мрак. Маркеля обхватили за плечи чьи-то мощные руки, кто-то увлек его вниз, затем раздался глухой стук, словно над их головами опустился тяжелый люк. Его снова потрясла полнейшая нереальность происходящего... Он вздрогнул, услышав голос мужчины:

— Потерпите немного... Сейчас будет светлее.

Действительно, почти тут же впереди возник источник света. Сделав десяток-другой шагов, они очутились в освещенной галерее с влажно блестевшими земляными стенами. Выступавшие то тут, то там из потолка и стен мясистые корни — подземное продолжение бурлившей на поверхности псевдорастительной жизни — отбрасывали четкие черные тени. Свет дарил факел, а точнее, пучок светящихся растений в руке высокого и почти совершенно обнаженного мужчины — на нем не было ничего, кроме небольшой набедренной повязки, по-видимому, из кожи.

— Идемте, мы должны двигаться дальше, — сказал мужчина, по-прежнему крепко державший Маркеля за плечо. — В эти часы корни выделяют разные ферменты, к которым ваш организм еще не привык.

Обернувшись, Маркель разглядел, что поддерживавший его мужчина был одет столь же легко, как и тот, что держал факел. Он попытался прикинуть, какие перепады температуры возможны под поверхностью Афродиты в этих широтах, но царивший в его мыслях сумбур тут же заставил его отказаться от подобных упражнений.

Он продвигался все дальше и дальше по галерее, держась между мужчиной с факелом и своим проводником. После развилки они углубились в узкие извилистые подземные ходы, насыщенные сильными и странными ароматами. И все же запах напоминал ему... нет, скорее, он пробуждал в нем нечто вроде опасения, неясной тревоги... Да, это была именно тревога. Может, смешанная с отвращением. Тем не менее запах отнюдь не казался неприятным.

Узкие ходы превратились в довольно широкие галереи с вымощенным плитами полом, освещенные укрепленными на стенах растительными факелами.

Система ходов и галерей образовывала запутанный лабиринт, и Маркель подумал, что любой гость непременно заблудится здесь, доведись ему оказаться без провожатого.

— Налево! — скомандовал проводник.

В стене виднелось довольно большое овальное отверстие. Маркель задержался на пороге. Внутри оказалось светлее, чем в галерее. Маркель ошарашенно уставился на девушку — ту самую, что склонилась над ним в псевдолесу.

Она стояла, прислонившись к стене напротив входа, и улыбалась ему. Полудетское личико — наверное, ей не больше семнадцати. На ней была лишь набедренная повязка, и Маркель почувствовал стук крови в ушах.

— Значит, мне не привиделось, — пробормотал он.

— Сейли? — спросил мужчина позади него. — Вы думали, что она призрак? Четыре года тому назад со мной произошло то же самое, только девушка была другая.

Маркель не сводил глаз с девушки. Все ее тело блестело в свете факелов, словно покрытое лаком или жиром; или можно было подумать, что она только вышла из воды.

— Тот — прийти? — спросила она.

— Вы быстро научитесь понимать их, — сказал мужчина. — Пара недель — и на вас снизойдет благословение. Знаете, их язык соответствует их образу жизни... Впрочем, я должен был сказать: наш язык.

Маркель обернулся.

— Кто вы? — спросил он. — И почему вы живете под землей... — Он замолчал, вспомнив, с чем был связан удививший его запах... Майеш! И все, что скрывалось за этим словом, заставило его попятиться от мужчин, пока он не наткнулся спиной на странно упругую стену.

— Майеши! — прошептал он. — Симбиоты!

Мужчина протянул к нему руку. На его лице отразилась сложная игра чувств, среди которых преобладали беспокойство и раздражение.

— Успокойтесь! — воскликнул он. — Не поддавайтесь ложным представлениям!

Но Маркель не слышал его. Он мчался по галерее мимо многочисленных округлых отверстий в стенах, из которых ему под ноги падали пятна желтого света. Уткнувшись в стену, он резко повернул назад и кинулся в первый подвернувшийся проход. За его спиной слышался топот преследовате-

лей. Свернув налево, он сорвал со стены факел и побежал дальше.

Галерея за галереей, туннель за туннелем мелькали перед ним, как в калейдоскопе, и вскоре он почувствовал, что силы оставляют его. Ему показалось, что туннель постепенно поднимается вверх. Вскоре он выскочил на площадку, покрытую плотно утрамбованной красноватой землей; площадка возвышалась уступом над большим подземным озером. Он остановился, с трудом переводя дыхание, и прислушался. Все было тихо. Только слабый плеск воды доносился до него из-под обрыва высотой не менее пяти-шести метров. Почувствовав себя в безопасности, он растянулся на земле и подождал, пока сердце не успокоилось. Рана давала о себе знать смутной болью. Почва под ним была удивительно мягкой, лежать было удобно. Неожиданно вся обстановка вокруг показалась ему на редкость уютной. Он подумал, что мог бы какое-то время пожить здесь — понять, что тут творится.

Маркель с наслаждением потянулся, откинул назад голову и полной грудью вдохнул воздух, напоенный прохладой и свежестью.

Плеск воды под ним, похоже, усилился, и он лениво подумал, что должен проявить дружелюбие по отношению к существу, выбирающемуся на берег из черной воды. Наверное, оно будет его союзником в борьбе против майешей. Эта мысль, оказавшаяся последней, словно застряла у него в мозгу, в то время как расслабленное тело, будто погрузившись в окутавшее его облако счастья, начало скользить куда-то вниз по темнеющему склону...

5.

— Эти лефрозы действительно обожают людей, — откуда-то издалека говорил мужчина. — Самое неприятное, что мы редко остаемся в живых после их объятий, господин Маркель.

Маркель выпрямился. Он снова находился в том же помещении, освещенном факелами. И опять у противоположной стены сидела все та же девушка.

Мужчина сидел на корточках возле него. На столике рядом с ним стояли сосуды с разноцветными жидкостями и лежали разбросанные в беспорядке медикаменты из аптечки Маркеля.

Мужчина назидательно поднял указательный палец.

— Прежде всего, на вас подействовали ферменты, накапливающиеся в глухих галереях, — сказал он. — Затем, конечно, запах лефроз из подземного озера. Свою роль сыграла, кроме того, и ваша слабость после ранения, и общее состояние паники... — Он взмахнул рукой, словно отметая возражения. — К счастью, мне удалось напасть на ваш след. Повезло, разумеется, не столько мне, сколько вам. Все случилось, как в старой сказке, — пока вы бежали, из вашего пояса время от времени падали разные предметы; по этим меткам и удалось обнаружить вас.

Маркель потряс головой. Ему казалось, что его внезапно вырвали из бесконечной последовательности кошмаров, в которых невероятным образом сплетались ужас и наслаждение. Он подумал: «Интересно, сколько времени я уже нахожусь под землей?»

Девушка в своем углу, казалось, задремала. Но время от времени Маркель улавливал быстрые отблески факелов в ее глазах. Ощущение было такое, что его подкарауливает большая изящная кошка.

— Вы бредили довольно долго. Теперь я понимаю ваши опасения, ваше отвращение к майешам, но...

Маркеля словно ударило током. Он с враждебностью уставился на собеседника.

— Кем бы вы ни были раньше, — хрипло произнес он, — но сейчас я не могу считать вас человеком!

За вспышкой гнева последовал приступ слабости, и он откинулся на постели.

— Я никогда не считал, что все рассказы о майешах — чистая правда, — продолжал он, чувствуя себя совершенно обессиленным. — Но и той доли истины, что есть в них, вполне хватит...

— Расстояния стали слишком большими, — произнес мужчина. Его голос был серьезен, и в нем звучали нотки печали, что несколько успокоило Маркеля. — Конфликты начинают распространяться все шире и шире. Но люди оказались неподготовленными к новым масштабам. Сейчас они растеряны и даже немного испуганы. И хотя все закончится рядовым кризисом, как это случалось на всех крупных поворотах истории... — Он дружелюбно посмотрел на Маркеля. — Ваше прошлое очень похоже на мое. У наших биографий было одинаковое начало и, похоже, будет одинаковое завершение.

— Это я рассказал вам о себе? — резким тоном поинтересовался Маркель.

— Смотрите...

Мужчина взял что-то со столика позади него и поднес к свету. Маркель не шелохнулся. Он уставился на кубический кристалл психокоммуникатора, словно видел этот предмет впервые.

Подождав несколько секунд, мужчина снова положил кубик на стол рядом с глиняными чашками.

— Святая Церковь Экспансии, — сказал он, — не пользуется этой системой. Она лишилась всякого смысла после открытия Передачи. К тому же если вы находитесь здесь, если за вашей спиной захлопнулся капкан длиной в восемь световых лет, то вы быстро теряете всякое желание пользоваться коммуникатором.

— Вы принадлежите к Церкви Экспансии? — поинтерсовался Маркель.

В его мозгу роились самые невероятные предположения. Если этот человек был адептом Церкви Экспансии, то он на стороне Марсианской Конфедерации. В этом случае Маркель мог считать себя пленником. Но... место, где он очутился, и все предшествовавшее этому... Похоже, что подобное предположение можно было отбросить. Симбиоты майешей никогда не были связаны с какой-либо из сторон, противоборствующих на Афродите.

— Меня зовут Иероним Каллерти, — сказал мужчина. — Всего лишь год назад меня звали «брат Иеронимус». Но с тех пор многое изменилось... Я уже

говорил, что моё прошлое очень похоже на ваше, и поэтому могу предполагать сходное завершение вашего пути... Сейчас я объясню, почему так считаю. Вы слышали что-нибудь об эффекте Лабиринта?

— Кто же не слышал о нем? — бросил Маркель.

Каллерти покачал головой.

— Вы уверены? Вы должны учесть, что я покинул Солнечную систему через три года после старта вашего корабля. И даже тогда эффект Лабиринта многими воспринимался как миф.

Он опустился на пол рядом с Маркелем, и его взгляд застыл, словно прикованный к светящемуся растению на стене. Лицо его выглядело совсем юным, и только трещины глубоких морщин в уголках глаз говорили об ином. Странно, но он одновременно похож и на юношу, и на старика, подумал Маркель. Пожалуй, сейчас собеседник вызывал у него непроизвольно чувство симпатии.

— Да, эффект Лабиринта... — задумчиво сказал мужчина. — Вы, конечно, знаете его суть — сознание не может примириться с исчезновением расстояния и подменяет миг перемещения субъективным временем, заполняя его подсознательными образами. В чем-то наше сознание тем самым словно отрицает великую победу человеческого разума, основанную на принципе Делишера. Вернее, я должен был сказать «отрицало», потому что в последнее время, насколько мне известно, завершаются исследования, которые позволят устранить эффект Лабиринта. Но в то время, когда я совершил свой прыжок, эффект проявлялся в полной мере. Я отправился в путь почти по тем же причинам, что и вы. Для меня они сводились к имени «Патриция», для вас, если не ошибаюсь, «Клэр». — Он снова взял в руку кубик-кристалл, и тот засверкал гранями в свете факела. — Но между нами есть и разница — мое бегство прошло в два этапа. Сначала я был принят в члены Святой Церкви и только потом попал на орбитальную станцию «Святой Франсуа».

Маркель наморщил лоб:

— «Святой Франсуа»... Но...

— Да, конечно, — перебил его Каллерти, — ваше путешествие продолжалось восемь лет. Значит, вы покинули Землю в 2072 году, так?

Маркель молча кивнул.

— А «Святой Франсуа» запустили только в 2074 году.

— Да, теперь я вспоминаю — когда мы покидали Землю, его строительство заканчивалось на обратной стороне Луны, — задумчиво произнес Маркель.

— Я вошел в зал Передатчика в 2075, — продолжал Каллерти. — Ад для меня начался пять лет тому назад. Я, конечно, был осведомлен, что называют адом, но то, что меня ожидало!.. Видите ли, эффект проявляется у разных людей по-разному. Мне выпало пережить всю его мощь. В общем, мне показалось, что эта секунда, или половина, или двадцатая секунды, в течение которой длилась передача, стала моей вечностью. Дело в том, что офицеры психотехнической службы вашей страны, господин Маркель, хорошо поработали со мной... — Маркель вздрогнул, и собеседник поднял руку предупреждающим жестом: — Нет-нет, я отнюдь не отношу вас к их числу. Я просто хотел сказать, что обе стороны, находящиеся здесь, на Афродите, в состоянии конфликта, не достойны нашей симпатии. Эти офицеры объединенной Европы, сфабриковавшие мое прошлое и не позволившие мне соединиться с Патрицией только для того, чтобы мой ад был еще более страшным, ничуть не лучше тех, кто убил ваших товарищей... Выйдя из Передатчика, я постарел биологически на долю секунды, но субъективно путешествие продолжалось для меня лет сто, если не больше. Во всяком случае, именно так я воспринял его продолжительность. И после того, как я столько времени метался в аду, не находя выхода, сжигаемый неудовлетворенной страстью, они предложили мне принять участие в «общей борьбе». — Он невесело рассмеялся. — Вы понимаете меня, господин Маркель? У них не было даже тени сомнений! Ну что, готовы ли вы теперь, после всего, что произошло этой ночью, броситься на штурм Передатчика?

Он не сводил с Маркеля странно поблескивающих глаз, в которых плавали боль и усталость.

— Я никогда уже не смогу сделать этого, — сказал Маркель.

— А что вы знаете о майешах? — спросил Каллерти. — Только то, что вам рассказали. А симбиоты? Вы поверили сплетням, сочиненным дряхлыми немощными старцами, никогда не высовывавшим носа даже на Луну... Мы не нужны никому, Маркель, так откуда же могут появиться верные сведения о нас?

— Я знаю, что такое майеши, — возразил Маркель, стараясь, чтобы его голос звучал как можно тверже.

Все это время девушка сидела, не шевелясь. Ее блестевшие при свете факелов стройные ноги, казалось, были отлиты из древней бронзы. Черные волосы резко выделялись на фоне светлой стены. Ее грудь приподнималась и опускалась ритмично, но почти неощутимо.

Может быть, она заснула?.. И тут девушка открыла глаза, внимательно посмотрев на него.

— Майеши — это полурастения, полуживотные, — сказал Каллерти. — Это огромные миролюбивые создания, роющие подземные норы и туннели, в которых мы живем. Они обеспечивают нас воздухом и пищей в виде сока... И еще они дарят нам все наслаждения мира, сверх того, что мы можем дать себе сами.

— Нет... — пробормотал Маркель. — Говорят, что вы... В общем, что они питаются вашей кровью, словно вампиры, и что...

Каллерти искренне расхохотался.

— Великий Боже! Бедный солдат! Неужели Земля вернулась к мраку средневековья? Вампиры! Нет, ответьте мне: неужели я выгляжу изнуренным? — Он вытянул руку. — А Сейли? Она разве похожа на анемичную барышню? Он замолчал, опустил руку и задумался. Через несколько секунд мужчина вскинул голову, и на его лице появилось серьезное выражение.

— Представьте себе симбиота, Маркель. Существо, извлекающее необходимые ему для жизни вещества из почвы с помощью крайне сложной системы переработки и синтеза. Оно не слишком ра-

зумно, но обладает невероятной способностью... скажем, к взаимопониманию. Однако все живые существа, с которыми оно могло вступить в контакт, либо слишком грубы и безмозглы, либо чересчур воинственны, а скорее, и то, и другое, и третье. Когда же это существо встретило человека, то обнаружило, что наконец столкнулось со сложнейшим организмом, способным значительно обогатить его существование, одарив его чувствами, которых оно прежде не ведало.

— Но майеши не относятся к разумным существам, — возразил Маркель, в мозгу которого возник образ громадной водоросли.

— Я ведь уже говорил об этом. Они обладают невероятно развитой способностью к восприятию, такой поразительной способностью улавливать чужие эмоции, что это трудно постичь. И передать словами. Они способны почувствовать все ваши горести и беды, уловить все ваши желания, даже самые сокровенные. Они могут помочь вам во всем, могут излечить душу — конечно, удовлетворяя и свои собственные желания, избавляясь от своих несчастий.

— Мне трудно поверить, — тихо произнес Маркель.

— Понимаю, — с сожалением сказал Каллерти. — Но подумайте: я говорю и о ваших бедах, о ваших желаниях. Живя здесь, вы испытаете подлинное счастье, Маркель.

Взгляд Маркеля упал на кубический кристалл.

— Зачем же вы принесли его сюда с катера? — спросил он.

— Это будет своего рода тест, только и всего. На другом конце линии связи находится... Клэр, не так ли? В то же время она словно спрятана в вашем мозгу, где ее голос может зазвучать в любое мгновение. Так вот, когда вы перестанете цепляться за этот кубик, когда вы не будете то и дело закрывать глаза, надеясь услышать ее голос, тогда вы станете одним из нас. Не исключено, что на это уйдет немало времени. Вы не будете одиноки, эта девушка — порождение майеша — станет вашей подругой, если вы того захотите. Но в любом случае майеш исполнит все ваши желания, независимо от того, будете ли вы с нами или против нас. Может быть, вы хотите сейчас остаться в одиночестве?

Маркель вздрогнул. Он взглянул на девушку, неуловимым движением вскочившую на ноги и оказавшуюся подле Каллерти. Тот улыбнулся.

— Понимаю. Ведь я сам прошел все это... Возможно, сегодня ночью у вас возникнет на первых порах... что-то вроде непреодолимого отвращения. Вам захочется спастись бегством, чтобы не видеть и не слышать ничего... Но вы обязательно вернетесь, как в свое время вернулся я. И в конце концов вы поймете, что настоящие представители человечества на Афродите — это мы. Могущество человека во многом зависит от его способности приспосабливаться. Звезды постоянно стремятся подчинить его, но он сохранит и упрочит свою власть. Люди на Земле поймут это, пусть позже, чем мы, но непременно поймут. И тогда, может быть, они перестанут сражаться друг с другом за миры, которые и так уже принадлежат им, правда, совсем по-другому, чем они думают.

Сказав это, Иероним Каллерти вышел из комнаты. И девушка склонилась над Маркелем. И он посмотрел на кристаллический кубик и закрыл глаза, надеясь услышать голос, которого не было, которого так долго не было...

6.

Он летел вместе с Сейли между жгучими солнцами страсти по странным орбитам наслаждения, пока постепенно все они не слились в одну пылающую точку, осветив при этом всю его душу, и он понял тогда, что держит в объятиях... Клэр. И что он может взять у нее все, и что она способна подарить ему все, что только доступно его воображению.

Случайно открыв глаза, он увидел, что их было больше, чем двое. Рядом с ними находилось удивительное существо, поддерживавшее их наслаждение на невероятном уровне, многократно усиливавшее его. Он понял, что с ним вместе не Клэр, а девушка, и тогда инстинкт заставил его обратиться в бегство, как и предупреждал Каллерти. Он рванулся в никуда... и тут же замер в сумраке, пропитанном странным ароматом, а затем медленно вернулся в комнату, как и предупреждал Каллерти.

Он остановился на пороге. Девушка сидела на полу и внимательно смотрела на него, и в ее взгляде смешались испуг и жалость. Существо не шевелилось. Ему почудилось, что оно испытывает те же чувства, что и Сейли. Что оно немного испугано его резкостью, но в то же время понимает и сочувствует его горю. Оно выглядело, как громадный бархатистый лист, частью охватывавший бедро девушки, а частью закрывавший то место, где он лежал перед тем, как обратиться в бегство.

— Тот, кто пришел, боится? — спросила девушка.

Он опустился на землю рядом с ней, даже не взглянув на едва шевельнувшийся лист. Склонившись над девушкой, он вспомнил ее имя: Клэр.

И в это мгновение в его мозгу раздался голос:

— Ги... Вот уже неделя, как ты улетел, и мне сказали, что я могу отправить тебе первое послание. Оно должно дойти до тебя, когда ты уже будешь на Афродите. О, Ги! Ты слышишь меня?

Но она уже была рядом, она была вокруг него. Ничто иное уже не имело никакого значения. Над ними снова запылали жгучие солнца и стали вращаться вокруг них, опаляя неземным жаром...

— Ги... Мы не должны были принимать это предложение. Я не знаю, смогу ли я, хватит ли у меня мужества выдержать... прождать все эти годы...

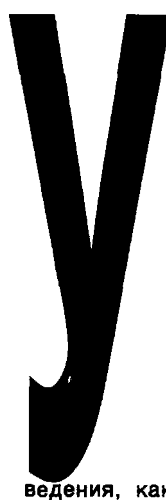
Перевел с французского
Игорь НАЙДЕНКОВ.

Валерий
Петухов,

кандидат психологических наук

ВЫДУМАННАЯ БЫЛЬ

Человек сочинил себе возлюбленную, с которой ему легко и хорошо, и отказался от реальной любящей женщины с ее проблемами, претензиями, надеждами... Такое, разумеется, встречается не только в фантастике. Воображение – важная часть полноценной духовной жизни человека; но почему обычные, «нормальные» люди иногда вовсе отворачиваются от существующего мира, предпочитая ему придуманный? Насколько каждый из нас способен смотреть в лицо реальности и решать действительные, а не мнимые проблемы? Все эти вопросы – лишь верхушка айсберга, целого комплекса проблем, связанных с развитием личности. Мир личности подлинной и мнимой, свобода, счастье, фантазии, которые не обогащают жизнь, а подменяют ее – тема размышлений психолога В. Петухова.

Уход от мира в поисках счастья – ненастоящего, «суррогатного» счастья... Эта проблема активно обсуждается с конца прошлого – начала нынешнего века. На мой взгляд, интерес к ней связан с глобальными изменениями политической карты мира, с распадом великих империй. Разрушалось традиционное общество, а с ним теряли смысл веками наработанные стереотипы поведения, как никогда, требовалась самостоятельность в принятии нетривиальных решений. Люди пытались освоить мир, который сами же изменили. Не случайно крупнейший психолог нашего времени Зигмунд Фрейд появился именно там и тогда: в Австро-Венгерской империи начала века.

ГОРЬКАЯ КОНФЕТА

Вот знаменитый опыт. На стул усаживается ребенок лет трех, а далеко от него на стуле лежит конфета, которую можно и нужно взять, но не вставая со стула. Конфета – один мотив, она вкусная, замечательная, ее хочется съесть. Но вставать со стула запрещено. Некоторое время спустя взрослый выходит из комнаты как бы по делу, и через полупрозрачное стекло наблюдает за ребенком. В какой-то момент тот, не выдержав, резко встает, хватает конфету и садится. Взрослый возвращается. «Ну, достал конфету, все в порядке?» – «Да». – «Со стула вставал?» – «Нет...» – «Ну, молодец, можешь съесть».

И тогда может возникать феномен «горькой» конфеты. Ребенок кладет ее в рот, она сладкая, и плачет, потому что награда незаслуженная. Буквально словами отечественного психолога А.Н.Леонтьева, «она оказалась горькой по личностному смыслу».

В психологии слово «личность» употребляют в широком и узком значении. «Природный» человек с его свойствами и особенностями, присущими биологическому роду Homo sapiens, становится личностью, когда входит в общество, узнает его правила и запреты (обычно это бывает в возрасте от трех до пяти); ребенка постоянно опекают, хвалят и поощряют за соблюдение правил, наказывают за их нарушение. Он узнает, что такое «хорошо» и что такое «плохо» с точки зрения общепринятых норм, и это знание закрепляется в старшем дошкольном возрасте, в ролевых играх (таких, как «дочки-матери»). Ребенок сталкивается с культурным запретом на уровне бытовых требований не причинять зло другим людям, не подглядывать, не брать без разрешения чужие вещи, переходить улицу только на зеленый свет и т.д.

В обществе с устоявшимися традициями этого бывает вполне достаточно, чтобы благополучно и достойно, «как у людей» пройти отмеренный жизненный путь. Допустим, в средневековой общине почти все предопределено тем, в какой семье ребенок появился на свет; он сам лишь участвует в «выборе» профессии и подруги жизни.

Но, словами уже упоминавшегося А.Н.Леонтьева, «личность рождается дважды». И если первое рождение, о чем мы только что говорили, проходит под непрерывным контролем взрослого – в опыте он «находится в комнате», то родиться второй раз гораздо сложнее: надо состояться как духовное, культурное «я».

Вышеописанный классический опыт предлагает выбор между культурным запретом и собственными природными желаниями. Это и дает возможность личностного развития – процесса, который, надо сказать, никогда не бывает «приятным». Напротив, подобная ситуация всегда переживается как боль, страх, гнев, отвращение и остается непонятной.

Итак, личность в узком, более точном смысле начинается с необходимости выбора в ситуации, когда исход не определен.

Это происходит (если происходит) в подростковом возрасте. Подростку уже мало знать, что «хорошо» или «плохо», нужно понять – почему. Он подвергает культурные запреты испытанию и критике, отказываясь от опеки, пытается действовать самостоятельно (это ярко проявляется внешне, в необычной манере одеваться, прическе, необоснованных дерзостях в разговоре со взрослыми и т.д.).

Восприняв общечеловеческие культурные нормы, человек может научиться свободно реализовать себя в их рамках и станет взрослым – личностью, способной критически оценивать происходящее, принимать решения и отвечать за их последствия.

В истории культуры такие люди появились в эпоху Возрождения (вслушайтесь: Воз-рождение, второе рождение); всем известный литературный пример – полоумный Журден, который, как и сам Мольер, круто решился изменить свою жизнь. Это и путешественники, чей суммарный образ дает Робинзон Крузо, с обломками традиционной культуры оказавшийся рядом с каннибалами и смутно догадывающийся, что дикари тоже люди и живут в какой-то своей культуре, – важнейшее открытие для европейца прошлого века...

Но путь становления личности, изображенный здесь весьма схематично, вовсе не гладок, и жизнь ставит множество ловушек, попавшись в которые, человек, продолжая взрослеть физически, может психологиче-

ски «застрять» в раннем возрасте, оставаясь либо ребенком, постоянно нуждающимся в опеке, либо подростком, ведущим себя вызывающе.

В России эта проблематика удивительно полно исследована классической литературой, и прежде всего Ф.М.Достоевским. Проследив лишь названия его произведений, мы получим, рискну сказать, точное описание пациента психоаналитика — человека, который замучился, запутался в жизни и не способен с ней справиться. *Бедный* человек, он переживает свое состояние как унижение и оскорбление, он *мечтатель* («Белые ночи»), *игрок*, он, разумеется, существует в *подполье* и он *идиот*, причем в смысле далеко не психиатрическом — он остался наивным человеком. *Подросток*. «Братья Карамазовы», по оценке самого Фрейда, роман об эдиповом комплексе... И, наконец, искорки в дневнике писателя, где среди довольно тягомотных высказываний на социально-политические темы есть «Сон смешного человека» — на мой взгляд, просто предвосхищение нашей сегодняшней ситуации. Не случайно их автор любил «реализм, который фантастический».

ВСТРЕЧА С ТЕНЬЮ

Замечали ли вы, что многие окружающие нас вещи, особенно сложные машины, механизмы, часто напоминают живые существа? Кстати, это сходство неоднократно обыгрывалось в триллерах, — технические сооружения вдруг оборачиваются ужасными вампирами или хищниками...

Позволю себе высказать маленькую догадку. Читая произведения Эдгара По, я обратил внимание на контраст между его «страшными» новеллами, легшими в основу жанра детектива, такими, как «Убийство на улице Морг» и другими, с подробнейшими описаниями небывалых устройств, выкладками, расчетами воздушных шаров («Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфалля» и т.п.) Эту группу считают предтечей научной фантастики.

Так вот, ужасы в новеллах, как и страшные звери во сне — это символы страстей, свойственных «природному» человеку и грозящих поглотить его культурное «я». Творчество Эдгара По навело меня на мысль, что, возможно, технические новшества, столь подробно им описанные — укрощенные, изжитые страсти. Человек как бы всматривается в теневую сторону своей личности, в разъяренного зверя этой страсти, пытаясь понять, что за «механизм» у него внутри, и пытается разумно использовать его — на созидание, а не на разрушение. Став устройством, страсть перестает пугать и начинает помогать жить: «Как поймешь, так исчезнет».

Зигмунд Фрейд полагал наше природное «я» мощным источником жизненной, сексуальной энергии, который должен найти выход. Фрейдова метафора такова: верный выход только в культуре. Если жизненная энергия — река, то культура — ее русло. Механизм правильного преобразования жизненной энергии он назвал «вытеснением» или «сублимацией». А все остальные пути — это формы психологической защиты, когда реально существующая проблема не решается, а подменяется другой — быть может, не менее важной, но другой.

«ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ»

Вглядимся в людей, которые не только не пытаются «понять», но, напротив, приспосабливают окружающий мир к собственным фантазиям. Как это происходит?

Видимо, наиболее «тотальный» из подобных механизмов — **подавление**. Он формируется, если человек в детстве получал только авторитарные запреты и никаких разъяснений важных для него, в том числе и связанных с собственной природой, проблем. Так и вырос за частоколом запретов. Смешная старая дева из анекдота? Может быть... Однако подавление никогда не бывает полным, и вопросы, «изгнанные» из сознания, отзываются головными болями, сердечно-сосудистыми, желудочными нарушениями, нарушениями дыхания, половой сферы и т.п.

Во-вторых, это **отрицание**, чаще называемое фантазией. Проблема принимается как суждение, но не признается реальной. Фантазируя, человек безразличен к логике. Есть известная притча о том, как женщина разбила взятую у соседки вазу. Та приводит ее к судье и говорит: вот, разбила дорогую вазу. Наша героиня оправдывается, уверяя, что, во-первых, никогда эту вазу не брала, во-вторых, когда взяла ее, то на ней уже была трещина, и, в-третьих, что вернула ее хозяйке абсолютно целой!

Примеры подобного отрицания действительности, на первый взгляд «детского», легко обнаружить в речах политических деятелей, когда, например, после события, потрясшего общество, выясняется, что руководитель, во-первых, ничего не знал, во-вторых, принял все меры, чтобы тяжелых последствий не было, и в-третьих, вообще все происходило по просьбам трудящихся... Механизмы психологической защиты везде работают одинаково, более того, они как бы перетекают один в другой.

Неверная рационализация, очень интересное явление. Здесь надо сказать, что у многих людей природные особенности подчеркнуты, акцентированы; это дает наследственность. Акцентуаций — это термин — множество, почти столько же, сколько психических заболеваний, у них и названия похожи: эпилептоидность, истероидность и т.п. Истероид, например, по характеру склонен привлекать к себе внимание, делать все несколько театрально, у него часто меняется настроение. Взрослый человек, зная за собой такую особенность, постарается избежать ситуации, где она сослужит ему дурную службу — например, не будет ввязываться в скандал, чтобы не испортить репутацию. А наша «мнимая личность»? Сделает все наоборот, «назло», устроит истерику и потом «обоснует» свое поведение, высказавшись точно по Фрейду: «Вот такое я .о.но!»

Следующий механизм, который необходимо назвать — реактивное образование, либо **инверсия**. От того, чего человек стыдится, что чувствует за собою как недостаток, он начинает открещиваться особенно рьяно. На обыденном языке это примеры ханжества. Подчас это выглядит смешно, но смеяться грех, когда даже у пожилых людей остаются какие-то инфантильные проблемы. Вот, скажем, возмущенные письма на телевидение и в газеты о том, что «надо прекратить разгул порнографии» — чистый пример инверсии. Каждое из таких посланий, где дотошно описывается, какие именно сцены показались автору особенно неприличными — во всеуслышание сделанное признание человека о том, что его это страшно волнует.

Инверсия как бы плавно перетекает в **проекцию**, этот механизм встречается чаще всего. Собственные черты, особенности, желания человек начинает приписывать другому. Проекцию очень легко «читать». Допустим, если речь идет о политике и говорится «так называемые» (допустим, демократы — В.П.) «призывают нас» — это надо отсечь, а потом идут собственные желания пишущего эти строки. Добиться власти, разбогатеть, ограбить... Надо вглядываться в слова. Если мальчик-подросток говорит, что в него влюблены «все девчонки в классе», это означает, что его никто не любит. Когда кто-то утверждает, что «все французы, евреи, цыгане» обманщики — это страшноватая характеристика его самого. Если же «некоторые», читай: «Я иногда могу солгать».

И, видимо, последний механизм, который надо назвать — механизм **регрессии**, то есть снижения, в том числе умственного, психического. Это могут быть и агрессия, и дурные привычки, и эмоциональное снижение, когда ничего не получается, человек сел и заплакал... взрослый не должен плакать, плачет ребенок; конечно, сюда же относятся и такие виды депрессии, как наркомания, алкоголизм и многое другое.

Для меня как для психолога самое интересное — как бы понятийное снижение, намеренная утрата человеком способности мыслить логически. Поясню. В развитии человеческого мышления есть стадия, которую швейцарский психолог Жан Пиаже

обозначил как «наглядно-интуитивную». Проделывался такой опыт: берутся одинаковые стаканчики А и Б с равным количеством воды, и на глазах у ребенка вода переливается в новый стакан В, другой формы. Ребенка спрашивают: где воды больше? Никогда он не ответит, что и там, и там воды поровну. Ребенок не может сориентироваться на целое, он будет судить о количестве воды либо по ширине стакана, либо по уровню воды, то есть примет часть за целое. Понятий у него еще нет, есть интуиция.

Но ребенок растет, развивается, он научится мыслить понятиями. А взрослый, который спускается по интеллектуальной лестнице, должен «обосновать», сознательно подчеркнуть и поместить на плакате тот абсурд, что часть и целое — едины. Памятный лозунг «Народ и партия — едины» с точки зрения психолога — наглядный пример деградации общества.

...Все это невозможно придумать, а можно только пережить. И приведенные примеры — из серии «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»; это фальшивая, вывернутая фраза о выдуманной сказке, которая упорно рядится в реальность. Эта сказка о «гармонической личности» (вглядитесь в противоестественное сочетание, где одно слово из «природного» лексикона, другое — из «культурного»), которая не хочет считаться с целостностью человека, с тем, что его странности и становятся источником подлинного личностного развития. По этой «логике» было бы куда как хорошо, если бы Джойс, или, к примеру, Пруст сочиняли свои романы, но при этом первый не был бы социально диким человеком, а второй не жил бы в четырех стенах; Высоцкий не должен был бы пить, а Лев Толстой — быть вегетарианцем...

УСЛОВИЕ СЧАСТЬЯ

Мераб Константинович Мамардашвили очень любил и на лекциях часто цитировал пушкинскую фразу: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Кому-то она может показаться даже мещанской, однако в ней скрыт глубокий смысл: вопрос о счастье нельзя ставить напрямую, это тот самый вопрос, на который нельзя найти ответа. В строке поэта лишь обозначены условия — покой и воля. Кстати, для несостоявшейся личности, нашего вечного подростка этот смысл может оказаться вовсе недоступным, потому что он в принципе не понимает, что такое «воля», свобода (думаю, такая интерпретация здесь уместна). Он может быть разнузданным, развязным, казаться себе очень раскованным, но это не имеет никакого отношения к свободе.

Здесь я бы хотел вспомнить эпизод, связанный с Андреем Тарковским — человеком, который, по моему мнению, достоин большого психологического труда, ему посвященного. Уже живя за границей, он давал интервью одному польскому журналу. И репортер его спросил: правда ли, что после съемок «Зеркала» вы уже за монтажным столом двадцать раз перекраивали отснятый материал, искали лучший вариант будущего фильма? В ответ Тарковский сказал, что каждое слово здесь и ошибка, и оскорбление для него как художника. Художник, — объяснил Тарковский, — ничего не ищет. Он находит. Возможно, со стороны это и кажется поиском, но на самом деле я пытался понять, что я сделал. Что за фильм я снял.

Если вернуться к нашей проблеме, задача не в том, чтобы искать счастье, — зачем его искать? — его можно найти. Когда найдешь, это обязательно окажется что-то другое, чего ты не ждал, и плохо, если шоры помешают тебе узнать его.

Единственное зрелище момента подлинного счастья для меня как для психолога — лицо человека в момент решения творческой задачи, озарения. Обильный и общедоступный материал на эту тему давала передача «Поле чудес», особенно когда ее вел В.Листьев (сейчас она более отвечает рекламным целям). Я помню, как молодая учительница литературы из Минска выиграла автомобиль. Эта по натуре, видимо, довольно робкая женщина вела себя так, как если бы прошла специальный тренинг. Сосредоточившись и не обращая внимания на шутки ведущего, она совершенно правильно назвала шаблонные гласные «и», «о», «а» — слово было «Боратынский». Она была свободна в предлагаемых условиях, жестко держала маску, которая позволила ей совладать с волнением, сверхмотивацией (автомобиль!) Противоположный пример: довольно самоуверенный мужчина проиграл суперигру, где на табло было название оперы советского композитора Ивана Дзержинского: два слова, пять и три буквы, тема игры — реки. Если бы игрок был тривиален и назвал гласные, одного «и» хватило бы, чтобы неминуемо угадать «Тихий Дон». Но он отошел от реальности, начал называть какие-то согласные — и проиграл.

В фильме «Доживем до понедельника» мальчик вместо сочинения «на тему о счастье» пишет единственную фразу: «Счастье — это когда тебя понимают». Но это сказал еще не вышедший из детства подросток, требующий социальной поддержки. Состоявшись как личность, он сказал бы: «Счастье — это когда понимаешь себя сам».

Ребенок — подросток — взрослый. Первая ступенька развития хороша до тех пор, пока условия существования не изменились. Второй исследует причины происходящего, и только третий способен владеть самим процессом, всматриваясь в то, что есть здесь и сейчас.

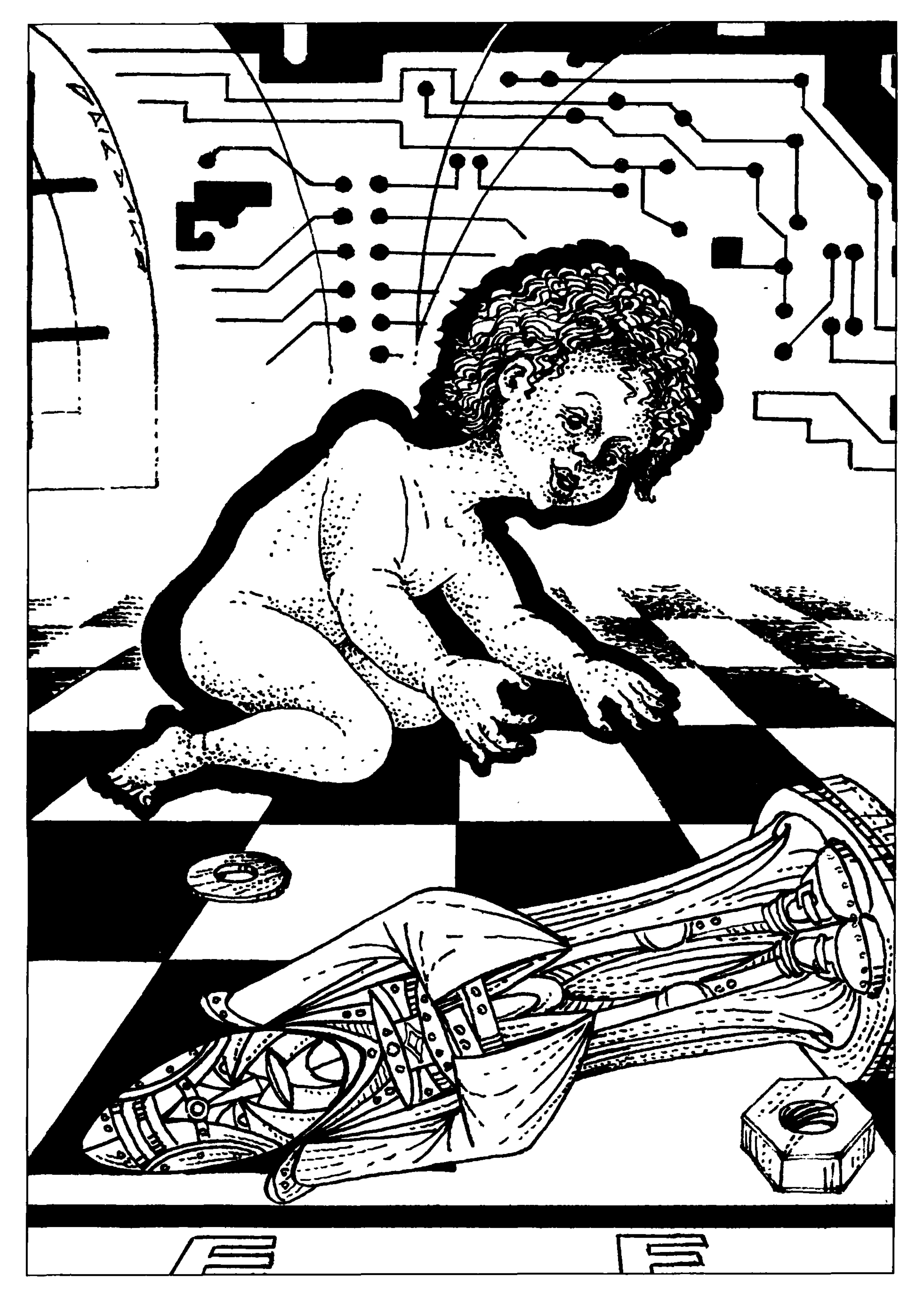
Мы в России от начала века до наших дней остаемся на второй ступеньке. Игра могла бы продолжаться бесконечно, пока окончательно не иссякли бы и запасы социального «терпения», и природные ресурсы. Но условия резко изменились, у многих возникло ощущение тупика, того, что «дальше некуда». Политики пытаются опираться на опыт других стран, но отдача невелика. Кто-то из наших сограждан в поисках утраченной гармонии лихорадочно перетряхивает прошлое — идет в ход и мистика, и восточные учения, и астрология и т.п.; кто-то наряжается в исторические костюмы в надежде, что с этим и сама жизнь изменится, будет хорошо, как раньше. Однако в прошлое вглядываться бессмысленно, там нет решения, нет нужного нам опыта. Требуется именно озарение, критическое испытание культурной нормы, качественный прорыв.

В двадцатых годах психологами в употребление начали вводиться головоломки. Вот одна из первых: из шести спичек надо построить четыре равносторонних треугольника. Если пытаться решать эту задачу на плоскости, ответа нет. Хотя в действительности он есть: это тетраэдр, пространственная фигура. Но в том-то и сложность, что большинство людей сами допридумывали правила, ограничивая свои возможности плоскостью, а ведь в условиях задачи об этом ничего не сказано...

Так и в жизни. Когда тупик кажется беспросветным, надо свободно вглядеться в реальность, и, может быть, обнаружишь выход где-то совсем в ином измерении; это выглядит фантастикой, пока не становится тривиальным.

«...Потому что я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой-то верой моей и смеются».

Федор Достоевский. «Сон смешного человека».

Станислав Лем

Загадка

«Загадка» — последний рассказ из знаменитого цикла сказочных рассказов и повестей Станислава Лема «Кибериада». Рассказ был написан в 1980 году, но на польском языке опубликован совсем недавно — в декабре 1992 года.

Отец Цинконий, доктор Магнетикус, сидел в своей келье и, поскрипывая, ибо нарочно не смазывался ради умерщвления металлической плоти, изучал толкования Хлорентия Всеянского, и прежде всего знаменитое Рассуждение шестое – «О Сотворении Роботов». Он как раз дошел до конца раздела о программировании Бытия и теперь сосредоточенно водил взглядом по страницам, испещренным разноцветными буковками, кои повествовали о том, как Господь, возлюбив среди иных металлов железо, вдохнул в него животворящий дух; тут в келью тихо вошел отец Хлориан и скромно встал у окна, дабы не мешать прославленному богослову в его размышлениях.

– Ну как там, любезный мой Хлорианчик? Что слышно? – спросил чуть погодя о. Цинконий, оторвав незамутненные кристаллы очей от фолианта.

– Отче, – молвил тот, – я принес тебе книгу, только что проклятую Святейшей Коллегией, по наущению диавольскому написанную, сочинение этого богомерзкого мармагедонца Лапидора, именуемого Галогенным, с изложением гнусных экспериментов, коими тщился он опровергнуть Истинную Веру.

И положил перед о. Цинконием тоненькую книжицу, уже снабженную соответствующей печатью св. Коллегии.

Старец отер чело, и крупицы ржавчины упали на страницы брошюры; с живостью взяв ее, он сказал:

– Не богомерзкого, Хлорианчик, не богомерзкого, а всего лишь несчастного по причине заблуждений своих!

С этими словами перелистал он книжку и, увидев названия глав, как то: «О Бледных Мякотниках, Мякишниках и Размягченцах», «О мыслящем твороге», «О происхождении Разума из Неразумной Машины», слегка улыбнулся – впрочем, вполне добродушно – и наконец промолвил:

– Ты, Хлорианчик, вместе со всей Святейшей Коллегией, которую я почитаю всем сердцем, судишь весьма опрометчиво. Ну что ж тут такого, в этой книжке? Всякие бредни, высосанные из гайки, несусветная чушь, россказни и легенды, преподносимые уж не помню который раз: что, дескать, какие-то мягкотелы, или телотрясы, или, согласно другим апокрифам, колыханцы (они же трясунчики) в незапамятные времена сотворили нас из винтиков и проводов...

– Вместо Всевышнего!!! – прошипел, слегка задрожав, о. Хлориан.

– Проклятья ничуть не помогут, – добродушно заметил о. Цинконий. – Если на то пошло, не разумнее ли смотрит на вещи отец Этерик от Фазотронов, который уже три десятка лет назад сказал, что проблема эта не богословская, а естественнонаучная?

– Но, отче, – едва не поперхнулся о.Хлориан, – это учение запрещено провозглашать ex cathedra*, а не осудили мы его единственно из уважения к святости автора, который...

– Успокойся, любезный мой Хлорианчик, – молвил о. Цинконий. – И очень хорошо, что не осудили, – не так уж оно нелепо. Этерик говорил, что даже если существовали некогда размягченцы, породившие нас в своих мастерских, а после сами себя погубившие, это вовсе не противоречит божественному происхождению всякой разумной твари. Господь всемогущ и своею волей мог препоручить этим неученым бледнягам изготовление стального народа, который будет Его славословить во веки веков, вплоть до Всеобщего Воскресения из Ржавчины. Мало того: по-моему, думать иначе, то есть начисто исключать такую возможность, есть ужасная ересь; можно ли, вопреки Писанию, отрицать всемогущество Божие? Что скажешь?

– Однако же доктор святой теологии Кибиракс доказал, что «Студневедение» бледнолога Турмалина, которому следовал патер Этерик, содержит в себе не только тезисы, противные разуму, но и кощунства против веры. Ведь там утверждается, будто желейники, или студенцы, изготовляли своих потомков-студеньшей не по типовым проектам, под присмотром инженеров-плодотворителей, единственным разумным способом, то бишь путем монтажа из полуфабрикатов, а, напротив, не имея никакого образования, без всякой документации, кустарно и совершенно бездумно. Ну ладно уж нелегальный потомок, созданный по проекту, не утвержденному в департаменте демографической промышленности, это еще можно понять – но без всякой документации?!!

– Это странно, согласен, но в чем ты видишь кощунство?

– Прости, преподобный отец, но это мне странно, что ты не видишь кощунства... Ведь если у них stante pede, ex abrupto, exromptu** получалось то, что у нас требует законченного высшего образования, конструкторских разработок, расчетно-теоретической экспертизы, то, выходит, любой из них своими детотворительными умениями заткнул бы за пояс наших кибернетиков, докторов информатики и даже докторизованных доцентов! Как же так? Значит, любой юнец, не задумываясь, изготовляет потомство? Да откуда ему знать, как это делается? Творить детей без диплома, без вся-

* *Официально (лат.).*
** *С ходу, без подготовки, экспромтом (лат.).*

ких знаний, одним махом, вернее, запихом (да простит меня Господь за такие слова), ведь это предполагает потенцию creationis ex nihilo, творения из ничего, то есть способность творить чудеса, присущую только Всевышнему!

— Значит, по-твоему, они либо гении детотворения, либо чудотворцы? — спросил отец Цинконий. — Но бледнолог Диализий писал, что хотя они изготовляли свое потомство без ученых советов и комитетов, однако не в одиночку, а парами. А это — указание на техническую специализацию! О том же говорят дошедшие до нас термины, запечатленные на библиотечных карточках: «красавец», «красотка» (правильно, конечно, «трясавец», «трясотка»); а ведь semper duo faciebant collegium multiplicationis* , не так ли? Они искали уединения, чтобы взаимно проконсультироваться, обсудить чертежи, выполнить положенные расчеты... Без обсуждения не бывает деторождения, это ясно, тут я с тобой согласен, мой Хлорианчик. Конечно, что-то они проектировали, прежде чем браться за монтаж микроэлементов, а как же иначе! Соорудить разумное существо, твердое оно или мягкое, это не фунт изюму!

— Скажу тебе, отче, до чего бы я не хотел дожить, — дрожащим голосом произнес отец Хлориан. — Мысль твоя, преподобный отец, на опасный вступила путь! Еще немного, и я услышу от тебя, что можно плодить потомство не за чертежным столом, опираясь на лабораторные испытания, при величайшей концентрации духа, а прямо в постели, без всяких моделей или исследований, вслепую, наощупь и даже без всякого умысла... Умоляю тебя — и предостерегаю: это не просто нелепицы, это происки Дьявола! Опомнись, отче...

— По-твоему, у Дьявола нет других забот? — ответил упрямый старец. — Но оставим в покое науку детоделия. Подойди-ка поближе. Я открою тебе тайну, которая, возможно, тебя успокоит... Вчера я узнал, что трое химикантов из Коллоидного института изготовили из желатина, воды и чего-то еще (кажется, брынзы) беловатый кисель, который они назвали Студенистым Мозгом. Ибо он не только решает задачи по высшей алгебре, но вдобавок выучился играть в шахматы и поставил мат директору Института. Как видишь, доказывать, что никакая мысль в киселе не удержится, дело напрасное, а ведь Святейшая Коллегия твердо на этом стоит!

Перевел с польского
Константин ДУШЕНКО

** Двое вместе составляют коллегию (лат.).*

Вера Лосева,
Алексей Луньков,
кандидат психологических наук

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЗАПРЕТА

Забавная юмореска Станислава Лема в общем-то не претендует на глубокий смысл. Но мы решили развить тему в более серьезном ключе, увидев в ученой дискуссии своеобразную пародию на некоторые отнюдь не богословские баталии, которые идут сегодня в нашем обществе. Статья психотерапевта В.Лосевой и психолога А.Лунькова может отчасти служить ответом на вопрос: как относиться к тому потоку «сексуальной литературы» и видеопродукции, который обрушился на наши бедные головы в течение последних лет.

режде чем говорить о восприятии сексуальной «продукции», реакции на нее зрителей и читателей, мы хотели бы остановиться на более общей проблеме. Особенностью нынешнего времени (назовем его по традиции «переходным») является, по нашему мнению, конфликт между прежними навыками восприятия и изменившейся информационной средой. Надо сказать, что навыки восприятия меняются значительно медленнее, поэтому подобный конфликт на какое-то время оказывается неизбежным.

Все дело в свойственной нам привычке воспринимать все, что показано и напечатано, не только как «разрешенное» и «правильное», но и как санкционированное свыше. Как будто кто-то сверху уже за меня подумал не только о том, что мне показывать, но и в том, какое место показанное должно занять в моем внутреннем мире. Ведь для советского человека была продумана и «диета» и сам процесс «пищеварения», так что свобода оставалась лишь для одного действия: открывать рот или нет.

Как водится, длительное подавление какого-либо потока информации приводит к тому, что, когда подавление прекращается, этот поток становится доминирующим. Баланс информационных потоков не может быть установлен сразу, и определенное время продолжается их взаимная «болтанка», борьба за место в восприятии и внутреннем мире человека — потребителя информации.

Прежние навыки восприятия успели сыграть с нами злую шутку: новая информационная ситуация воспринималась по прежней модели — как то, что нам кто-то что-то навязывает. Поэтому здравое предложение «не нравится — не смотри» или «... не читай» воспринимается «в штыки»: «Как я могу не смотреть, если это все время показывают?», «Это само бросается в глаза» и т.п.

Парадокс состоит в том, что, когда информационные потоки были согласованными сверху или, по крайней мере, не противоречили друг другу, многие люди не воспринимали это как «навязывание», хотя именно оно и имело место. Когда же появились потоки, противоречащие друг другу, один из них, вызывающий эмоциональный дискомфорт и необходимость собственного выбора, начинает восприниматься как «навязываемый» и вызывает гнев.

На волне подобного гнева легко переоценить масштабы явления. По нашему мнению, никакого массового «падения нравов» в сфере сексуальности не произошло. Просто стали более слышны голоса с двух крайних позиций «по обе стороны запрета». Тех, кто считает официозный запрет основным средством поддержания общественной морали, и тех, кто наконец «дорвался» до легализации продуктов своего воображения и призывает присоединиться к личному бунту всех окружающих, компенсируя неспособность реализовать свои фантазии в частной жизни.

Обратите внимание, что и те и другие стремятся «социализировать» свои индивидуальные установки, образуя явно выраженные социальные группы и даже политические партии. Тем самым обе стороны стремятся аннулировать существование тайны человеческой сексуальности, которая, как и любая тайна, требует индивидуального к себе отношения.

На всем протяжении истории человеческой цивилизации человеку предоставлялась возможность столкнуться с существованием тайн через причастность с детского возраста к религиозной культовой практике. Религиозное сознание тем и характерно, что человек получает возможность не ограничивать свое мировосприятие повседневными прагматическими нуждами. Он приучается к мысли, что отнюдь не практика — индивидуальная или общественная — является критерием истины, и что этот критерий лежит за пределами быта и повседневности. Надо сказать, такое мировосприятие отнюдь не делает человека субъективно более беспомощным, чем его материалистически мысливший оппонент. А дело здесь вот в чем.

Наука, увлекшись распространением идеи о собственном всемогуществе, тем самым неявно подавляла идею об индивидуальном могуществе каждой отдельной личности. А могущество раскрывается человеку в момент личного предстояния перед тайной и готовности самому для себя эту тайну раскрывать. Поэтому в любой культуре были ритуализированы моменты рождения, смерти и сексуальной инициации, являющиеся «поворотными пунктами» жизни. Эти события традиционно происходили в присутствии наиболее близких людей и (или) представителя культа.

В любой культуре рождение и смерть, сексуальная инициация (праздник наступления половой зрелости) и свадебная церемония включались в сложную обрядовую практику. Сейчас же рождение и смерть стыдливо прячут в больницу, избегая предстояния перед этими тайнами путем коллективного бегства от них. Момент наступления сексуальной зрелости вообще игнорируется, а уж праздником вовсе не является, что позволяет обществу держать человека в роли ребенка неопределенно долгий период. А свадебная церемония вполне может быть заменена «регистрацией».

Так научно-ориентированная цивилизация подводит человека к мысли, что тайн вовсе не существует, а есть только «загадки природы», которые ученые когда-нибудь коллективными усилиями отгадают.

И если с «загадками природы» так, возможно, и произойдет, то раскрытие Тайны – дело сугубо личное (так же, как и спасение души). Способ постижения тайн не может быть тиражирован, не может быть сведен к некоему общему алгоритму, его возможно обрести только самостоятельным опытом души.

Одна из главных в этом ряду – тайна человеческой сексуальности.

Человеческая сексуальность, как и познание, несет в себе две разнонаправленные тенденции: способность разрушать старые связи с миром и способность устанавливать новые. И каждый человек поставлен перед необходимостью примирить действие этих сил, претворить их противоречие во взаимное дополнение. Подросток, становясь мужчиной, рождается заново: сексуальность отрывает его от мира инфантильных зависимостей, приводит его в новый совершенно неведомый мир.

«А не много ли вы тут философии разводите? – спросит иной читатель. – Сексуальность – прежде всего биологическое явление и необходима для рождения детей.» Такому читателю мы спешим сообщить, что согласно последним данным физиологии и эмбриологии человека, приводимым в широко известной книге доктора Марчеллы Дассано-Маркони «Девятимесячный сон» (М.,1993) и книге доктора Сильвио Фанти «Микропсихоанализ» (М.,1993) выживание плода от момента оплодотворения до родов «похоже на чудо», учитывая все внешние и внутренние иммунологические и другие опасности, сопровождающие его развитие.

Итак, смысл сексуальности не сводится к задаче продолжения рода. Тайна сексуальности имеет отношение к процессу личностного освобождения и роста человека.

Недаром древние связывали две вещи: любовь и познание. Во многих языках «познать» человека означало полюбить его, равно как и вступить с ним в интимные отношения. Самосознание пророков и героев, выразившее себя в древних языках, не знало инфантильного противопоставления любви и секса.

Эта исконная нерасчлененность глагола «познать» дает ключ к пониманию сексуальных вопросов ребенка. Честнее отвечать ребенку 4-5 лет, что его подарил Господь или принесла волшебная птица. Таким образом вы не закроете ему пути для самостоятельного приближения к сути волнующей его тайны. Именно на пути к великим тайнам человек развивает силу и свободу мышления.

А что же закрывает путь к великим тайнам?

Первое: социально-государственное вторжение в интимную жизнь человека. Вплоть до строительства домов «образцового коммунального быта», введения ограничительных норм на индивидуальное строительство и владение жильем, установления норм проживания на общей площади (5 кв.м. на человека), что практически узаконивало проживание в одной комнате детей и родителей и сводило секс к удовлетворению физиологической потребности. А печально известная в 20-е годы война против «спален» и двуспальных кроватей как проявлений мещанского быта была наглядным воплощением таких идеологических и этических установок. Сексуальный пуританизм удивительным образом сочетался с полным аморализмом в других сферах – политической, эстетической и этической.

По другую сторону запрета находятся сторонники двух внешне непохожих «идеологий». Это сторонники полового просвещения и сексуального раскрепощения. Что же позволяет объединить их в одну компанию? Ведь в ней окажутся и авторы порнографических рассказиков и сочинители «Энциклопедии секса для детей» с ее игрушечной научностью и мультипликационной наглядностью?

Как ни странно – общая цель. Все они пытаются убедить читателя от мала до велика в том, что тайны секса не существует. Различны только способы – первые, создатели порнолитературы и видеопродукции, обещают нам «все показать» на примере чьего-то ошеломительного личного опыта, а вторые – обещают «все объяснить», причем «от имени науки». И те и другие обещают нас осчастливить и сделать нашу жизнь ярче и богаче.

Есть у них, конечно, и общий враг, с существованием которого они связывают то, что некоторые люди еще не очень счастливы в сексуальной жизни. Он стоит по другую сторону запрета. По их терминологии, это «ханжа», носитель ограничений и предрассудков.

Удивительно, но эта взаимная перепалка оказывается возможной только потому, что у всех трех сторон есть одно невысказанное общее убеждение и общий предмет для разговора. Это стремление защититься от существования тайны сексуальности и желание саму эту тайну устранить любым путем.

Поэтому иногда они договариваются: например, сторонники социально-государственной регуляции не возражают против «научно-обоснованного» полового просвещения. И часто для себя лично склонны устраивать такие «праздники свободной любви» (нередко с элементами садизма), до которых не додумается и самое распаленное воображение создателя порнофильма. Вспомните, как в фильме «Прорва» сотрудник НКВД мог вступать в половые отношения, только если у его жертвы руки были скованы наручниками (хотя она была «готова к интиму» и без них), а во всех остальных ситуациях он был просто импотентом.

Итак, сходство всех трех «партий» состоит в том, что они все неявно разделяют отношение к сексуальности как к чисто физиологической потребности, а поэтому при известных обстоятельствах могут договориться.

Кстати, перечисление через запятую носителями «запретительной» морали слов «секс, насилие и жестокость» выдает их собственные бессознательные установки. Дело в том, что человек, привыкший связывать свое сексуальное поведение с нарушениями запрета и оказавшийся в ситуации, где запрет на сексуальность слаб, будет нуждаться в том, чтобы нарушить еще какой-нибудь запрет. Например, запрет на нанесение вреда своему партнеру. Ведь ему для возбуждения органически необходимо чувствовать себя нарушителем чего-нибудь.

Это подтверждается и судебно-следственной практикой. Известно, что преступники, совершившие особо жестокие сексуальные преступления, воспитывались в чрез-

вычайно пуританских семьях, где основное внимание уделялось контролю над сексуальностью. Да и сами они в своей семье ведут чрезвычайно «правильный» образ жизни. Они как бы сказали себе: «Секс преступен и ему нет места в обычной жизни. Место ему — в преступной жизни, которую я должен тщательно скрывать от других». Поэтому они часто выбирают профессию учителя и другие «нормативные» профессии.

Итак, у всех трех позиций есть общее и есть различия.

Общее «охранителей» и «просветителей» — в том, что обе «партии» делают ставку на безличные нормы и информацию. От отдельного человека требуется только «усвоение», но не индивидуальное познание. Различие — в том, что одни делают ставку на ограничительные нормы, другие — на обезличенную информацию.

Общее «охранителей» и «раскрепостителей», в свою очередь, состоит в том, что они относятся к сексуальности как к физиологическому процессу. Различия: одни ставят на нормы, а другие противятся нормам и уповают на личный опыт.

Общее «просветителей» и «раскрепостителей» в том, что они скептически или негативно относятся к нормам «охранителей», а различия — в том, что одни ставят на «науку», а другие — на личный опыт.

А теперь в стиле журнала «Если», склонного к игре, давайте попробуем поставить мысленный эксперимент. Представим себе, как в известном анекдоте, что «охранитель», «просветитель» и «раскрепоститель» оказались в совершенно новом для них обществе, где «все дозволено» в отношении сексуального поведения. Можно реконструировать реакцию каждого из них — при условии, что у них нет надежды на возврат в прежнее общество. Как все они будут себя там чувствовать?

Человеку с охранительной моралью сначала будет не по себе. Он почувствует себя обиженным, уязвленным, оскорбленным в лучших чувствах. Возможно, даже попытается наставить окружающих на путь истинный. Правда, они быстро его остановят: ведь в обществе, где позволено все, не позволено одного — вводить запреты и в чем-то ограничивать другого. Но переживать наш герой, скорее всего, будет недолго — ведь у него есть спасательный круг, который не даст ему впасть в отчаяние. Это — конформизм, желание быть «как все». Поэтому к новым для себя порядкам он со временем приспособится. И без особого ущерба для себя.

«Раскрепостителю» в первый момент покажется, что он оказался в раю. Правда, «кайф» может оказаться недолгим, поскольку вскоре он почувствует, что чего-то ему не хватает. А не будет хватать ему чувства личной исключительности, ощущения того, что он более «передовой», чем окружающие. Однако, сопоставив плюсы и минусы своего положения, он, скорее всего, заключит, что оно совсем не так плохо.

«Просветитель» же от науки окажется просто на месте, так как люди этой профессии там понадобятся. Ведь физиология — везде физиология.

Так что в этом фантастическом обществе различия между ними быстро сотрутся, и они вполне могут оказаться членами одной «партии» с общими взглядами на жизнь. И вполне адаптированными в окружающей среде. И она их будет очень даже устраивать — ведь оказавшись в мире без запретов, они очутились в мире без тайн, где все наглядно, объяснимо, разрешено.

Правда, все они привыкли бороться с каким-то врагом и, конечно, обнаружат его и в новой ситуации. Им может стать их четвертый товарищ, который так и не смог вписаться в новую ситуацию и почему-то отказавшийся пользоваться преимуществами сексуальных свобод, уйдя, к примеру, в горы. Почему-то он не нашел возможности для своей сексуальной самореализации. И оставил их с двойственным чувством тревоги и ненависти, как будто что-то знал, но скрыл от них.

Единственное, что они могли бы о нем сказать: он не верил ни в то, что сексуальность нуждается в жестком внешнем контроле во избежание всеобщего разврата, ни в то, что к сексу нужно относиться просто, как к «глотку воды», поскольку это чисто физиологическая потребность, ни в то, что сексуальное раскрепощение сделает его счастливым, ни в то, что научный прогресс в сфере человеческой сексуальности позволит разрешить его личные проблемы.

А то, что он знал, для них осталось тайной, правда, они ее называли «загадкой».

Перед каждым рано или поздно встает выбор — с чем оставаться: с личным предстоянием перед тайной или же с коллективной защищенностью от ее существования.

А «Проклятые» вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла Проблема пола,
Румяная фефела,
И ржет навеселе.

Заерзали старушки,
Юнцы и дамы-душки
И прочий весь народ.
Виват, Проблема пола!
Сплетайте вкруг подола
Веселый «Хоровод».

Ни слез, ни жертв, ни муки...
Подымем знамя-брюки
Высоко над толпой.
Ах, нет доступней темы!
На ней сойдемся все мы —
И зрячий и слепой.

Научно и приятно,
Идейно и занятно —
Умей момент учесть:
Для слабенькой головки
В проблеме-мышеловке
Всегда приманка есть.

Саша Черный. «Песня о поле».

Норман Спинрад

Сорняк времени

Искра разума, которая является моим сознанием, обитает там, где нет ни пространства, ни времени. Объективная продолжительность моей жизни — сто десять лет, но сам я ощущаю себя бессмертным, ибо мое сознание продолжает жить и за пределами отмеренного срока. Я и младенец, я и ребенок, и юноша, и дряхлый старик, умирающий на чистых белых простынях. Я — все эти люди одновременно, я всегда был ими и всегда буду ими там, где обитает мой разум: на острове вне потока времени.

Моя вечность — сто десять лет. Моя жизнь похожа на биографическую справку в энциклопедии: неизменная, инвариантная, ограниченная по длине, бесконечная по продолжительности. 3 апреля 2040 года я рождаюсь. 2 декабря 2150 года я умираю. Все события между этими датами пролетают в одно мгновение. Говорят, что я передвигаюсь вдоль них вперед и назад по собственной воле, переживая каждое из них снова. Даже это — лишь часть правды. Я переживаю каждое мгновение моих ста десяти лет одновременно, раз и навсегда.

...Как мне рассказать вам об этом? Поймете ли вы меня? Наш язык базируется на концепциях времени, а они-то у нас различны. Для меня времени не существует — во всяком случае существует не так, как для вас.

Я не передвигаюсь последовательно от мгновения к мгновению, подобно слепцу, ощупью бредущему по туннелю. Я обитаю во всех точках туннеля одновременно, и глаза мои широко раскрыты. Время для меня в определенном смысле то же самое, что для вас пространство, это территория, по которой я могу двигаться в разных направлениях.

Но как мне рассказать? Да и поймете ли вы меня? И вы, и я — люди, рожденные женщинами, но в каком-то смысле у вас со мной меньше общего, чем с обезьяной или амебой. Но я должен как-то сообщить вам о себе. *Для меня слишком поздно будет слишком поздно было слишком поздно.* Я попал в этот вечный ад и никогда не смогу из него выбраться, даже призвав на помощь смерть. Моя жизнь неизменна и бесконечна, потому что я съел «Темп», сорняк времени. Упаси вас Боже повторить мой путь. Вы обязаны меня выслушать! Вы должны понять! Вырвите сорняк времени с корнем!

Я хочу рассказать так, как чувствую сам. Бессмысленно пытаться начать сначала. Начала нет. И конца нет. Лишь области времени, имеющие для меня какое-то значение. Позвольте мне описать их. Возможно, вы сумеете меня понять....

8 сентября 2050 года. Мне десять лет. Я в кабинете доктора Фиппса, доктора психиатрической клиники, в которой провел последние восемь лет, 12 июня 2053 года они наконец поймут, что я не сумасшедший. Это будет все, что они поймут, но этого окажется достаточно, чтобы выписать меня. Но 8 сентября 2050 года я все еще нахожусь в клинике.

8 сентября 2050 года — день возвращения первой экспедиции к Тау Кита. Этим событием полны все телепрограммы, вот почему я в кабинете директора и смотрю телевизор вместе с ним. Именно из-за этой экспедиции я и нахожусь в госпитале. Я говорил о ней все предыдущие десять лет. Я требовал, чтобы корабль подвергли карантину, привезенные образцы уничтожили, дабы воспрепятствовать их распространению на Земле. Большую часть моей жизни эти слова принимали за хрестоматийный симптом шизофрении — ведь корабль стартовал 12 июля 2048 года, а возвращался сегодня.

Но 8 сентября 2050 года они пребывали в экстазе встречи. Об этом дне я лепетал, едва появившись на свет, и наконец этот день наступил. И вот я вместе с доктором Фиппсом наблюдаю, как на телеэкране изображение корабля накладывается на изображение огромного бетонного поля.

— Заставьте их выслушать меня! — кричу я, прекрасно, зная, что это безнадежно. — Остановите их, доктор Фиппс, умоляю! — Фиппс смотрит на меня с некоторой тревогой. В его голубых глазах проявляется смесь жалости, смущения и страха. Он хорошо знаком с историей моей болезни. Пухлая папка, заполненная записями сотен сеансов терапии, лежит рядом с портативным телевизором на его столе. В каждой из этих записей фигурирует одна и та же дата: 8 сентября 2050 года — черный день моих «пророчеств». Слушайте же: экспедиция к Тау Кита 12 июля 2048 года. У звезды окажется 12 планет. Лишь единственная из них — пятая — будет подобна Земле, на ней найдут растительную и животную жизнь. Экспедиция привезет с собой образцы и семена небольшого растения с зелеными листьями и меленькими пурпурными цветками — оно получит название «tempis seti»... Позднее его станут называть просто «Темп». И прежде чем его свойства будут обнаружены, семена распространятся по всей Земле. Кто-то первый попробует листья «Темпа». И вскоре появятся люди, которые говорят о будущем. Их нарекут сумасшедшими — пока не наступят события, о которых они говорили...

Затем растение объявят вне закона наряду с наркотиками. Но как и любой запретный плод, «Темп» будет привлекать любителей острых ощущений. И в конце концов тех, кто пробовал «Темп», приравняют к опаснейшим преступникам. Прави-

тельства Земли попытаются вытянуть из искалеченных мозгов секреты будущего... Все это записано в истории моей болезни, с которой доктор Фиппс хорошо знаком. Восемь лет мои мрачные прогнозы считались на удивление стойко навязчивой идеей.

Но сегодня 8 сентября 2050 года. Как я и предсказывал, корабль с Тау Кита вернулся. Опускается пандус, экипаж начинает выходить, а доктор Фиппс смотрит на меня застывшим взглядом.

Репортеры со всех сторон обступают капитана корабля, и тот смущенно качает головой.

— Позвольте мне сначала сделать короткое сообщение, — решительно говорит он. — А вы поберегите силы на остальную команду.

Телеэкран заполняет узкое, с четкими чертами бледное лицо капитана.

— Экспедиция оказалась успешной, — говорит он. — В системе Тау Кита обнаружено двенадцать планет, пятая из них подобна Земле, на ней есть растения и примитивные животные. Очень странные животные...

— Что же в них странного? — выкрикивает вопрос репортер.

Капитан хмурится и пожимает широкими плечами.

— Ну, хотя бы то, что все они вроде бы травоядные и питаются одним из видов растений, доминирующим в местной флоре. Никаких хищников. И нетрудно понять почему. Не знаю, как бы вам это объяснить... Но, похоже, каждое животное заранее знает, что предпримет другая особь. И то, что собираемся сделать мы, тоже. Мы потратили чертовски много времени на сбор образцов. Нам кажется, что это связано вот с этим растением. Оно как-то влияет на чувство времени.

— У вас есть доказательства? — спрашивает репортер.

— Видите ли, мы скормили это растение лабораторным животным. И с ними что-то случилось. Мы не могли их остановить. Впечатление такое, будто они живут в некоем моменте будущего, или что-то в этом роде. Вот почему доктор Ломинов назвал это растение «tempis seti».

— А как оно выглядит? — спрашивает кто-то.

— Ну, оно похоже... — начинает капитан. — Подождите-ка, — говорит он. — У меня с собой есть образец.

Он открывает мешочек и что-то достает из него. Камера показывает руку капитана крупным планом. Он держит небольшое растение, с широкими зелеными листьями и маленькими пурпурными цветками.

Рука доктора Фиппса начинает дрожать... Он смотрит на меня. Смотрит, смотрит, смотрит...

12 мая 2062 года. Я в маленькой комнатке. Хотите — считайте ее палатой в клинике, хотите — лабораторией или тюремной камерой: на самом деле она и то, и другое, и третье. Я здесь уже три месяца.

Я сижу в удобном кресле с подлокотниками. Напротив меня за столом сидит человек из сверхсекретного правительственного бюро. На столе крутится магнитофон. Человек напротив угрюм и сосредоточен.

— Объект — декабрь 2081 года, — говорит он. — Расскажите мне все, что знаете о событиях в декабре 2081 года.

Я смотрю на него столь же хмуро и молчу. Мне до смерти надоели все эти люди из разведки, советов по экономике, научных бюро и их бесконечные бесплодные расспросы.

— Послушай, — рявкает человек, — мы слишком хорошо тебя знаем, и поэтому не станем взывать к чувству патриотизма. Мы понимаем, что тебе глубоко наплевать на то, что значат твои знания для твоей же страны. Запомни одно: ты — преступник. Приговор: пожизненное заключение. Пойди нам навстречу, и мы выпустим тебя через два года. Станешь запираться, и мы будем гноить тебя здесь до тех пор, пока твоя тупая башка не сообразит, что другого пути на волю нет. Так вот, объект — декабрь 2081 года. Ну, д а в а й!

Я вздыхаю. Я знаю, бессмысленно убеждать их, что знание будущего бесполезно, что будущее не может быть изменено, потому что не было изменено, потому что не будет изменено. Они не поймут, что выбор есть иллюзия, рожденная счастливым неведением тех, кто движется вдоль потока времени от одного момента к другому. Они не смогут осознать тот простой факт, что моменты будущего неотличимы от моментов прошлого или настоящего — фиксированные, неизменные, инвариантные. Они живут в оазисе последовательного времени. Поэтому я начинаю говорить о декабре 2081 года. Я знаю, что мой собеседник не отстанет, пока я не расскажу все, что знаю о годах между нынешним моментом времени и декабрем 2150. Я знаю, что они не будут удовлетворены, потому что не удовлетворены, не были удовлетворены, не будут удовлетворены...

Поэтому я расскажу им об этом ужасном декабре, который для них наступит через девять лет...

2 декабря 2150 года. Я стар, очень стар, мне сто десять лет. Мое искалеченное временем тело лежит на больничной койке между чистыми белыми простынями. Легкие, сердце, сосуды, органы — все отказывается служить мне. Только разум неизменен, разум младенца-ребенка-юноши-мужчины-старика. С их точки зрения, я умираю. После этого дня, 2 декабря 2150 года, все мое тело больше не будет существовать. Для меня время после этой даты столь же пусто, как и время до 3 апреля 2040 года в другом темпоральном направлении.

В каком-то смысле я действительно умираю. Но в другом — я бессмертен. Искра моего сознания никогда не погаснет. Мой разум не ведает конца, потому что у него нет ни начала, ни завершения. Я существую внутри одного мгновения, которое длится бесконечно, но в границах ста десяти лет.

Представьте, что моя жизнь — это глава в книге вечности, книге без первой и последней страниц. Глава, то есть мой жизненный цикл, занимает сто десять страниц. У нее есть начало и конец, но сама она существует столько же, сколько существует книга, бесконечная книга вечности.

Или же представьте мою жизнь в виде линейки длиной сто десять сантиметров. Линейка «начинается» на единице и «кончается» на цифре сто де-

сять. Но «начало» и «конец» относится к длине, а не к существованию линейки.

Я умираю. Я ощущаю смерть как процесс, а не результат. Смерть — это отсутствие ощущений. Она никогда не сможет меня настигнуть.

Для меня, 2 декабря 2150 года — всего лишь значимая область времени, темная стена, конечная точка, за которой все скрыто. Другая стена расположена 3 апреля 2040 года.

3 апреля 2040 года. Нечто внезапно обрывается, не-ничто столь же внезапно начинается. Я рождаюсь. Что для меня означает «родиться»? Что я могу вам сказать? И сможете ли вы меня понять? Моя жизнь, весь отрезок в сто десять лет, возникает сразу, мгновенно. В миг рождения я одновременно нахожусь и в моменте смерти, и во всех моментах между ними. Я появляюсь из лона матери и вижу свою жизнь так, как вы видите картину или некий сложный ландшафт — сразу и целиком. Я вижу свое странное младенчество, всю его непостижимость, когда я появляюсь на свет, уже прекрасно владея английским и не говорю на нем хорошо лишь из-за пока что недоразвитого голосового аппарата, когда, едва появившись из материнского лона, начинаю требовать, чтобы корабль, прилетевший с Тау Кита 8 сентября 2050 года был подвергнут карантину, и одновременно знаю, что мои призывы напрасны, ведь они были напрасными, будут напрасными, уже напрасны, и, зная в момент своего рождения, что я есть, был и буду всем тем, кем я когда-то был/есть/буду, не смогу абсолютно ничего во всем этом изменить.

Я рождаюсь, я умираю на чистых белых простынях, я в кабинете доктора Фиппса наблюдаю за посадкой корабля, я в правительственной тюрьме болтаю два года о будущем, и я же оказываюсь на лесной поляне, где растут кустики с широкими зелеными листьями и маленькими пурпурными цветками, и я срываю листья и ем их и знаю, что совершаю/совершил/совершу... Я появляюсь на свет и вижу застывшую картину своей жизни, ряд неизменных событий на неподвижном и вечном холсте времени...

Но я не просто в и ж у «картину». Я сам «картина», и я же художник, и я же стою рядом и разглядываю ее, и я же никто из них.

И я вижу неизменную область времени, которая определяет все остальное — 4 марта 2060 года. Изменить ее — и вся картина исчезнет, а я двинусь вслед времени, как любой другой человек, проживая один благословенный миг за другим, свободный от адского всезнания. Но подобное изменение — тоже иллюзия.

4 марта 2060 года, лес неподалеку от того места, где родился. Но даже знание о том ужасе, который этот день принес, приносил и будет приносить, не меняет ничего. *Я это делаю делал буду делать потому что делал буду делать делаю...*

3 апреля 2040 года и я рождаюсь, младенец-ребенок-юноша-мужчина-старик, в правительственной тюрьме, в психиатрической клинике, умираю на чистых белых простынях...

4 марта 2060 года. Мне двадцать лет. Я на лесной поляне. Передо мной небольшое растение с широкими зелеными листьями и маленькими пурпурными цветками — «Темп», сорняк времени, что преследовал, преследует и будет преследовать меня всю мою бесконечную жизнь. Я знаю, что я делаю/буду делать/делал, потому что буду делать/делал/делаю.

Но как я могу объяснить? Как дать вам понять, что этот момент неизбежен, инвариантен, что хотя я знал, знаю и буду знать о его жутких последствиях, тем не менее не могу совершить ничего, дабы изменить его.

Язык слишком убог. То, что я говорю вам, — неизбежная полуправда. Все действия, которые я совершаю за свои сто десять лет, происходят одновременно. Но даже это утверждение лишь намекает на правду, потому что «одновременно» означает «в одно и то же время», а «время» значит для меня иное, чем для вас.

Хорошо, попытаюсь еще раз.

Допустим, я говорю, что все действия, которые я когда-либо совершал, буду совершать или совершаю, происходят одновременно. Поэтому никакое знание, приобретенное на конкретном отрезке времени, не может повлиять на любое другое действие, совершаемое на другом отрезке. Допустим, для меня действия и ощущения полностью независимы друг от друга. В момент своего рождения я сразу совершаю все, что для меня предстоит сделать в жизни, мгновенно, слепо, в едином движении. И лишь в следующий «момент» я начинаю сознавать результаты всех этих миллиардов действий и тот ужас, который внесет в мою жизнь 4 марта 2060 года.

Вот говорят, что в момент смерти перед человеком пробегает вся его жизнь. В момент рождения передо мной мгновенно вспыхивает вся моя жизнь, но не перед глазами, а в реальности. Я ничего не могу изменить в ней, потому что любое изменение — это нечто, существующее лишь как функция взаимосвязи между различными моментами времени, а для меня жизнь — один вечный момент длиной в сто десять лет...

И поэтому этот кошмарный момент неизменен, и выхода из него нет.

4 марта 2060 года. Я наклоняюсь, срываю кустик «Темпа». Отрываю широкий зеленый лист и кладу его в рот. Вкус у него горьковато-сладкий, отдает древесиной, словом, не слишком приятный. Я жую лист и проглатываю.

«Темп» попадает мне в желудок, переваривается, попадает в кровь, достигает мозга. В мозгу происходят изменения, которые даже люди куда более сведущие, чем я, объяснить не в силах и будут бессильны это сделать, по крайней мере до 2 декабря 2150 года, за которым пустота. Мое тело остается в объективном потоке времени, взрослеет, стареет, умирает. Но разум мой словно выходит из потока времени и начинает переживать все моменты как один. Это похоже на «ложную память». Из-за того, что случилось 4 марта 2060 года, я уже пережил все это за двадцать лет, прошедшие с моего рождения. И одновременно это начальная точка для моего Темп-сознания в объективном потоке времени. Но объективный поток времени не

имеет отношения к тому, что происходит... Язык, основа мыслей не способны представить то, что со мной происходит.

Еще одно объяснение: в объективном потоке времени я был нормальным человеком до того проклятого 4 марта и проживал каждый день предыдущих двадцати лет последовательно, в должном порядке, день за днем. Но 4 марта 2060 года мое сознание расширилось в двух направлениях временного потока и заполнило весь мой жизненный отрезок вперед, ко 2 декабря 2150 года. Дню моей смерти, и назад, к 3 апреля 2040 года, дню моего рождения. В этом отрезке времени 4 марта «изменило» мое будущее, поэтому оно одновременно «изменило» и мое прошлое, расширив мое Темп-сознание до обоих крайних пределов жизненного пути.

Но едва прошлое изменилось, предыдущее прошлое перестало существовать, и я появляюсь из материнского лона как младенец-ребенок-юноша-мужчина-старик в правительственной тюрьме в психиатрической клинике, умирая на чистых белых простынях...

И...

Искра разума, которая является моим сознанием, обитает там, где нет ни пространства, ни времени. Объективная продолжительность моей жизни — сто десять лет, но сам я ощущаю себя бессмертным, ибо мое сознание продолжает жить и за пределами отмеренного срока. Я и младенец, и ребенок, и юноша, и дряхлый старик, умирающий на чистых белых простынях. Я — все эти люди одновременно, я всегда был ими и всегда буду ими — там, где обитает мой разум: на острове вне потока времени.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

Проба на занудство

Психолог Марк Лири (США) задался вопросом: почему занудные люди такие? Решив подойти к проблеме с позиций науки, Лири затеял экспериментальное исследование. Для группы «контролеров» был разработан специальный «индекс занудства», с помощью которого они оценивали беседы с подопытными субъектами. В качестве испытуемых выступали заведомо интересные люди и предположительно утомительные собеседники.
Эксперимент дал ценные результаты. Самое занудное поведение — это когда человек:
а) обожает поговорить о сверхъестественном;
б) постоянно жалуется на жизнь и болезни;
в) не интересуется собеседником и не слушает его;
г) часто задает вопросы, не способствующие оживленной беседе (типа «Как вам нравится цвет этих обоев?»).
Интересный собеседник воспринимается как эмоциональный и чувствительный человек, зато зануда кажется... более образованным! Возможно, потому, что часто говорит непонятное? А в общем, хронический зануда попадает в заколдованный круг: он одинок и не умеет общаться с людьми, но друзей из-за собственной излишней дотошности завести не может. Хотя, замечает Лири, разорвать круг все-таки можно... если перестать быть занудой.

То потухнет, то погаснет

Ночь. Лондон. Туман. Молодая женщина спешит домой. Как только она приближается к уличному фонарю, лампа гаснет... Это не эпизод из фильма ужасов, а действительное происшествие. Такие люди существуют, утверждает англичанин Хилари Эванс, исследователь паранормальных явлений. Письменные свидетельства тому восходят по крайней мере к 1786 году; наиболее известный феномен — 14-летняя француженка Анжелик Коттэн, в чьем присутствии стрелка компаса вращалась как бешеная. Эванс основал организацию, название которой по-русски можно передать примерно так: Гашение Уличных Фонарей — Обмен Опытом (ГУФОО). Почему фонари, а не компьютеры или, скажем, кофемолки — они тоже барахлят в присутствии определенных лиц? «Фонарь либо горит, либо не горит — это ДА и НЕТ», — объясняет исследователь.
Цели ГУФОО скромны — сбор данных о подобных происшествиях, поиск «электрических людей» (насколько повезет) и снабжение этой информацией любых заинтересованных лиц. В дальнейшем Хилари Эванс планирует перейти к более серьезной работе: в частности, он надеется выяснить, можно ли сознательно управлять феноменом ГУФ.

Не Бермудский, но тоже треугольник

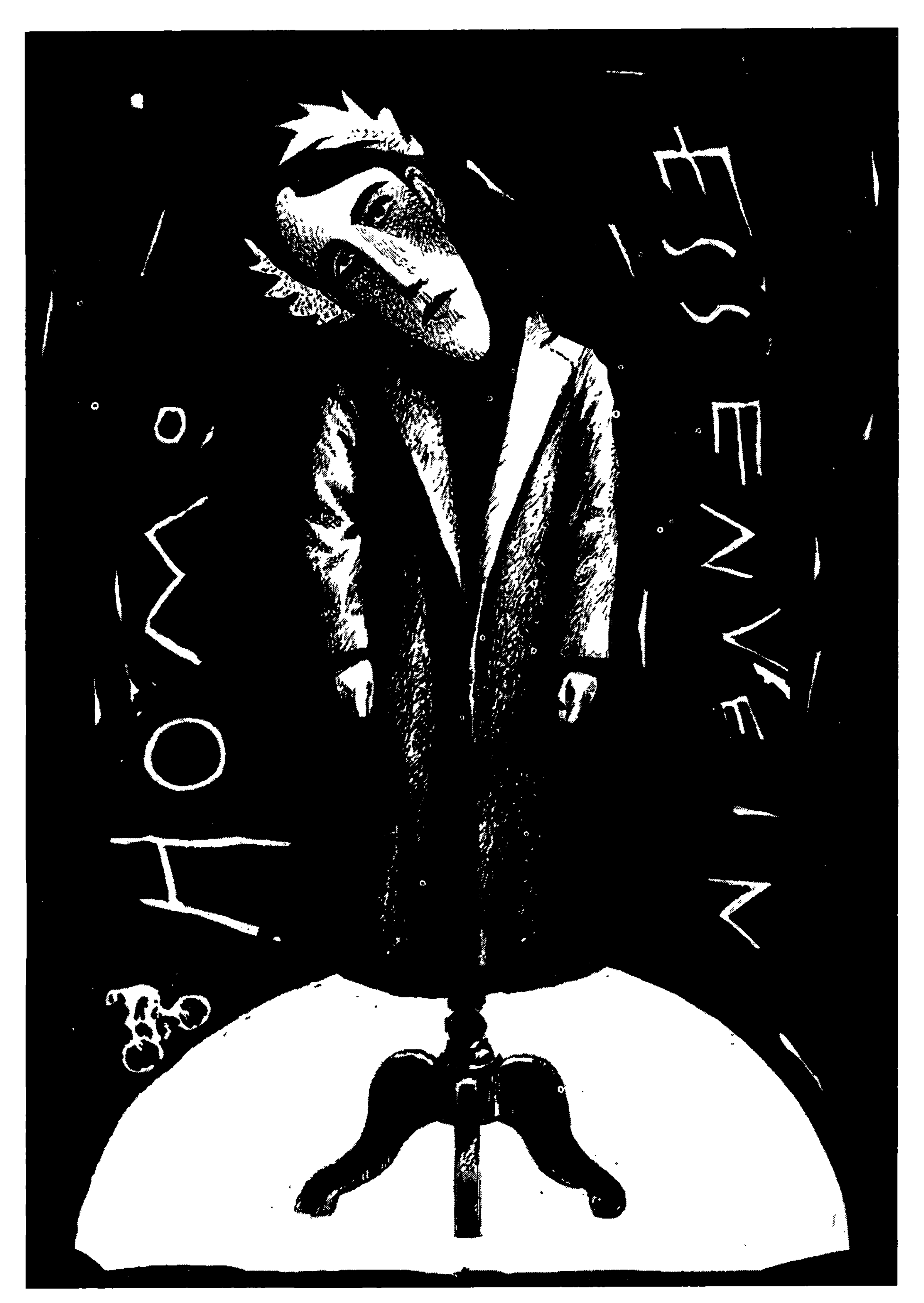
У Кена Моака (США) не слишком распространенное хобби: он коллекционирует «аномалии». Однажды ему на глаза попался старый путеводитель по окрестностям городка Оссипи (Нью-Хэмпшир), и Кен заинтересовался «Таинственным озером»: местные жители утверждали, что у него якобы нет дна... Занявшись поисками дополнительной информации, он скоро обнаружил, что ничем не примечательный городок является своеобразным центром притяжения странных происшествий, и окрестил этот район «Оссипийским треугольником».
Летающие тарелки, разумеется, примелькались в округе. В «Таинственное озеро» ледникового происхождения (ныне известное как Змеиный пруд) не так давно что-то упало прямо с неба. А почти два века назад, оказывается, на месте Оссипи был раскопан курган,где обнаружили около десятка тысяч скелетов, захороненных концентрическими кругами, что для местных индейских племен совсем не характерно и скорее напоминает древние погребения в Европе. И так далее... Моак божится, что, посетив «треугольник», он лично видел в одном из заброшенных домов у озера призрак злобной старухи! Возможно, эта местность является некоей статистической аномалией, считает он, и, если заняться поисками всерьез, найдутся и другие ей подобные.

Тараканы — спасители человечества

Если все тараканы разом исчезнут — кто станет горевать? Биологи, неврологи и нейрохирурги!
«Нервы таракана по структуре максимально близки человеческим, — объясняет Айвен Хьюбер, профессор биологии и энтомологии Мэдисонского университета (США). — У них почти те же нейромедиаторы, что и у нас». В ближайшем будущем, считает он, в большей части экспериментов подопытных млекопитающих заменят тараканы. Кстати, возражениям «Лиги этического отношения к животным», поднявшейся на защиту насекомых, Хьюбер противопоставил веский аргумент: «Чем больше пострадают тараканы, тем меньше будут страдать кролики».

Дух сильнее смерти?

Существуют ли привидения? Допустим, что да. Но в чем причина их появления? В избытке жизненной силы усопшего! — так утверждает Артур Майерс, автор книги «Призраки богатых и знаменитых»: «Те, кому удалось добиться славы, обычно имеют бездну энергии и не чужды эксгибиционизма. Возможно, именно поэтому они стремятся вернуться в мир людей и воздействовать на них». В особенности это относится к тем, кто при жизни работал на публику, считает Артур, приводя в своей книге некоторые любопытные «свидетельства» (хотите верьте, хотите нет).
Давно похороненные голливудские «звезды» Кларк Гейбл и Кэролл Ломбард продолжают встречаться в аризонском отеле (где некогда свили любовное гнездышко), регулярно пугая постояльцев.
В театральной уборной, где Джуди Гарланд гримировалась перед своим последним выходом на сцену, уже более двадцати лет горит ни к чему не подключенная лампочка.
Хотя считается, что Мэрилин Монро покончила жизнь самоубийством, секс-бомба неоднократно «выходила на связь» с медиумами, пытаясь объяснить, что это был несчастный случай. А на фотографиях, сделанных на месте ее захоронения, просматривается призрачная женская фигура.
Особенно настойчив и общителен призрак Джона Леннона. Его видели немало свидетелей (в том числе Пол Маккартни), и он связывается «по всем каналам» со множеством экстрасенсов. Наверное, потому, замечает Майерс, что Джон не успел завершить задуманное и все еще пытается «дать миру шанс».

Даймон Найт

Они собирались жить вечно...

В 1887 году в Висбадене (Германия) профессор Генрих Готтлейб Эссенвейн открыл эликсир жизни. Сотни алхимиков всех времен и народов кусали бы локти, если бы узнали, как прост секрет — дистилляция свиной крови. Чтобы не стареть, достаточно было вкусить красноватой прозрачной жидкости с легким привкусом полыни. Срок действия — вечность.

Первый пациент доктора, курица Марта, дожила до 1983 года, высидела 25860 яиц (7000 из них оказались с двойным желтком).

К сожалению, по закону известной уже тогда диалектики средство обладало большим недостатком, который обнаружился при весьма печальных обстоятельствах. У герра доктора был сын, Герд Эссенвейн, болезненный мальчик 12 лет, подающий большие надежды в игре на флейте пикколо (мы встретимся с ним еще не раз). После того, как Герд выпил эликсир в 1887 году, он перестал расти, оставшись прыщавым, стеснительным подростком.

Исходя из этого, профессор рекомендовал употреблять средство с учетом поставленных задач: спортсмену — на взлете физических сил, в 23 года; дельцу — в расцвете карьеры, в 44 года; философу — стоит подождать пятидесятилетия.

Как бы то ни было, ход истории изменился. Воодушевленный успехом герра Эссенвейна англичанин Джон Тинделл в 1895 году открыл пенициллин. А еще три года спустя Луи Пастер объявил об изобретении универсального биолола, убивающего практически все болезнетворные микробы. В результате три волшебных средства поставили человечество перед проблемой перенаселения: смертность сокращалась, рождаемость стремительно росла... К счастью, в 1897 году американский физиолог профессор Ричард Стоун изобрел противозачаточное средство (которое, кстати, попутно обуздало и катастрофическое размножение кошек и собак).

Трудно сказать, почему оно почти мгновенно приобрело широчайшую популярность: возможно, из-за того, что родителям слишком трудно стало воспитывать своих детей, которые тяжело переносили биолол, становясь на полтора — два года капризными маленькими монстрами. А может, существовала еще какая-нибудь причина. Как бы то ни было, иметь детей вскоре стало чуть ли не неприлично. Дети появлялись на свет только по чистой случайности. Впрочем, это происходило так редко, что, когда в 1953 году королеве Виктории показали годовалое дитя, она в ужасе воскликнула: «А это еще что такое?!»

Естественно, по всем этим причинам множество знаменитостей — таких, как Йоги Берра, Джордж Гершвин, Олдос Хаксли, Леонид Брежнев, Мэрилин Монро, не появились на свет. Зато родились Макдональд Спиффер, основатель Конфессии Самоуспокоения, Сидней Кольберг, автор известного шлягера «Мне будет лучше, когда ты уйдешь», Харриет Пойнтворт, первая женщина-президент США.

Уже с начала XX века все армии мира пережили шок повального дезертирства, ибо где же отыскать кретина, готового рисковать своим бессмертием? Поэтому, когда в 1914-м в Сараево был убит эрцгерцог Фердинанд и император Франц Иосиф хотел объявить Сербии войну, Конрад фон Готцендорф, начальник генерального штаба, решительно заверил его, что австрийскую нацию ну никак не вдохновит подобная идея. Фон Мольтке сообщил примерно то же кайзеру Вильгельму. В результате оба правителя скрепя сердце вынуждены были согласиться на мирные переговоры, и война, которая при прежних порядках грозила бы полыхнуть пожаром по всей Европе, кончилась, не начавшись. Так человечество вступило наконец в эпоху мира и процветания.

Цепеллины и поезда добрались в самые отдаленные уголки планеты. Как из рога изобилия, посыпались чудесные изобретения великих: Томаса Эдисона, Никола Тесла, Ли Де Фореста, обогащая и облегчая жизнь людей. Правда, никто не обратил внимания на публикацию А.Эйнштейна, малоизвестного исследователя из Имперского Берлинского Университета, рассуждавшего о возможностях использования энергии ядра. Мир уже купался в электричестве.

Следующим событием стала попытка человечества добраться до Марса в поисках собратьев по разуму. Дело началось с того, что в 1931 году астроном Шепарелли уговорил Маркони установить радар. Гигантская машина производила такой шум, что свела с ума весь скот в округе. Сигналы посылались каждую ночь в течение шести месяцев. Смысл послания был таков: «Два плюс один равняется трем. Два плюс два равняется четырем. Два плюс три равняется пяти».

Наконец усилия итальянца увенчались успехом. Полученный ответ гласил: «Восемь плюс семь равняется четырнадцати». Скептики саркастически отмечали, что это вполне соответствует действительности, и тем не менее результат был налицо.

Известный писатель Ж.Верн вместе с Г.Обертом развернул широкую кампанию: «Создадим космобиль!» Конечно, минуло около двух десятилетий, прежде чем прошли первые испытания корабля. И хотя из-за несовершенства механизма не могло быть и речи о полете на Марс, все же корабль до-

лжен был облететь вокруг Луны. Даже и в этом случае в ракете мог находиться только один человек весом не более 53 килограммов. Претендентов было несколько: первый – Эссенвейн, сын профессора, затем некто Брунфельс, потерявший обе ноги в катастрофе, некий Вальтер Допш, который в конце концов и был утвержден на эту роль. Этот карлик ростом 97 сантиметров весил всего лишь 12 килограммов (следовательно, он мог взять в придачу к положенному рациону коньяк, сигареты, несколько книг и шоколад).

23 апреля 1956 г. ракета с Допшем была поднята специальными баллонами братьев Паккард на высоту 48 километров, где произошел запуск ракетных двигателей. Жители Земли застыли у радиоприемников, слушая послания Допша, который стремительно несся в холодном звездном космосе. Сделав петлю вокруг Луны (Допш сказал, кстати, что она похожа на головку швейцарского сыра), Вальтер повернул к Земле. К несчастью, что-то случилось с парашютом, и Допш упал, горя, в Северное море. Последние его слова были: «Я люблю тебя, Хельга...» Хельгой, как выяснили потом, оказалась пикантная толстушка, работавшая с ним в одном шоу.

Трагедия отрезвила публику, и так как сигналов с Марса больше не поступало, то вся затея вскоре была забыта.

За это время, однако, успело сформироваться сильное общественное мнение, направленное против всех экспериментов вообще. В результате двигатели внутреннего сгорания сменились безопасными электрокарами и троллейбусами. Премия Безопасности, учрежденная Альфредом Нобелем в 1944 году, присуждалась ежегодно только полезным изобретениям, таким, как нескользящие подошвы или стаканы-непроливашки. В 1958 году синдикат Рокфеллера – Моргана соорудил над островом Манхэттен огромный стеклянный колпак почти семидесяти метров высотой. Специальная система фильтров и вентиляции позволяла легко избавляться от копоти и дыма индустриальных районов Квинси и Нью-Джерси. Все, загрязняющее атмосферу: дизели, лошадиный навоз, сигаретный дым – было строжайше запрещено. В 60-е годы Остров Хрустальной Мечты был оборудован самодвижущимися тротуарами. Круглый год на острове поддерживалась одна и та же теплая солнечная погода, так что зимой и летом жители могли сколько угодно гулять в свое удовольствие, не боясь схватить простуду.

Нельзя, конечно, не рассказать о действии эликсира на мир искусства. Общество, стремящееся к стабильности и устойчивости, как гарантам счастливого бессмертия, отринуло пустые и бессмысленные шокирующие новшества: модернизм, авангардизм и тому подобное. К тому же таланты и гении XIX века продолжали жить и творить. Так, например, сенсациями 1993 года стало появление Энрико Карузо в пуччиниевской «Мглаволии» и Ф.Шаляпина в «Иване Безгореве» Чайковского. Были признаны бестселлерами «Жизнь в айсберге» М.Твена, «Пограничье» Р.-Л.Стивенсона и «Страна Глупляндия» А.Конан-Дойла.

Персональные выставки художников насчитывали уже тысячи и тысячи работ, так что вскоре и в количественном отношении искусство стало доступным каждому. К примеру, однажды некий молодой человек из Нью-Джерси нашел в сундуке своей бабушки картину П.Сезанна. Он отнес ее к оценщику и с сожалением выяснил, что хотя это, несомненно, подлинник, однако не стоит практически ничего, поскольку к тому времени Сезанн успел написать десятки тысяч картин.

Прошли века. В 2250 году было замечено, что количество населения начало сокращаться. Эликсир и биолол, поборовшие старение и многие болезни, не могли предотвратить рак, артрит, а также пожары, отравления и другие несчастные случаи. Однако печальной статистике не придали должного значения. А в 2330 году, когда ситуация стала катастрофической, стало уже поздно. Даже самые юные девы, выглядевшие, как подростки, прожили уже не менее двух столетий и не желали иметь детей.

Один за другим пустели города. Оставшиеся в живых переезжали в столицы, но и здесь жизнь постепенно замирала. Леса наступали на цивилизацию, стирая следы человеческого труда, и впервые за много веков в Англии опять появились медведи, а в России огромные лоси.

Шесть веков спустя после открытия эликсира жизни на Земле осталось лишь два человеческих существа. Одним из них был известный нам Герд Эссенвейн, уже много лет живший на маленькой вилле с прекрасным видом на Люцернское озеро. День Герда проходил в поисках старых нот для пикколо в библиотеках Люцерна и Цюриха. В другом полушарии жила японка Мичи Ямамото, принявшая эликсир в шестнадцать лет.

Они смогли связаться друг с другом по рации и договорились о встрече. Мичи на лодке пересекла Японское море, а тронулась в дорогу на велосипеде, делая короткие привалы лишь для отдыха и пополнения запасов.

Весь путь занял у нее одиннадцать лет.

Ее появление у Герда стало событием. Оба уже больше века не видели человеческого лица. Встреча прошла чудесно: он играл на флейте, показывая свою коллекцию автографов великих музыкантов; они прогуливались вокруг прекрасного озера и даже устроили пикник на берегу.

Был теплый день, и Мичи сняла платье.

– Я нравлюсь тебе, Эссенвейн-сан? – спросила она его по-немецки.

– Ты очень нравишься мне, – ответил он, – но, к сожалению, это ничего не значит.

Герд скинул куртку, штаны и все остальное, и Мичи увидела, что тело, просуществовавшее более шести веков, осталось телом двенадцатилетнего мальчика.

Они печально улыбнулись друг другу и оделись. На следующей день Мичи села на велосипед и поехала домой. На этот раз она не спешила, поэтому дорога назад отняла у нее пятнадцать лет. После этого они иногда звонили друг другу, поздравляя с днем рождения. В последней раз Мичи говорила, что собирается взойти на Фудзияму.

Через несколько лет Герд, отобрав из своей коллекции самые ценные вещи и погрузив их на руч-

ную тележку, тоже отправился в горы. Вскоре он наткнулся на мирно пасущееся стадо горных козлов. Неожиданно обнаружив для себя, что животные реагируют на звуки пикколо, Герд решил навсегда поселиться в горах. На склоне он построил маленькую хижину, где на полу лежал соломенный тюфяк, а по стенам были развешаны фотографии. Кстати, Герд захватил с собой еще и гармонику, но почти не играл на ней, а вскоре и вообще потерял, обнаружив, что ее звуки не трогают животных.

В этой хижине, одетым в козлиную шкуру, его и нашли арктурианцы весенним утром 2561 года.

Много лет назад арктурианцы получили сигналы Маркони. Им также удалось перехватить биржевую сводку и два шлягера: «Да, она моя девочка» и «Дик и Дженни». За годы путешествия у них было достаточно времени изучить языки Земли, но они не знали, на каком говорить с Гердом.

— Es usted el ultimo?* — спросили они его. Это были большие серые черви или, точнее, многоножки — их защитные очки от солнца делали картину трогательной до нелепости.

— Etes-vous le dernier?**

Герд смотрел на них, не давая себе труда встать с крыльца хижины. Не отвечая, он заиграл начальные такты фантазии на тему одинокой флейты.

— Мы пришли из другого мира, — сказали ему на хинди, шведском и итальянском. Герд продолжал играть.

— Если вы желаете, мы возьмем вас с собой!

Он наконец отложил флейту.

— Благодарю вас, не нужно.

— Извините, — сказали тактичные арктурианцы. — Не смеем вас беспокоить.

И улетели. Навсегда.

Перевела с английского
Евгения ДИЛЛЕНДОРФ

* *Вы остались один? (итал.).*
** *Вы последний? (фр.).*

Илья
Борич

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Давняя мечта человечества о бессмертии в трогательном рассказе Даймона Найта обернулась горьким уроком. Но если вечная жизнь в земной юдоли беспокоит пока почти исключительно писателей-фантастов, то проблемы, связанные с увеличением продолжительности жизни, активно обсуждают врачи, ученые, философы. Мы попросили публициста Илью Борича, известного своими выступлениями на темы медицины, познакомить наших читателей с различными точками зрения на этот вопрос.

Известный английский философ Томас Гоббс оценивал жизнь человека как «уединенную, несчастную, отвратительную, звероподобную и недолговечную». Спустя три с лишним столетия это сгущенно мизантропическое определение можно было бы в какой-то части оспорить. Но любопытно, что американские исследователи старости Т.Биксон, Л.Пепло и другие дополняют эту характеристику так: мол, старик Гоббс, в общем-то, прав, но XX век внес одну поправку – жизнь, увы, еще и продолжительна. «Увы», потому что речь идет о болезнях и немощи, сопровождающих завершающий отрезок жизни, об опустевшем почтовом ящике, молчащем телефоне и мыслях о неотвратимости смерти. Все та же ветхозаветная проблема: почему Бог одинаково неумолим и к непорочному и виновному?

Действительно, человек стал жить дольше. Средняя продолжительность жизни за последние три столетия заметно увеличилась. Шестидесятилетие, по решению ООН, принятому в 1980 году, стали рассматривать как границу, когда население переходит в группу «пожилых», а отсчет «престарелых» начинается от восьмидесяти лет. В средние же века, например, люди редко перешагивали тридцатилетний рубеж, и в описаниях того времени 50-летнего мужчину называют «человеком преклонного возраста».

Сравнительная долговечность человека даже сегодня вызывает удивление. Айзек Азимов писал, что, если деревья и черепахи платят за свое долголетие пассивной неподвижностью, то человек-то всю жизнь суетится и тем не менее ухитряется пережить и лошадь (живет 40 лет), и слона (70). Однако людям этого мало. Мы ищем способы, как продлить жизнь, отложить смерть, так сказать, в долгий ящик... Уже не фантасты, а биологи, врачи предрекают победу над старением (Алекс Комфорт, английский геронтолог: «Мы непременно справимся со старением»). Оптимизм и подкрепляется, и опровергается различными теориями старения, в которых слышится тиканье «гормональных часов» и ход «генетических», ведут свою подтачивающую работу «свободные радикалы» и токсины. И кто сегодня не знает рекомендуемых учеными способов, как притормозить это движение к смерти: физическая активность, умная диета, снижение температуры тела...

Итак, на наших глазах готовится решающий штурм. «Последний же враг истребится – смерть», – библейское изречение приводят в своей книге «Да сгинет смерть!» Дж.Курцмен и Ф.Гордон. С умеренностью и осторожностью разбирают они классические доводы «за» и «против» слишком долгой жизни людей. Несколько упрощая, можно свести эти аргументы к следующим:

Скептики: Прокормим ли, обогреем растущее человечество?

Оптимисты: Пищи и энергии хватит на всех. Повысим урожайность культур, применим новые технологии, разумно используем ресурсы, энергию Солнца...

Скептики: Что будем делать со стариками? К концу века люди старше 65 лет составят в США примерно четвертую часть населения. Во что обойдется медицинская, социальная помощь, если только одна операция по пересадке сердца стоит 50 тысяч долларов?

Оптимисты: Геронтологи не просто продлят жизнь, они сделают ее полноценной и в поздних возрастах, а значит, расходы на лечение и социальную помощь уменьшатся...

Скептики: Нация, где преобладают избиратели-старики, постепенно собьет политический курс вправо; того и гляди, в президенты будет избран какой-нибудь «старый служака», чтобы вернул им «старое доброе время».

Оптимисты (и первый среди них – геронтолог Р.Батлер, автор нашумевшей книги «Зачем долго жить? Старость в Соединенных Штатах Америки»): Опасения беспочвенны, энергия молодых должна поддерживаться мудростью стариков; не зря же большинство американцев «третьего возраста», как показали опросы, были против войны во Вьетнаме.

К слову, сомнительному аргументу Батлера можно противопоставить библейский сюжет: ложная верность преданию, неспособность открыться истине привели старейшин народа в ряды насмехавшихся над распятым Христом...

Скептики: Дискомфорт от сознания неизбежности собственной смерти, быстротечности жизни в немалой степени стимулирует творчество художников, изобретателей, честолюбие политиков. Неизвестно, как повлияет сознание возможности чрезмерно долгой жизни – или даже отсутствия смерти – на психику, мировосприятие человека.

Оптимисты: Будем развивать таланты, менять профессии, решать проблемы экологии, совершенствовать человеческий род...

Нетрудно заметить, что вопросы, в той или иной мере касающиеся философских, нравственных аспектов бессмертия, вызывают растерянность оптимистов. Надежность систем организма можно, хотя до определенного предела, совершенствовать. В клиниках наподобие той, что создал в свое время в Швейцарии эндокринолог Пауль Ниханс, можно если и не дарить вечность, то по крайней мере эффективно омолаживать (его знаменитые пациенты и впрямь жили долго: папа Пий XII до 82 лет, Т.Манн до 80, С.Моэм до 91, Б.Барух до 95, сам Ниханс до 89

лет – он скончался в 1971 году). Но как быть с ментальностью, с отношением к жизни и смерти, к будущему, если смерти нет? Известный отечественный геронтолог В.В.Фролькис убежден, что бессмертие было бы мучительным для человека, пагубным для общества, которое на том и стоит, что каждое поколение обновляет жизнь. Что касается стремления продлить жизнь, то, по мнению ученого, речь должна идти не об удлинении периода дряхлости, а о несравненно более важной и сложной задаче – улучшении качества жизни. Иными словами, достигнув старости, сохранять здоровье, достаточную работоспособность, интерес к окружающему.

Но в это понятие – качество жизни – нужно непременно внести и новое осмысление бытия, чтобы найти в самой его глубине, по словам С.С.Аверинцева, «таинственную, неразрушимую и необъяснимую Радость». Трагическая ситуация со старыми людьми в нашем отечестве состоит в том, что они этой радостью обделены, и не по душевной неразвитости или слабости мировоззренческой рефлексии, а изначально, так сказать, запрограммированы на внутренний крах на закате жизни. С малых лет мы, безусловно, ангажированы историей, общественными учениями и утопиями, химерами борьбы, и когда перспектива рушится, старые идеалы развенчаны, а новые принять нет ни сил, ни желания, ни времени, то личность оказывается в ситуации катастрофы, пустоты. Утрата смысла жизни, который определялся по историческому сценарию, оказавшемуся блефом, порождает экзистенциальный вакуум, как назвал драму пустоты бытия австрийский психолог и психотерапевт Виктор Франкл. Главный упрек он предъявляет не личности, но государству, обществу, долгие годы отучавшему и отлучавшему людей от ответственности за поиски реального смысла жизни. Кстати сказать, сам Франкл, прошедший в годы войны нацистские концлагеря, казалось бы, мог с полным основанием говорить о решающем значении объективных обстоятельств, лишающих человека выбора, однако он мужественно апеллирует к свободе и ответственности индивида при любых формах внешнего угнетения.

Виднейшие современные философы приходят к тому же выводу, размышляя над источником трагедии: «культ истории» (К.Ясперс), вера в то, что она, как хозяин, всех рассудит и все устроит, подорвал в человеке доверие к внутренней правде, непосредственному нравственному убеждению, ценность которого отстаивает христианство. Индивид, по замечанию отечественного философа Эрика Соловьева, привык всякий раз искать в истории оправдание своим поступкам. Это – правда о наших стариках, бушующих на площадях под красными знаменами: попробуй под обломками рухнувшей системы отыскать себя, по-иному понять свое предназначение! По аналогии с инвалидами детства и инвалидами войны можно говорить об инвалидах истории. Трагедия огромной массы людей: к неотвратимым бедам, которые приносит старость сама по себе, прибавилось безрадостное ощущение бессмысленности жизни.

Пути спасения, предложенные когда-то экзистенциалистами, сегодня, в пору бесчисленных экстремальных ситуаций и пограничных состояний, выглядят вполне актуальными. С тем, что преподносит история, нельзя не считаться, или, как мы любили повторять, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Но это должно остаться, так сказать, за скобками, когда речь заходит о человеческом предназначении. Быть самим собой, быть верным себе, не поддаваться соблазну исторических, мистических и других призывов. Найти и осуществить свой смысл жизни. Помощь в этом предложил уже упомянутый В.Франкл, разработавший своеобразный психотерапевтический метод – логотерапию. Общего для всех или для группы людей смысла жизни не существует. «Ставить вопрос в общем виде – все равно, что спрашивать у чемпиона мира по шахматам:«Скажите, маэстро, какой ход самый лучший?» Логотерапевт (очень нужная сегодня в нашем обществе специальность) помогает найти этот смысл, подняться над ситуацией, взглянуть на себя со стороны. Учит строить из исходного материала влечений, наследственных предрасположенностей, факторов внешней среды то, что необходимо данной личности.

Призыв философов к поиску своего «призвания», смещению центра от общества к личности не должен, однако, пониматься как оправдание самодовольства, самодостаточности отгородившегося от всех индивида. Французский католический философ и драматург Габриэль Марсель не признает, например, «мудрости» отставного чиновника, занявшегося переводами из Горация для заполнения своего досуга. Такая «духовная диета», утверждает он, годится для людей, живых физиологически, но уже давно распрощавшихся с жизнью. Человек, по мысли Марселя, обязан принять трагизм эпохи, не уходя от мира, а делая его более многомерным в поисках света, озарений истины, помощи и поддержки близких, любимых.

Альтернативу образу человека, привлекательному для Запада, предлагает мудрость Востока. Историк-китаист Владимир Малявин в книге о Конфуции говорит о том, что цивилизация, сложившаяся на Западе в Новое время, ставит во главу угла собственно гуманитарные ценности, провозглашая своим героем человека-борца, человека-исследователя – Прометея и Фауста, того, кто добивается господства над миром, делая его предметом своего знания. Этот человек полностью историчен (в вульгарном понимании) и живет отрицанием прошлого, борьбой и самоутверждением, что в конечном счете оборачивается порабощением и гибелью его «я». Таким образом, и здесь мишенью является «насквозь историчный» человек. Но в отличие от западных философов Конфуций выдвигает в качестве основы человеческого бытия традицию как вечно-преемственность сознательной жизни. Жизнь в традиции знаменует не движение вперед, а погружение в глубину, не «новостройку», а постижение все новых оттенков смысла в уже известном...

И тот далеко не полный обзор поисков подлинных ценностей жизни, ее осмысления не мог не быть привязан к теме старения. Времени подведения итогов, размышления о смерти, бессмертии. Где-то промелькнуло определение человека как существа, знающего, что оно смертно, и одновременно чувствующего себя бессмертным, связывающего с будущим свои сокровенные чаяния. Таким, по крайней мере, видится «наш» человек. Ментальность людей, живших, например, в средние века, была иной: полное безразличие к времени, жажда спасения, страх перед адом, поразительное отсутствие жажды жизни, презрение к миру даже на смертном одре. Французский историк Жак Ле Гофф по этому поводу замечает, что для священников средневековья и тех, кто находится под их воздействием, история развивается не по кругу, а линейно, но идет не по восходящей, а по нисходящей линии. Люди тогда считали, что мир достиг возраста дряхлости и угасает, готов испустить дух. Этот глубокий пессимизм сродни настроениям многих в нынешней России, хотя нас разделяют восемь веков.В поэзии вагантов сетование на свое время передается такими словами:«Молодежь более ничему не желает учиться, наука в упадке, весь мир стоит вверх ногами, слепцы ведут слепцов и заводят их в трясину, осел играет на лире, быки танцуют, батраки идут служить в войско. Отцов церкви, Григория Великого, Иеронима, Августина, Бенедикта Нурсийского можно встретить на постоялом дворе, под судом, на рыбном рынке. Марию более не влечет созерцательная жизнь, а Марфу жизнь деятельная, Лия бесплодна, у Рахили гноятся глаза, Катон зачастил в кабак, а Лукреция стала уличной девкой. То, чего прежде стыдились, ныне превозносится. Все отклонилось от своего пути». Подобное брюзжание легко себе представить в виде апокалиптической заметки в какой-нибудь оппозиционной газете...

Впрочем, параллели преимущественно внешние. Двадцатый век в своем понимании жизни и смерти идет дальше всех предшествующих. Биоэтика, рассматривающая эти проблемы в широком плане, уже вступает в конфликт с традиционными культурными ценностями. Для христианства средоточием всей телесной и духовной жизни человека было сердце, а физическая смерть связывалась с прекращением работы сердца и дыхания. Та-

кова же и позиция буддистов, представителей некоторых других религий. Новые возможности, открывшиеся в связи с развитием биомедицинской технологии, позволили определять смерть по другому признаку — необратимой гибели мозга, прекращению деятельности его коры. На заседании «круглого стола» по биоэтике, состоявшемся год назад в журнале «Вопросы философии», говорилось, что китайские и японские ученые уже заявили о неприемлемости для их народов новой концепции смерти.

Наше время заставило по-новому взглянуть и на проблему одиночества в старости. Американские психологи, социологи, врачи, изучавшие проблему, высказывают ряд нетривиальных мыслей. Скажем, о том, что современный человек ощущает одиночество наиболее остро как раз в ситуациях интенсивного и подчас принудительного общения в городской толпе, в кругу семьи, среди друзей. Безграничное общение, поглощающее всю внутреннюю жизнь, для многих старых людей нежелательно. Взрослые дочери и сыновья нередко уговаривают своих старых родителей съехаться с ними. А те не хотят. Для них желаннее жизнь в одиночку. Конечно, если они здоровы. И не одиночество беспокоит их, а другие проблемы, например собственная безопасность, денежные ресурсы. Многие старики зачастую воспринимают жизнь в одиночку как некое достижение и вознаграждение.

Старея, американцы, как считают М.Кларк и Б.Эндерсон, вынуждены преодолевать трагическое противоречие. Они должны быть независимы, чтобы сохранить самоуважение. Они не возражают против финансовой поддержки, чтобы иметь свою комнату, свободу передвижения. Но вот приходит настоящая беда — болезнь, ухудшение зрения, упадок сил. И что же — дом для престарелых? Есть люди, для которых продление жизни — достаточная награда за отказ от самостоятельности. И они поедут в этот дом. Но не все. Некоторые старые американцы считают, что если помощь можно получить такой ценой, то лучше рискнуть, полагаясь только на себя. Такие люди задвинут шторы на окнах, чтобы их беспомощность не бросалась в глаза, будут недоедать, сторониться врачей, дрожать от холода, жить в запустении, но гордостью своей не поступятся (если только болезнь не заставит их лечь в больницу). Уединение — средство самозащиты, оно спасает (вспомним Сартра: «Ад — это Другие»).

«Горе нам! День уже склоняется, простираются вечерние тени». Еще одна цитата из Библии, напоминающая о неумолимом беге солнечных часов времени. Как встретить закат — отчаянием или полным душевным спокойствием? «Я часто наблюдал, — пишет в своем трактате о страдании К.С.Льюис, — как с годами люди становятся лучше и как последняя болезнь порождает силу и кротость в тех, кто их никогда не знал». Других страдание озлобляет. Каждый приходит к этому часу со своим итогом. Бог, говорил Кьеркегор, спросит тебя только об одном: жил ли ты в согласии с собственными убеждениями, выбрал ли самого себя? И перед ним ты предстанешь не в доспехах исторического времени, а как абсолютно одинокое существо, несущее в себе свою правду.

Значит, нет ни оркестра, ни ленты
там, на финише. Нет и легенды
там, на финише. Нет никакой.
Только яма. И в этой яме,
с черными и крутыми краями,
расположен на дне покой.

Торопиться и суетиться,
и в углу наемном ютиться
ради голубого дворца
ни к чему, потому что на финише,
как туда ни рванешься, ни кинешься,
ничего нету, кроме конца.

Но не надо и перекланиваться,
и в отчаянии дозваниваться.
И не стоит терять лица.
Почему? Да по той же причине:
потому что на финишной линии
ничего нету, кроме конца.

Борис Слуцкий. «Величие души».

ЭКСПО-2000

Всемирная выставка «ЭКСПО-2000» состоится в Ганновере (Германия) в 2000 году. Выставка будет проходить под девизом «Человек – Природа – Технология», на ней будут представлены новейшие достижения в области разработки экологически чистых технологий. Посетитель не увидит гигантских экспозиций в стиле Диснейлэнда, демонстрирующих чудеса современной техники: участники выставки представят реальные решения технологических проблем, наглядно свидетельствующие о том, что у человека нет необходимости принимать разрушение среды обитания как неизбежное зло.
Среди экспонатов будут автомобили, работающие на солнечной энергии, сельскохозяйственные комплексы с замкнутым циклом, новые системы по переработке отходов. Архитектурный дизайн павильонов будет подчеркивать стремление к максимальной энергетической эффективности.
Город к двухтысячному году будет реконструирован, в нем появятся новые парки и зоны отдыха, а центр будет полностью освобожден от автомобильного транспорта.

Мой «ангел» меня бережет

Каждый вечер Марк Розелли, один из директоров табачной компании, вернувшись домой со службы, облачается в полувоенное обмундирование и перевоплощается в предводителя «Ангелов-Хранителей» – добровольной организации, охраняющей порядок на улицах Бриджпорта. «Ангелы» патрулируют улицы и подземные переходы, в их обязанности входит сопровождение любителей азартных игр, которые возвращаются домой с крупным выигрышем. Члены организации принадлежат к самым различным социальным слоям, от безработной молодежи до высокооплачиваемой интеллигенции.
Вначале отношения между «Ангелами» и полицией были несколько напряженными, но после серии переговоров на высшем уровне полицейские признали добровольных помощников и охотно сотрудничают с ними.
В настоящее время в мире более пяти тысяч «Ангелов-Хранителей»: они действуют в 58 городах США, в Лондоне, Стокгольме, Сиднее. Добровольные служители порядка – серьезный противовес угрожающему росту преступности, неизбежному следствию процесса обострения социальных противоречий во всем мире.

Реставрация... гор

Издавна человек стремился к покорению горных вершин и действительно покорил их, уничтожив горные леса и луга, проложив дороги и тропы для туристов везде, от Гималаев до Анд. Ученые Уэльса (Великобритания) в течение трех последних десятилетий изучали воздействие человеческой активности на горные экосистемы и установили, что склоны гор Северного Уэльса нуждаются в реставрации не менее, чем старинные соборы. Экологи разработали метод восстановления естественной растительности, который дает прекрасные результаты, но требует кропотливого труда и длительного времени. Участки с поврежденным растительным покровом засеиваются семенами естественных видов растений с добавлением медленно действующих органических удобрений, а на полностью обнаженные склоны наносят «мозаику» из крошечных кусочков дерна с близлежащих неповрежденных участков поверхности. Этот метод можно использовать для восстановления горных экосистем в любом районе земного шара.

Купальник от компьютера

Каждая женщина хочет как можно лучше выглядеть на пляже, но совсем не каждой нравится утомительная процедура примерки и выбора нового купальника. На помощь нетерпеливым модницам пришел компьютер. Фирма по производству купальных костюмов в Мэринленде (США) предлагает последние модели купальников, идеально отвечающие особенностям фигуры и индивидуальным требованиям заказчика. Модель создается на компьютере, в который вводится около 28 параметров фигуры покупательницы. Специально обученные дизайнеры помогают клиенту в выборе идеального сочетания стилей и оттенков, осуществляя «примерку» с помощью компьютерной графики и видеотехнологии. В результате создается уникальная модель, наилучшим образом подчеркивающая достоинства и скрывающая недостатки любой фигуры.

Транзистор из белка

Для компьютеров нового поколения во многих странах разрабатываются миниатюрные транзисторы из материалов биологического происхождения: в идеале биотранзисторы должны уменьшиться до молекулярных размеров! Ученые японской фирмы «Оки» в качестве заменителя кремния пробуют... белок куриного яйца, точнее, содержащийся в нем авидин. На авидине «печатают» микросхемы инфракрасным излучением, а затем «проявляют» с помощью витамина биотина. К концу столетия, заявляют исследователи, «Оки» будет изготовлять биотранзисторы размером в 0,02 микрона, что в 10 раз меньше элементов, применяемых сегодня.

Космический парусник

Ученые и инженеры Франции, Японии и США вступили в соревнование, целью которого является создание первой модели космического парусного корабля – воплощения футуристической идеи, воскрешенной во Франции несколько лет назад. Пока Франция собирает средства, чтобы оплатить доставку парусника на околоземную орбиту. Космический корабль с развернутыми парусами будет иметь форму крошечной звезды. Паруса изготовят из тончайшей пластиковой пленки, а площадь их составит более тысячи квадратных метров. Влекомый «солнечным ветром» – потоком фотонов – корабль поплывет к Луне.

Баррингтон Дж. Бейли

Курс на столкновение

Глава I

Не бывало, наверное, и не будет победы без зазнайства и хвастовства, — подумал Ронд Хешке. — Знамена, везде знамена...

На возвышенной террасе перед Политдворцом, штаб-квартирой Всемирного Политического бюро, знамена развевались, словно исполинские паруса, поднятые на сотню футов над мостовой. Хотя последнее из сражений с низшими подвидами, война против амхраков была успешно завершена двадцать лет назад, знамена до сих пор твердили о походной славе. И до сих пор гремели ежегодные парады, звучали напыщенные речи, а по видеосети демонстрировались документальные фильмы, безвкусные и крикливые.

«Война за обладание Землей», — так ее окрестили. Но теперь-то Земля была завоевана и бесповоротно принадлежала Человеку Истинному, и про себя Хешке считал, что «медным трубам» пора бы петь чуть потише. Он пересек террасу, слегка напуганный огромными черно-красными портьерами у входа, которые заглатывали посетителей, как букашек. Несомненно, Политдворец был самым впечатляющим среди множества прекрасных дворцов в административных кварталах Прадны — его сомкнутые стеклянные фасады вздымались на высоту в тысячу футов, будто излучая величие. Исходившая от них мощь быстро подавила непочтительные мыслишки.

Хешке вступил в просторный вестибюль, затем поднялся на лифте на двадцатый этаж, прошел по коридорам, которым не было видно конца. Навстречу то и дело попадались высокие, стройные красавцы и красавицы из Титановых Легионов, самозванные «попечители Земли», захватившие за последние столетия всю полноту политической власти над человечеством. Блестящие черно-золотые мундиры и сознание своего генетически безупречного происхождения позволяли им посматривать на Хешке с презрением, чего тот предпочитал не замечать. Он давно пришел к выводу, что любая военная элита склонна упиваться чувством собственного превосходства. Для них он всего-навсего штатский, да еще пожилой, с наметившимся брюшком. К тому же он, насколько это вообще возможно в современную эпоху, не интересовался политикой — его интересы лежали отнюдь не в будущем, а в прошлом.

На двадцатом этаже располагались апартаменты Бюро пропаганды. Кабинет, куда его вызвали, принадлежал Отделу археологии (сокращенно Бюропроп — Арх). Его заставили ждать не более десяти минут, и наконец миловидная, но безучастно деловитая секретарша предложила ему войти.

Титан-майор Браурн поднялся из-за стола с приветливой улыбкой.

— Рад видеть вас, гражданин Хешке! Прошу садиться.

Позади Браурна стоял человек в чине капитана, которого Хешке прежде не встречал, — моложавый, бледный, высокомерный. У капитана было покалечено левое веко, и это придавало лицу насмешливое выражение. Вообще-то дефекты внешности в Легионах не прощались. Оставалось только гадать, какими заслугами капитан компенсировал свой недостаток, иначе ему просто не разрешили бы вступить в ряды титанистов.

— Знакомьтесь, это титан-капитан Браск, — сообщил Браурн. — Я пригласил его принять участие в разговоре по причинам, которые вам станут понятны позже.

Майор сел и откинулся на спинку кресла, твердо опустив крупные руки на стол. Плотный, грузный, широкоплечий не по росту; форменные черные ремни, надетые крест-накрест поверх мундира, подчеркивали впечатление силы. Темные волосы, когда-то густые и пышные, уже поредели, лицо многоопытного любителя наслаждений начало оплывать, но карие глаза смотрели зорко. Хешке предпочел бы видеть майора подчеркнуто деловитым и резким, а не играющим в радушие, как сейчас.

Взгляд Хешке переместился на археологическую картосхему, висевшую на дальней стене. Схема была выполнена вполне профессионально, хотя, пожалуй, была излишне тенденциозной. Она отражала циклическое возвышение и падение цивилизаций как неизменную основу всей человеческой истории. Хешке все еще разглядывал схему, когда титан-майор снова заговорил.

— Итак, гражданин, что нового? Как продвигается изучение развалин?

— К сожалению, не могу доложить о новых открытиях... Хешке опасливо вертел в руках портфель. Голос титан-майора сразу огрубел, утратив любезный тон.

— Уж не хотите ли вы сказать, что за все это время не продвинулись ни на йоту?

— Нельзя постоянно рассчитывать на успех, — ответил Хешке, защищаясь. — Мы знаем об инопланетных захватчиках немного, но прежде всего то, что они были полностью уничтожены, сметены с лица Земли почти без следа. В известном смысле нам еще повезло, что существуют хотя бы такие объекты, как Хатарские развалины...

Браурн поднялся из-за стола и принялся мерить комнату шагами, с каждым шагом становясь все серьезнее.

— Мы одержали победу над низшими подвидами, но они никогда не были главной угрозой. Я не хотел бы напоминать вам, гражданин Хешке, какая это угроза и какое значение придается вашей области исследований. Вам известно не хуже меня, какие грандиозные битвы могут ожидать нас в будущем. Мы не вправе допустить, чтобы планета и впредь оставалась беззащитной перед нашествием из Космоса...

Он остановился и в упор уставился на Хешке.

Хешке не знал, что и ответить на такую тираду. Ему хотелось бы вернуться к своим развалинам и

спокойно продолжать работу с коллегами, а не выслушивать нотации легионеров.

— Чтобы говорить о новых успехах, надо бы сначала обнаружить новые объекты, — заметил он. — Скажу прямо, в Хатарских развалинах мы уже изучили практически все.

«А какие умозаключения я, по-вашему, должен был сделать из осмотра пустых каменных руин и нескольких скелетов? — добавил он про себя. — Ведь ни машины, ни предметы инопланетного происхождения почти не сохранились...»

И тут впервые заговорил молодой капитан. Голос у него был звучным, тон — снисходительным.

— К счастью, гражданин, мы не стали возлагать надежды на вас и только на вас. У нас есть собственные археологические отряды, и должен вам сообщить, что они добились лучших результатов.

«Ну конечно, — подумал Хешке. — Потому что вы, титанисты, подходите к любому делу с идеологических позиций. Чего же проще — выкопать разрозненные останки и истолковать их так, как велит доктрина...»

О да, общая концепция вырисовывалась довольно отчетливо. Около восьмисот лет назад могущественная, зрелая цивилизация классического типа пришла к тотальному, почти мгновенному крушению. На Земле начались Темные столетия — период, охвативший без малого четыреста лет, — и лишь затем цивилизация была мало-помалу воссоздана заново.

Но не менее очевидным было и другое: где-то в пределах последнего тысячелетия на планете, бок о бок с человеком, появилась и иная цивилизация внеземного происхождения. Она тоже была сметена, причем гораздо более основательно. Как могло случиться, что эта цивилизация исчезла почти бесследно, оставалось загадкой. Точный возраст инопланетных развалин по сей день был предметом дискуссий, хотя пропагандисты из Легионов пришли к категорическому выводу: прежняя человеческая цивилизация погибла в героической борьбе, защищая Землю от интервентов. Человечество победило, но, затратив слишком много сил, восстановить прежнюю жизнь уже не сумело.

Гипотеза представлялась вполне убедительной. Инопланетные постройки лежали в руинах, и было похоже на то, что здесь бушевали яростные сражения. И все-таки, если задуматься... Крушение цивилизации классического типа едва ли можно было назвать событием, единственным за всю историю. Скорее следовало бы говорить о серии подобных крушений, повторяющихся примерно каждые две тысячи лет, словно человеческая цивилизация была изначально неспособна поддерживать себя, вновь и вновь разваливаясь под собственной тяжестью. Самые оголтелые из титанистов объясняли эту странную цикличность повторяющимися вторжениями из космоса, но в пользу такого предположения не было ровным счетом никаких доказательств.

Не было, впрочем, и решающих доказательств в пользу того, что последняя из классических цивилизаций погибла в результате яростных инопланетных атак. Не было, несмотря на сумасшедшие усилия самого Хешке и его коллег. Лично он придерживался мнения, что цивилизация пришла в упадок под воздействием внутренних причин. Ведь ни один из обнаруженных исторических документов об интервентах из космоса практически не упоминал. Однако что касается инопланетян, они все же побывали на Земле, об этом свидетельствовали развалины.

Не без колебаний он открыл свой портфель и вытащил пачку глянцевых фотографий.

— Признаюсь, долго не мог решить, показывать вам их или нет. Они весьма любопытны...

Он передал фотографии через стол. Браурн и Браск наклонились, чтобы рассмотреть их получше. На снимках, сделанных с разных точек, были запечатлены инопланетные развалины, те самые, где ныне расположился лагерь археологов.

— Они попали мне в руки совсем недавно, — пояснил он несмело. — Мне передал их коллега. По нашему мнению, снимки сделаны лет триста назад, вероятно, каким-то историком-любителем. Сперва нам подумалось, что они представляют чисто академический интерес, однако... — Он еще раз залез в портфель и вынул еще один пакет с фотографиями.

— Эти снимки сделаны с тех же точек, но уже в наши дни...

Браурн в недоумении переводил взгляд со старых фотографий на новые.

— Ну и что?

Хешке склонился над столом.

— Видите эту коническую башню? Нетрудно заметить, что даже сегодня она сохранилась совсем неплохо. А на старой фотографии, сделанной триста лет назад, ее нет, одни остатки фундамента...

— Но этого быть не может! — фыркнул Браурн.

— Да, конечно, — согласился Хешке. — Есть и другие очевидные несообразности — на старых снимках стены осыпались, да и кладка выветрилась и раскрошилась. В общем, если бы мы поверили этим фотографиям, пришлось бы считать, что развалины сегодня в лучшем состоянии, чем три века назад.

— Ну и что с того?

Хешке пожал плечами.

— Не имею ни малейшего представления. Возможно, это подделка. Ретушь. Другого объяснения не нахожу.

— Очень остроумно. — В голосе Браурна звучал сарказм, и Хешке пожалел, что решился затронуть эту тему. — Если снимки фальсифицированы, то их историческая ценность равна нулю, — продолжал титан-майор, не отводя, однако, глаз от фотографий. В конце концов он вручил обе пачки Браску. — Распорядитесь, чтобы с них сняли копии...

Подделка, напомнил себе Хешке, была выполнена поразительно достоверно. Старые пожелтевшие отпечатки оставляли гнетущее, мрачное впечатление.

Браурн солидно прокашлялся и вновь обратился к ученому.

— Мы поневоле задаем себе вопрос: испытываете ли вы должный энтузиазм по поводу задачи, которая на вас возложена? — По спине Хешке пополз неприятный холодок. — Возможно, вы просто неспособны оценить, насколько серьезна опасность. Агрессоры уже однажды пытались отнять у нас Землю, и как знать: не предпримут ли они новую попытку и когда это произойдет? Нам необходимо знать, откуда они явились. Не рыщут ли они и сегодня где-нибудь в ближнем космосе? Решительно необходимо иметь информацию об их вооружении.

В разговор опять вмешался Браск. В его холодных голубых глазах загорелся стальной отблеск, и необычное выражение лица стало просто пугающим.

— Вы не знакомы с новейшими теориями о том, почему возникли низшие подвиды? Для нас всегда было загадкой, как произошла мутация: ведь естественный ход эволюции решительно склоняется в пользу чистокровного Человека Истинного.

Ссылаться на влияние радиоактивности невозможно — в классическую эпоху ядерное оружие уже было радиологически чистым. И вот не так давно физики установили, что магнитное поле Земли отбрасывает потоки частиц высоких энергий, идущие из космоса. Если видоизменить это поле таким образом, чтобы частицы достигали земной поверхности, скорость биологических мутаций неизмеримо возрастет. Не исключено, что именно здесь кроется причина возникновения низших подвидов.

Хешке нахмурился.

– Разве можно изменить характер земного магнетизма? — спросил он с сомнением.

— Теоретически — да. Пока еще мы не догадываемся как, но, разумеется, физики не прекращают работу. Думаю, уже сейчас можно не сомневаться в том, что низшие подвиды развились вследствие применения инопланетного оружия, нацеленного на разрушение нашей генетической чистоты, иначе говоря, на извращение самой природы человека.

— Вот так-то, гражданин Хешке, — подытожил Браурн смертельно серьезным тоном. — Теперь вам, надеюсь, ясно, почему ваши исследования имеют такое важное значение?

Хешке усталым кивком подтвердил, что ему все ясно.

— Вы правы, совершенно правы, — произнес он подавленно. — Чтобы отразить посягательства такого масштаба, надлежит мобилизовать все наши силы. Но повторяю с полной откровенностью: я просто не вижу, что могу сделать еще сверх того, что уже делаю. Хатарские развалины практически исчерпаны.

Офицеры обменялись взглядом. Браурн кивнул, и в тот же миг в кабинете воцарилась менее напряженная атмосфера.

— Мы понимаем ваши затруднения, — сказал титан-майор, — и у нас есть новости, которые вас заинтересуют. В другой части света сделано открытие, вам пока не известное. Мы хотели бы предложить вам принять участие в небольшой экспедиции.

Хешке испытал мгновенное острое облегчение. Значит, они все-таки не намерены его увольнять! Привычно подозрительные по отношению к любому и каждому, они испытывали его, заставляли высказаться, проверяя, подходит ли он для предстоящей работы. Видимо, речь шла о чем-то, чего они не могли поручить своему персоналу: Хешке не сомневался, что Легионы с удовольствием отказались бы от услуг штатских в принципе, да не получалось. Разработки ученых-титанистов слишком часто грешили догматизмом и не выдерживали объективного анализа. А Хешке был как-никак виднейшим специалистом в своей области, и Легионы поневоле нуждались в нем.

Ему нередко случалось задумываться: а что бы он предпринял, если бы ему, вопреки его воле, предложили вступить в титанисты? Принять предложение было бы самоубийством, отказаться — тем более.

— Экспедиция будет в высшей степени необычной, — продолжал Браурн. — Должен предупредить: она, возможно, сопряжена с определенной опасностью...

— Нам предстоит посещение резервации мутантов?

— Об этом — позже. Когда придет время, вам сообщат...

«Да нет, конечно, это одна из резерваций», — решил Хешке. Где же еще на давно изученной планете экспедиция может быть сопряжена с риском для жизни? Только там, где горсткам мутантов разрешено влачить жалкое существование в интересах науки. Должно быть, титанистам удалось открыть в этих диких местах что-то важное, возможно, даже не известное до сих пор инопланетное поселение.

— Право же, вы могли бы дать мне хоть какой-то намек, — попросил он. — Надо же мне знать, к чему готовиться...

Браурн был в нерешительности — состояние вовсе ему не свойственное.

— Один наш отряд обнаружил инопланетный механизм в хорошем состоянии. Без преувеличения — работоспособный механизм. Самая значительная находка на памяти многих поколений... Боюсь, что больше я сказать вам не вправе. Да, по правде говоря, я и сам знаю не намного больше. Но вы должны быть готовы прибыть по первому требованию...

Он снова поднялся на ноги, давая тем самым понять, что беседа окончена.

– Ну что ж, гражданин, я рад, что вы относитесь к своему делу с подобающим энтузиазмом. Надеюсь, мы сможем положиться на вас и впредь. Хочу думать, что вы не пожалеете сил ради нашего дела... И ради человечества...

Хешке тоже поднялся, коротко поклонился и вышел.

Глава II

Приплюснутые конические башни... Разбросанные по всему миру, они сохранились лучше, чем остальные постройки инопланетной архитектуры, — по-видимому, сама форма сооружений помогала им противостоять разрушительному натиску времени и людей. Среди руин, которые Хешке исследовал со своим отрядом, такие башни попадались на каждом шагу.

Он вернулся из Прадны в час заката. Хатарские развалины считались одним из важнейших объектов внеземного происхождения — хотя бы потому, что уцелели лучше других. Типичная картина выглядела иначе: на месте городов и поселений, подвергшихся ядерной бомбардировке, ныне лежали лишь поля оплавленного стекла. Хатарские развалины не испытали ядерного удара и, хотя серьезно пострадали от оружия меньшей силы, до сих пор как бы излучали чужую мысль, хранили душу ушедшей расы. К небу устремлялись стены, странно изогнутые и закругленные. А среди них, притом на разных уровнях, то и дело встречались эти самые конические башенки. Трудно было поверить, что инопланетяне провели на Земле совсем немного лет, но приходилось верить, иначе историческая наука вообще потеряла бы всякий смысл. Однако и этот город, и другие, еще более крупные, были возведены строителями по всему свету с явным расчетом на долгий срок, на века...

Археологи только что закончили свой дневной урок, тщательно просеяв очередную порцию земли. Хешке спешил к палатке, где сортировали и обрабатывали находки, в надежде увидеть что-нибудь новенькое, например, если очень повезет, какой-нибудь образчик таинственной инопланетной письменности, до сих пор не поддающейся расшифровке. Как обычно, надежды оказались тщетными. В северном секторе, в здании, которое археологи прозвали собором, кто-то обнаружил прозрачную штуковину, каких уже было найдено несколько дюжин. Предполагалось, что это заурядный предмет домашнего обихода, вроде соковыжималки.

Именно к таким банальностям все, как правило, и сводилось. Обычные предметы быта, простейшие

инструменты, мебель. Сохранившиеся скелеты давали более или менее ясное представление о физическом облике пришельцев. Однако продукты их мастерства, машины, оборудование, записи, — в сущности, весь спектр достижений цивилизации, несомненно высокоразвитой, — исчезли в безумии аннигиляции: люди прошлого задались целью разнести все чужое вдребезги, испепелить его, разложить на атомы. Было найдено лишь несколько ржавых механизмов, искромсанных до полной потери всякой формы, и самый острый ум не смог бы судить по ним, хотя бы приблизительно, о принципах внеземной технологии.

Скорей бы уж посмотреть на работоспособный механизм инопланетян, о котором говорил Браурн...

Хешке следил за тем, как один из стажеров старательно очищает «соковыжималку» от грязи, но, ощутив за спиной чье-то присутствие, обернулся. Это был Блэр Бломоут, его ближайший помощник.

— Ну как там, Ронд? — бодро осведомился Блэр. — Что понадобилось от тебя титанистам?

Хешке кашлянул и нервно покосился на стажера. Само собой, кто-то в составе отряда был «наблюдателем» от Легионов, и это не прибавляло душевного спокойствия. Коротким кивком он показал Блэру на выход и, как только они выбрались наружу, предложил:

— Может, пойдем к тебе, пропустим по стаканчику?..

До палатки помощника было недалеко. И все же Хешке наконец обратил внимание, что в лагере царит непривычная тишина да и сам Блэр, пожалуй, слегка встревожен. Такого за Бломоутом не водилось: он был грубоват, вечно взъерошен, но вывести его из себя представлялось делом почти немыслимым. Приподняв полог своей палатки, он пригласил Хешке войти. Присел за деревянный столик, нацедил обоим по стакану вина и сообщил как бы невзначай:

— Здесь сегодня были гости из Легионов. Приставали с вопросами. Допросили всех и каждого...

— С какими вопросами? — вскинулся Хешке.

— Политическими, какими же еще, — Блэр пожал плечами и отвел глаза. — Знаешь, по-моему, на нас вот-вот налетят холодные ветры. Будет чистка. Между прочим, ты их тоже интересуешь. И даже очень.

Хешке опустил недопитый стакан на стол, внезапно оцепенев. До сих пор он как-то ухитрялся сводить влияние титанистов в отряде к минимуму. Ему доводилось наблюдать, что бывает, когда Легионы засылают своих людей работать бок о бок с гражданскими: не успеешь и моргнуть, как титанисты заберут в свои руки всю власть на объекте, и первой их жертвой станет научная добросовестность.

И в ту же секунду его осенило, что за сегодняшними событиями кроется холодный расчет. Титанисты решили наведаться на развалины в день его отсутствия. Но во имя чего?

— Что именно они хотели узнать обо мне? — спросил он жестко.

— Хотели выяснить, как бы это сказать поточнее, на чьей ты стороне. За них или против. А в самом деле, на чьей ты стороне, Ронд? И что вообще происходит? Нас выживают отсюда?

Хешке медленно покачал головой.

— Нет, тут что-то другое... — Он помолчал, потом добавил недоуменно, вполголоса. — Мой Бог, похоже, они затеяли что-то грандиозное...

— О чем ты, Ронд? — Блэр смотрел на ученого с любопытством, свет настольной лампы подчеркивал обострившиеся черты лица. — Ну что ж, мои убеждения тебе известны. Не стану скрывать, сегодня мне стало по-настоящему страшно. Думаю, пора исчезать.

Хешке прищурился.

— Не смеши меня, Блэр. Тебе не о чем беспокоиться. Проверяют не тебя, а меня. Они сделали серьезное открытие и хотят, чтобы я им помог... Вообще-то я не должен бы тебе говорить, но, чтоб им пусто было, я же все равно знаю не намного больше, чем ты. Представь, они откопали какую-то инопланетную машину и, похоже, совершенно на ней свихнулись. Так или иначе, мне предстоит участие в экспедиции. Сам не знаю куда. Видимо, в резервацию мутантов...

Блэр хмыкнул.

— Положим, в резервациях в наше время тихо, как на кладбище. За исключением тех случаев, когда титанисты устраивают там рейды. Может, они имели в виду вовсе не резервацию.

— Может, и так. Просто-напросто мне хотелось доказать тебе, что никакой чистки не предвидится.

— Спасибо на добром слове, Ронд, но мне все равно кажется, что лучше исчезнуть. Назревает что-то еще, сегодня я понял это. Раньше я был здесь в безопасности, теперь нет.

Хешке уставился на помощника в недоумении.

— О чем ты, Блэр?

Собеседник беспокойно заерзал и отхлебнул вина. Лампа, стоящая на столе между ними, отбрасывала на брезент палатки резкие тени, и каждое движение Блэра гротескно отражалось в пляске теней.

— Буду откровенным до конца. Черт побери, я уверен, что тебе можно доверять. Ты ведь знаешь, кому я симпатизирую. И тебе известно, что у титанистов есть политическая оппозиция. Думаю, они напали на мой след.

— Напали на твой след? — переспросил Хешке, попрежнему ничего не понимая. — Конечно, политическая оппозиция существует, как существовала во все времена. Вряд ли принадлежность к оппозиции можно считать преступлением. Разве что...

Он умолк на полуслове. С Блэром Бломоутом они работали вместе уже много лет. Как и сам Хешке, Блэр считался видным специалистом, хотя и уступал своему начальнику в опыте. Не было для Хешке тайной и то, что помощник ненавидит титанистов и придерживается либерально-анархических взглядов. Они казались не то причудой, не то капризом; нет-нет, торопливо поправил себя Хешке, все это неточные определения, — скорее выражением своенравной индивидуальности, не лишенной обаяния... Но кто же мог подумать, что дело дойдет до открытого вызова...

Мысли Хешке замерли на полдороге. Блэр отвечал сбивчиво, волнуясь:

— Рано или поздно приходит момент, когда надо выбирать между гражданским послушанием и протестом. Приходится принимать решение, трудное, но окончательное решение. Я такое решение принял...

Блэр потер лицо ладонью. В его глазах Хешке прочитал огромную усталость и подумал: «Немудрено, общение с легионерами не прошло для него бесследно. Да, вероятно, и для меня тоже...»

— Послушай, ты что, выходит, из этих?

Бломоут кивнул.

— Титанисты сами вели меня к такому решению шаг за шагом. Они схватили нас за горло и держат

мертвой хваткой. После войн с мутантами эта хватка ничуть не ослабла, даже усилилась. Идеология стала еще более нетерпимой. Хорошо, что в Легионах не научились читать мысли, а то и мысли стали бы предметом судебного разбирательства. Так что если принадлежишь к нелегальной организации, поклявшейся бороться с ними, если веришь, что так называемые мутанты не меньше нашего заслуживают места под солнцем...

— Блэр, одумайся! Что ты говоришь!..

— Вот видишь, — Бломоут пожал плечами, — даже ты не способен переварить столь еретическую идею. А ведь ты любишь титанистов, в сущности, не больше моего...

Хешке поник. Его старый друг Блэр Бломоут признался в расовом предательстве, в прямой связи с презренным подпольем, которое в последней войне тайно помогало амхракам! Самая мысль об этом была нестерпимой. Но, несмотря на полное замешательство, он произнес рассудительно:

— Разумеется, титанисты не ангелы. Но они не творцы своей идеологии, они лишь главный ее инструмент. И, кстати, совершенно необходимый. Земля должна быть защищена, как и вектор эволюционных процессов. Право, Блэр, неужели ты сам этого не понимаешь?

— Защищать Землю от пришельцев из космоса — кто же против, — возразил Бломоут. — Но ведь нам никакие пришельцы не угрожают. Нашей цивилизации давно ничто не грозит, вторжение было много веков назад. А вот что касается всего остального...

Он не докончил фразу, а только грустно покачал головой. Хешке чувствовал, что для одного дня споров хватило с избытком, но столь дикие рассуждения нельзя было оставить без возражений.

— Все это — части одного целого, — заявил он. — Кровь в жилах тех, кто составляет Титановые Легионы, та же, что текла в жилах их предков, отразивших нашествие. Угроза не исчерпана, не исчезла и задача — владеть Землею и оберегать ее!

Он отдавал себе отчет, что повторяет лозунги титанистов, но это в данный момент беспокоило его меньше всего. Он впитал их как непреложные истины и всерьез никогда не оспаривал. На лице Блэра мелькнула усмешка.

— Но ведь в жилах так называемых низших подвидов течет та же самая кровь Мы все потомки Человека Классического.

— Разумеется, но...

— Да знаю я, знаю, что ты сейчас скажешь. Только мы одни унаследовали в неизменности облик Человека Классического, а потому мы одни заслуживаем титула Человека Истинного! Остальные расы — отклонения от естественного вектора эволюционного развития. Что правда, то правда: мы действительно ближе всех к людям классического века. В физическом отношении, по крайней мере. А возможно, и в умственном. С этим я спорить не намерен.

— Прекрасно!

— Но что из этого следует? Да, мы похожи на людей прежних эпох, однако с чего мы взяли, что новые расы хуже? Пойми, Ронд, я и мои единомышленники не против эволюции. Наоборот, мы хотим спасти эволюцию от попыток затормозить ее или остановить совсем. Титанисты волей-неволей ведут нас именно к такому исходу. Природа по сути своей изменчива, главный ее метод — создавать все новые и новые формы. А титанисты истребляют новые формы во имя строгого единообразия. И в конце концов, честное слово, жертвами этих фанатиков окажемся мы все вместе взятые.

Новые для Хешке идеи испугали его.

— Титанисты считают, — сказал он, — что появление мутантов связано с инопланетным оружием, воздействующим на гены.

— Да, я знаком с подобными теориями. Ну и что из этого? Каковы бы ни были мутационные воздействия, они всего-навсего ускорили эволюцию, сжали до нескольких веков процессы, которые в противном случае шли бы десятки миллионов лет, если не дольше. Но подвиды, которые мы называем низшими и старательно уничтожаем, развились бы так или иначе.

В палатке повисла неловкая тишина. Хешке покачал головой и глубоко вздохнул.

— Я по-прежнему утверждаю, что на Земле есть место для одной и только для одной расы, — объявил он торжественно. — Ну скажи мне, ради всего святого, как, по-твоему, следовало нам поступить, когда лорины начали тотальную войну?

Бломоут подумал и кивнул.

— В этом частном случае ты прав. Лорины оказались еще более агрессивными, чем мы. Их нельзя было не уничтожить — планета не выдержала бы двойной нагрузки. Но на этом мы не остановились, а выступили против всех остальных. Допустим, лорины представляли собой угрозу для человечества, но амхраки? — Он усмехнулся. — Нет, Ронд, они никому не угрожали. А урукури, те и вовсе неспособны держать оружие. В сущности, их вообще нельзя называть отдельным подвидом, разве что с натяжкой. Все, чем они отличаются от нас, — подчеркнуто негроидной внешностью да мирным нравом.

— Но подумай о риске смешанных браков! О том, что наша кровь может быть осквернена кровью урукури или амхраков. — От подобного предположения Хешке передернулся.

Бломоут покопался в шкафчике и достал новую бутылку.

— Налей себе еще, Ронд, — сумрачно предложил он. — Не укоряю тебя за то, что ты думаешь, как большинство. Пропаганда у титанистов ведется на высоком уровне. Но она врет.

Он поднял свой стакан, словно предлагая Хешке присоединиться к тосту:

— За лучшее будущее!..

— Куда ты намерен податься? — осведомился Хешке, впрочем, без особого интереса.

— Скроюсь на время. У меня есть друзья. — Блэр осушил стакан до дна. — Прости, старина, что поневоле сделал тебя изменником...

— Да ладно, — пробурчал Хешке смущенно. — Ты же знаешь, что я никогда не донесу на тебя...

С этими словами он вышел. Уже наступила ночь, в небе поднялась полная луна, и развалины сияли мертвенным, неземным светом. Он взглянул вверх — там была не только луна, рядом сверкал вооруженный спутник, форпост титанистов. Мимолетно подумалось об одиноких часовых, которые неусыпно охраняют подступы к Земле, вглядываясь в черноту космоса вплоть до границ Солнечной системы: не видно ли захватчиков, не надумали ли они вернуться?

Затем, наверное, в тысячный раз, мысли Хешке обратились к самим развалинам. Даже при свете дня он не мог избавиться от ощущения связанной с ними призрачной тайны. Невозможно было точно понять, в чем дело, — он всегда относил это странное чувство на счет того, что руины имеют заведомо внеземное происхождение. На полпути до-

мой он остановился и положил руку на изъеденную временем стену. Руку свело холодом – однако в глубине сознания зазвучали слова «живой камень». Действительно, в камне будто теплился след жизни, стены словно хранили память о тех, кто возводил их. Хешке вспомнил о фотографиях, не поддающихся объяснению, и в отчаянии замотал головой. Башни и стены, которые в ходе веков восстанавливаются сами собой? А если это розыгрыш, то какую цель мог преследовать неведомый фальсификатор?..

Перед самым рассветом его разбудил вой реактивных катеров.

Свалившись с походной койки, он приподнял полог палатки и уставился наружу затуманенными со сна глазами. Два катера с эмблемами Легионов уже приземлились в самой середине лагеря, два других зависли в воздухе, заняв позицию на границе развалин. Операция была проведена в чисто военном стиле. Реактолеты, зависшие над лагерем боевым охранением, шарили по земле лучами прожекторов, и все вокруг выглядело небывало контрастным.

Хешке поспешно оделся и выбрался из палатки. Луч прожектора ударил его в лицо, задержался на мгновение, ослепил и побежал дальше. Когда зрение вернулось, он увидел двух титан-сержантов, направляющихся в его сторону.

– Гражданин Хешке? – осведомился один из них. – Пожалуйста, следуйте за нами.

Сержанты дружно повернулись на каблуках и зашагали прочь, предоставив археологу покорно плестись позади.

У ближайшего реактолета их поджидал стройный офицер, и Хешке узнал титан-капитана Браска.

– С добрым утром, Хешке, – произнес тот слегка надменно, но все же почти приветливо. – Мы предупреждали вас, чтобы вы были готовы к отъезду в любую минуту. К сожалению, время не ждет. Вы понадобились нам раньше, чем мы сами предполагали.

Хешке ничего не ответил.

– Что бы вы хотели захватить с собой? – вежливо осведомился Браск. – Быть может, книги, записи, схемы? Впрочем, мы наверняка сумеем доставить вам все, что вы пожелаете.

Повернувшись, Хешке увидел Блэра Бломоута. Помощник шел медленно, конвоируемый легионерами. В предрассветной мгле едва угадывались силуэты членов отряда: один за другим они выбирались из палаток, изумленно следя за происходящим.

– А что, Бломоут тоже приглашен участвовать в экспедиции?

Браск ответил коротким, резким смешком.

– Он отправится по другому маршруту...

Когда группа приблизилась, Блэр бросил на Хешке странный взгляд, не то умоляя о чем-то, не то восклицая безмолвно: «Что я тебе говорил!..» Браск пресек этот взгляд повелительным взмахом руки:

– Отвезите его в Политдворец-Два. Хешке поедет с нами.

На глазах Хешке его друга втолкнули в соседний катер. В душе словно что-то оборвалось. «Политдворец-Два, – подумал он. – Надо же...» До сей поры он и не догадывался, что существует номер второй. Ему казалось, что дворец, где он был вчера, единственный.

Он молча поднялся в реактолет, который сразу же взмыл вверх и с воем устремился на север.

И вдруг – яркая вспышка и оглушительный взрыв. Хешке задохнулся от ужаса: катер, где находился Блэр Бломоут, охваченный пламенем, потерял высоту и камнем рухнул на темную землю. Браск вскочил на ноги, изрыгая проклятья:

– Идиоты! Мало их учили, они забыли его обыскать! А у него оказалась граната отчаяния!..

Хешке с трудом отвел глаза от костра, полыхавшего внизу, и в недоумении уставился на титан-капитана. Браск смерил ученого подозрительным взглядом:

– Вы, конечно, ни о чем таком не слыхали? В последнее время эти гранаты вошли у подпольщиков в моду. Избавляют их от допросов и к тому же дают возможность утащить за собой на тот свет кого-нибудь из нас...

У ног Хешке словно разверзлись пропасти, о которых он и не подозревал.

– Я... я не догадывался...

– Само собой, вы не догадывались. По видеосети об этом не сообщают, а слухи мы умеем пресекать. К вашему сведению, на Земле есть организованное подполье, и ваш приятель Бломоут был его активным участником. Этого вы тоже не знали? Или все-таки знали?

– Нет, я ничего не знал, – промямлил Хешке. – До самой этой ночи...

В течение двух-трех минут они висели над местом трагедии, следя за тем, как догорает поверженный реактолет. Затем одна из трех уцелевших машин опустилась рядом с пожарищем, а две другие, свистя турбинами, продолжили свой путь. Взошло солнце, а они все летели – куда? Об этом Хешке так и не сообщили.

Глава III

В городе Симбел они пересели на скоростную межконтинентальную ракету. На борту был предложен завтрак. Браск за два часа полета не проронил почти ни слова. Он и с места поднялся только раз, чтобы пройти вперед в пилотскую кабину и получить радиограмму. Вернулся он серьезным и озабоченным.

Трасса длиною пять тысяч миль привела их вновь в зону сумерек, и когда ракета достигла цели, было по-прежнему раннее утро. Приземлилась она вдали от городов, но на хорошей взлетной полосе. Подъехавший экипаж доставил их к низкому массивному бетонному сооружению в нескольких сотнях ярдов от полосы.

Внутри здания царила обычная для титанистов атмосфера деловитости и суеты. Коридоры буквально гудели от шума, идущего непонятно откуда. Невразумительные для Хешке символы указывали дорогу к неведомым ему отделам и подотделам. Он повернулся к Браску:

– Где мы?

– На секретном исследовательском полигоне.

– Инопланетный механизм находится здесь?

Капитан кивнул.

– Полигон построен специально для всестороннего изучения механизма.

Брови у Хешке поползли вверх.

– Выходит, его обнаружили давно?

– Пять лет назад.

– И вы молчали о таком открытии?

Браск ответил сухой улыбкой.

– Терпение, гражданин, терпение. Вскоре вы все поймете.

Они подошли к тяжелой двери, охраняемой двумя легионерами при полном вооружении. Браск

предъявил пропуск. Раздался всхлип пневматического замка, и дверь отворилась.

В охраняемой зоне было много тише и спокойнее.

— Мы — в главном исследовательском центре, — пояснил Браск. — Через несколько минут я познакомлю вас с сотрудниками. Как обычно, они начали трудовой день с идеологического семинара. Не угодно ли присоединиться? Семинар, вероятно, уже подходит к концу.

Хешке нехотя согласился. Браск проследовал дальше по коридору и пригласил археолога в аудиторию. Человек двести мужчин и женщин в белых халатах взирали на большой экран. В момент их появления на нем возник красочный пейзаж: солнце садилось за одетые лесом холмы, а на переднем плане морская волна лизала неровный скалистый берег.

Но пейзаж исчез, и на экране быстрой чередой замелькали разные виды вирусов и почвенных бактерий. Внезапный переход от привольной панорамы леса, моря и солнечного неба к невидимому миру микроорганизмов, миру на грани живой и неживой природы, был, по мнению Хешке, весьма впечатляющим. Его внимание было захвачено с первой минуты, и он прислушался к сочному убедительному голосу, который связывал фрагменты видеоряда в единое целое.

— Перед нами, — журчал голос со звуковой дорожки, — жизнь, которую можно назвать зачаточной. В этих первичных живых частичках была сконцентрирована вся потенциальная мощь планеты Земля, ее душа, ее сущность. Энергия, заимствованная у скал и почв, у океана, солнца и молний, породила эти зародыши всего грядущего. С той поры на Земле, прежде бесплодной, появились молекулы ДНК. Из этих молекул, как гигант из пены морской, в должный срок неизбежно вырос тот, для кого вся предшествующая земная жизнь была лишь первоосновой. Эволюция достигла высшей точки, ее увенчал Человек.

Видеоряд на протяжении этого монолога был стремительным до головокружения. Вирусы исчезли, и по экрану, мгновенно сменяя друг друга, побежали спиральные цепочки ДНК, танцующие хромосомы, делящиеся клеточные ядра, дальше все новые и новые стадии эволюции, все более сложные формы жизни. И в конце, именно в ту секунду, когда прозвучало последнее слово диктора, перед зрителями возникла фигура обнаженного молодого мужчины божественного сложения и красоты. Мужчина простер руки к аудитории, его силуэт словно вспыхнул, эффектно обведенный светом из невидимого источника, и медленно растаял, а на экране возник земной шар, плывущий в пространстве.

— Напрашивается вывод, — продолжал рассудительный голос, — что эволюция — это не вереница случайностей, а единый процесс, ведущий к логически предопределенному завершению. Итак, в соответствии с законами Природы на Земле есть место лишь для одного вида: такова неумолимая логика развития, и она повторяется, по-видимому, на любой из обитаемых планет во Вселенной. Земля — наша мать, наш дом, наша опора. Земные соки питают нашу кровь. Мы сыновья Земли, и отнять ее у нас не сумеет никто!

С торжественным музыкальным аккордом экран погас. Хешке был почти восхищен увиденным. «Одна кровь, одна судьба», — подумал он снова. Как ни парадоксально, речь лектора показалась ему одновременно и отталкивающей, и привлекательной: она звучала вульгарно и все же завораживала мистическим поклонением Земле и верой в судьбу.

Зрители поднялись и потянулись к выходу. Браск легонько подтолкнул Хешке локтем.

— Сейчас я познакомлю вас с теми, с кем вам предстоит работать.

Три человека, отстав от остальных, собрались вокруг небольшого столика в конце зала. Браск и Хешке присоединились к ним. Все трое были в халатах, но по нарукавным повязкам, да и по выправке, можно было догадаться, что двое принадлежат к титанистам, в то время как сутулость и некоторая неряшливость третьего выдавали в нем штатского. К тому же у него была нелепая привычка поминутно оглядываться по сторонам, словно в надежде скрыться, а на губах кривилась горькая саркастическая усмешка.

— Прошу познакомиться, — сказал Браск. — Титан-лейтенант Варданян. Титан-лейтенант Спейуорт. Гражданин Лэрд Аскар. А это гражданин Ронд Хешке.

Все обменялись короткими кивками.

— Извините, господа, вы тоже археологи? — осведомился Хешке как мог вежливее, поскольку никогда прежде этих имен не слышал.

— Да нет, мы простые физики, — отозвался Лэрд Аскар. Голос у него вполне соответствовал внешности, звучал иронично и насмешливо.

Браск пригласил всех садиться.

— Ну что ж, — произнес он, обращаясь к Хешке, — пришла пора посвятить вас в то, чем мы тут занимаемся. Надеюсь, вы способны усваивать необычные факты: это сейчас весьма пригодится...

На столике была панель управления. Капитан щелкнул переключателем, и экран засветился вновь, хотя изображение и не появилось.

— Мы сообщили вам, что обнаружили инопланетный механизм в рабочем состоянии. Вы, вероятно, вообразили, что мы нашли его при раскопках или что-нибудь в таком роде. В действительности он лежал совершенно открыто в чистом поле, притом, обратите внимание, вдали от любых известных нам вражеских поселений. Хуже всего, что изготовлен он, несомненно, совсем недавно...

Экран ожил и воспроизвел картину, в точности соответствующую словам Браска: просторный травяной луг, цепочка деревьев на горизонте, а на переднем плане серебристый, закругленный с двух концов цилиндр. На обоих концах видны тусклые непрозрачные прорези вроде иллюминаторов. Рядом с цилиндром — легионер, вероятно, для масштаба. Получалось, что размеры инопланетного механизма — примерно семь футов в диаметре и двенадцать в длину.

— Сами видите, это какое-то средство передвижения, — продолжал Браск. — Внутри оказались два инопланетянина, погибшие, скорее всего, от удушья. Таким образом мы впервые получили в свое распоряжение их неповрежденные тела, и наши сведения о враге были существенно расширены.

Экран мигнул, затем на нем загорелось новое изображение. Цилиндр был вскрыт, но, вероятно, снимать сквозь образовавшуюся щель было очень неудобно: рассмотреть двух его обитателей как следует не удавалось. Маленькие пушистые создания, пожалуй, не крупнее юного шимпанзе, с заостренными мордочками и розовыми перепончатыми лапками, были пристегнуты бок о бок к узеньким сиденьицам, похожим на ведра. Секунд через де-

сять экран опять мигнул, и те же два трупа стали видны полностью, распятые на лабораторном столе.

Вглядываясь в снимки с острым интересом, Хешке испытал внутреннее удовлетворение: инопланетяне во плоти выглядели очень похоже на выполненные им реконструкции, воссозданные по скелетам.

— Значит, это космический корабль, — сказал он.

— Поначалу мы тоже так подумали. Но ошиблись. Лишь постепенно, изучая шаг за шагом инопланетный двигатель, мы начали догадываться о его назначении.

Хешке заметил, что физики дружно опустили глаза. Создавалось впечатление, что проблема в изложении Браска изрядно их раздражает.

— Оборудование на борту корабля оказалось основано на принципах, совершенно нам не известных. Удалось установить, что с его помощью действительно можно передвигаться в пространстве, но на относительно небольшие расстояния и притом в воздухе, а не в космосе. Перемещение в пространстве — это, как выяснилось, лишь побочный эффект. Основное же назначение корабля — перемещение во времени. Вражеский корабль, угодивший к нам в руки, оказался машиной времени!

Машина времени. Мечта каждого археолога.

— А эта экспедиция, о котрой вы упоминали... — Хешке нервно прокашлялся. — Вы имели в виду экспедицию во времени?

— Может быть. А может, и нет.

— Простите, не понимаю.

Браск взглянул на титан-лейтенанта Варданяна.

— Будьте любезны объяснить.

Рослый физик с повязкой титаниста кивнул и обратился к Хешке:

— Надо ли говорить, что мы не могли подвергать единственную имеющуюся у нас машину времени бессмысленному риску и использовать ее для прогулок. Пять лет напряженного труда ушло на то, чтобы разобраться в принципах ее действия и скопировать механизм. В конце концов нам удалось добиться своего и построить нечто работоспособное — по крайней мере мы так считали. Мы совершили несколько пробных рейсов, но, похоже, наша машина работает как-то не так.

Хешке по-прежнему ничего не понимал. Лейтенант опять потянулся к панели управления.

— Смотрите внимательно. Я покажу вам снимки, сделанные во время путешествия.

Экран замерцал, затем возникло ощущение стремительного движения, словно многоцветную картинку дергали взад и вперед или она проносилась слишком быстро и глаз не успевал за нею. Секунд через пять Хешке заметил, что устойчиво держится лишь какой-то ободок по краю. Потом до него дошло, что этот ободок — контур какого-то другого экрана или рамка окна, сквозь которое ведется съемка.

Внезапно мерцание прекратилось, картинка застыла. Перед ними расстилалась равнина. Высоко в небе сияло солнце, а под ним лежали руины, раскинувшиеся на много миль.

— Развалины Веричи. Так они выглядели примерно девятьсот лет назад, — тихо произнес Варданян. — Отнюдь не то, чего можно было бы ожидать, не правда ли?

О да, согласился Хешке про себя, действительно не то. Девятьсот лет назад на месте развалин Веричи — то есть нынешних развалин — должен был находиться многолюдный инопланетный город, хлопотливый и преуспевающий. А на экране расстилались каменные осыпи, по которым бродила, спотыкаясь, одинокая фигура в бронежилете.

— Больше похоже на то, что такими развалины станут через девятьсот лет, — произнес он. — Вы случайно не перепутали прошлое с будущим?

— Сперва мы тоже заподозрили что-то в этом роде, — сказал Вартанян. — Чтобы разобраться, сделали пять остановок на протяжении двух столетий. И нигде не обнаружили ни одного живого инопланетянина, только руины. И все в аналогичном состоянии. Однако вскоре выяснилось, что руины руинами, а мы тем не менее попали в эпоху Распада, вокруг идут войны, классическая цивилизация корчится в смертных муках. Так что перед нами все же прошлое, нравится нам это или нет.

— Бессмыслица, — нахмурился Хешке.

— Не спорю. Исходя из наших представлений, как раз во время войн эпохи Распада произошло массовое вторжение инопланетян. Неужели историки ошибались и вторжение было гораздо раньше? Это, конечно, объяснило бы плачевное состояние руин — но как объяснить, что сегодня они выглядят много моложе? Нелепость. Так что объяснение, как ни прискорбно, может быть только одно: наша машина сыграла с нами злую шутку. В действительности мы не перемещались во времени вообще.

— Слушайте, я отказываюсь что-либо понимать. К чему вы клоните?

Варданян сделал неопределенный жест.

— У временных двигателей есть свои особенности. Эти двигатели в принципе не могут работать, если ими не управляет разум. Беспилотная, автоматическая машина времени попросту не тронется с места. Можно сформулировать и по-другому: путешествие во времени — удел живых. Приняв это в расчет, мы разработали гипотезу, согласно которой машина (к вражеской машине это, может быть, и не относится) движется не в объективном времени, а в каком-то ином. Она попадает в зону некоего воображаемого времени, назовем его так, и преподносит нашему сознанию элементы прошлого и будущего, сплавленные воедино. Не исключено, что эти элементы извлечены из подсознания пилота и пассажиров.

— То есть вы хотите сказать, что все увиденное — иллюзия?

— Упрощенно — да, — поколебавшись, ответил Варданян. — Хотя куда-то машина все-таки отправляется. Ведь из лаборатории она исчезает.

Хешке не мог не заметить, что в течение последних двух-трех минут Лэрд Аскар, и без того угрюмый, хмурится все сильнее и ворчит что-то себе под нос. Варданян бросил в сторону ворчуна многозначительный взгляд.

— Таково было объяснение, которого все мы, за одним исключением, придерживались до вчерашнего дня.

— И тут вы предъявили нам старые фотографии, — выпалил Браск. — И спутали все наши карты.

Вот именно, фотографии. Снимки, запечатлевшие Хатарские развалины три века назад в состоянии много худшем, чем теперь. Снимки, которые логика — жесткая, неумолимая, объективная логика — требовала считать подделкой. Снимки, которые просто не могли быть подлинными.

— Это показалось нам уже слишком, — сказал Браск. — Независимое, беспристрастное свидетельство, подтверждающее наблюдения, которые мы считали иллюзорными. Мы немедленно послали машину времени на Хатарские развалины, высади-

лись приблизительно в том периоде, когда были выполнены ваши фотографии, и провели еще одну съемку с тех же точек. — Он выдвинул ящик стола и достал пачку глянцевых отпечатков. — Вот полный набор снимков обеих серий. Можете удостовериться, что практически все совпадает.

Хешке присмотрелся. Одна серия снимков была многокрасочной. Другая, старая, — черно-белой. Он в раздражении отшвырнул и ту и другую серии: для одного дня происшествий и загадок на его долю выпало более чем достаточно.

— Ну и что это доказывает? Что вы путешествовали в прошлое отнюдь не в воображении?

— Да! — убежденно воскликнул Лэрд Аскар.

Заговорил и молчавший до сих пор лейтенант Спейуорт. Он медленно и осторожно подбирал слова.

— Возможны и другие объяснения. Фотосъемку нельзя считать ни подкреплением наших наблюдений, ни их опровержением. Старые фотографии можно было подделать. Или, скажем, переместить из эпохи в эпоху. Сделать снимки в будущем, а затем, коль скоро путешествия во времени стали возможными, отвезти их в прошлое. Могу предложить и другие непротиворечивые версии, не исключая и неисправности нашей машины.

— Господа, — устало произнес Хешке. — Признаюсь, вы меня совсем сбили с толку. Может быть, вы объясните мне хотя бы, зачем я вам здесь понадобился?

— Да, конечно, — с готовностью откликнулся Браск. — Мы не собирались призывать вас на помощь до выявления всех дефектов временного двигателя и их устранения. Но ваши фотографии привели нас в изрядное замешательство. Теперь мы хотим, чтобы вы совершили путешествие на Хатарские развалины трехсотлетней давности.

— Я? Зачем? — удивился Хешке.

— Видите ли... — Браск замялся. — В настоящий момент мы, честно говоря, блуждаем впотьмах. Настоятельно необходимо выяснить, являются ли наши нынешние путешествия во времени реальностью или плодом воображения. Психологи утверждают, что если путешествие — иллюзия, это не может не вызвать отклонений в восприятии действительности за пределами нашей собственной эпохи. Ссылаются на то, что сны никогда не повторяют реальных событий с абсолютной точностью. Должны быть какие-то детали, отличающие вторую серию снимков от настоящих Хатарских развалин.

Хешке вгляделся в фотографии еще раз.

— Не вижу между ними разницы.

— Ее и нет. Но, быть может, есть различия, неуловимые на пленке. Вы знаете Хатарские развалины лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому мы просим вас отправиться в прошлое и осмотреть там все, что сможете. А вдруг вы сумеете найти ключ к головоломке?

— Довольно смутное задание.

Браск пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. Но вы будете не один, Лэрд отправится вместе с вами. Может, вы додумаетесь до чего-нибудь сообща.

Хешке задумался на минуту, потом спросил:

— Это путешествие в воображаемое прошлое — оно подобно погружению в глубины подсознания?

— Вероятно, так, — ответил лейтенант Варданян.

И тут Лэрд Аскар наконец не выдержал и расхохотался:

— Да не слушайте вы их, Хешке! Воображаемое прошлое — что за чепуха! Временной двигатель работает!

— Что же происходит с развалинами? — мягко осведомился археолог.

Аскар не ответил. Казалось, он опять ушел в себя. Хешке решительно повернулся к Браску:

— Когда отправление?

— Чем раньше, тем лучше. Если можно, прямо сегодня.

— Мне понадобится аппаратура и инструменты.

— Мы это предусмотрели, — кивнул капитан. — Думаю, вы без хлопот найдете у нас все, что вам нужно.

— Вы говорили, что нас подстерегает опасность...

— Лишь постольку, поскольку машина еще не до конца опробована. Это единственный фактор риска.

— Не считая инопланетян, — уточнил Хешке. — Судя по всему, они добились впечатляющих технических успехов.

— Не стоит преувеличивать, — вмешался Спейуорт. — Не так уж они нас превзошли. Сумели же мы скопировать их двигатель. Отсюда следует, что уровни нашего развития вполне сопоставимы.

— А вы уверены, что мы и впрямь сумели его скопировать? — возразил Браск, метнув на лейтенанта досадливый взгляд.

Первым делом Хешке осмотрел аппаратуру, затем перешел в комнату, отведенную ему для отдыха. Прикорнул на часок-другой, а когда проснулся, то принялся, не вставая, размышлять обо всем, что довелось узнать.

Экспедиция, как он понял, должна была состоять из четырех человек: его самого, физика Лэрда Аскара и двух титан-инженеров, пилотирующих машину времени. Отправление было назначено на послеполуденный час, и по мере приближения старта нервы начали сдавать. Ему принесли обед, а вскоре явился посетитель — Лэрд Аскар собственной персоной. Оказалось, что физик провел все утро за работой, проверяя свое детище.

— Привет, Хешке! Волнуетесь? — спросил он с обычной для себя скептической усмешкой. Хешке не ответил. — Не стоит нервничать, дело простое и уж во всяком случае безболезненное. Я лично отправляюсь в прошлое в третий раз.

— Путешествие будет долгим?

— Средняя скорость — сто лет в час. Итого: три часа туда, три обратно.

— Но ведь Хатарские развалины очень далеко. Я имею в виду расстояние не во времени, а в пространстве...

— Это не проблема. Когда мы путешествуем во времени, — строго говоря, путешествуем не во времени, а вне времени, — мы можем маневрировать над поверхностью Земли как нам заблагорассудится.

— Значит, вашу машину времени можно использовать для межконтинентальных перевозок?

Аскар усмехнулся.

— В сообразительности вам не откажешь. Но нет, для перевозок машина не подойдет. Путешествуя на ней, вы как бы обмениваете пространство на время. Чтобы попасть на другую сторону Земли, вам придется отдалиться лет на сто, не меньше. Думаю, можно вернуться в свою эпоху, маневрируя туда-сюда, пока пространственные координаты не совпадут с временными. Однако смею вас заверить, провозитесь вы столько, что лучше уж воспользоваться ракетой.

Физик порылся в карманах, извлек на свет ском-

канную скрутку табака и прикурил. По комнате поплыл ароматный дым. Хешке заметил, что глаза у Аскара не то слегка выпучены, не то воспалены.

— Не возражаете, если я сяду? Ковырялся в этом проклятом временном двигателе — едва не свихнулся. Признаться, мне и самому тревожно...

— Ну конечно, будьте как дома... Не скрою, мне очень любопытно... Как она действует, ваша машина времени?

— Как? — отозвался физик с ухмылкой. — Очень просто: отделяя часть текущего времени от времени и перемещая ее вне времени.

Хешке ошарашенно потряс головой и вздохнул.

— Для меня это полная абракадабра.

— Я тоже решил, что это абракадабра, пока мы не обнаружили инопланетную машину.

Аскар пыхтел своей скруткой с таким видом, словно табак был эликсиром жизни. Хешке вдруг почувствовал, что физик нервничает едва ли не больше, чем он сам.

— Простите, если огорчу вас, но, по-моему, ваша миссия — пустая затея. Машина времени делает именно то, для чего ее построили, — передвигается по времени в обоих направлениях, в прошлое и в будущее. Уж мне-то можете верить, именно я раскусил эту задачку. Без меня они возились бы с ней до сих пор.

— Профессиональная ревность? — улыбнулся Хешке.

Собеседник раздраженно махнул рукой.

— Какая там ревность! Зачем мне ревновать? Ученые-титанисты прекрасно справляются с любой задачей, если возможно решение в рамках известных представлений. Но там, где требуется творческое мышление, они пасуют, потому что то и дело оглядываются на свою идеологию. А уж нам-то с вами известно, что это куча наглого вранья...

Хешке беспокойно заерзал, спрашивая себя, не припрятаны ли в комнате потайные микрофоны.

— Никогда бы не заподозрил, что услышу такие речи в цитадели титанистов.

Физик передернул плечами.

— Они вынуждены меня терпеть. Я включился в это предприятие с самого начала, пять лет назад. Тогда было как-то полегче. Теперь меня от них просто тошнит...

— В самом деле? Почему?

— Я построил им машину, какую они хотели, а теперь они заявляют, что она не работает, потому что им, видите ли, не по нраву то, что обнаружилось в прошлом. Они разочарованы, поскольку инопланетяне, по-видимому, не принимали в войнах эпохи Распада никакого участия!

— А развалины? — напомнил Хешке. — Если судить по внешним признакам, то с течением времени они не стареют, а молодеют. Но ведь такого не может быть!

— Какого черта вы от меня хотите! — огрызнулся Аскар. — Откуда мне знать, почему так происходит. С той поры, как мне открылось непостоянство времени, ничто уже не кажется мне невозможным. Раз индивидуальное время может быть отделено от абсолютного времени... Хорошо, попытаемся найти объяснение. — На его лице вдруг мелькнула хитренькая улыбка. — Ну, например, такое. Много тысяч лет назад инопланетяне, прибывшие на Землю, высеяли на ней семена. Семена особого рода. С тех пор семена проросли и стали медленно превращаться не в траву и овощи, не в кусты и деревья, а в каменные сооружения и металлические конструкции. Развалины, которые вас смущают, с течением времени, подобно деревьям, созреют и станут полноценными домами, городами, замками и чем угодно еще. А когда они созреют, инопланетяне вернутся, чтобы поселиться и жить в них...

Хешке рассмеялся, идея его позабавила. Ему нравилось живое воображение Аскара.

— А скелеты? — поддержал он игру. — По-вашему, они тоже выросли из семян?

— Почему бы и нет? Почему бы инопланетянам не подбросить на Землю дюжину-другую скелетов специально для того, чтоб одурачить будущих археологов?

В комнате воцарилось молчание. Аскар дымил и шаркал подошвами, глядя в потолок, и, казалось, совершенно забыл про Хешке. В конце концов тот решился напомнить о себе.

— А вы не пытались вступить в контакт с людьми прошлого? Ведь они, вероятно, могли бы разрешить многие наши сомнения.

— Что?.. — Аскар рывком вернулся к действительности, но уставился на Хешке стеклянными глазами. — Ах, да! Вы что, даже этого не знаете?

— Чего? — переспросил Хешке сердито.

— Никаких контактов с прошлым быть просто не может, потому что люди вас не слышат. И не видят, коль на то пошло. Хуже того, можно сшибить их с ног, а они не реагируют, валятся, как кегли, и тут же поднимаются снова. Короче, ведут себя как роботы, повторяющие движения, которым их в свое время научили. — Хешке замер в недоумении. — Понимаю, что звучит это полной дикостью, — физик покрутил пальцами, — но это так.

— Они что, лишены сознания?

— Они ведут себя так, будто лишены сознания. Как роботы, — повторил Аскар, — как механизмы с заданной программой.

— Ваш рассказ... на мой взгляд, это напоминает сон. Вы убеждены, что теория титанистов неверна?

— Напротив, это как нельзя лучше подкрепляет теорию, но не их, а мою. Вы, наверное, читали романы о путешествиях во времени и поневоле восприняли представления о времени у древних авторов. В романах прошлое и будущее физически ничем не отличаются от настоящего. Однако сегодня мы знаем, что отличия есть, и весьма существенные.

Физик прикончил свою скрутку и, выбросив окурок, сразу полез в карман за новой.

— В чем же они? — спросил Хешке.

— Попробую объяснить. Представьте себе Вселенную в четырех измерениях — три из них пространственные, известные из повседневного опыта, а четвертое — дополнительное измерение, которое называется временем и простирается бесконечно далеко как в прошлое, так и в будущее. Если изъять из этой картины нас самих и наше «сейчас», можно с тем же успехом представить Вселенную в четырех измерениях пространства. Иначе говоря, получить статичную четырехмерную матрицу. По существу это так и есть, Вселенная именно такова, но вмешивается еще один фактор — мимолетное «сейчас», которое проносится по четвертому измерению, как бегущая волна.

Хешке не был физиком, но читал немало и был в известной степени знаком с тем, что излагал Аскар. Он сделал попытку представить себе все это наглядно.

— Выходит, мы замкнуты в своем «сейчас», как в ловушке, а оно непрерывно смещается от нынешнего момента к следующему?

— Совершенно верно. Но что такое «сейчас»? Мо-

жет ли что-либо существовать за его пределами? На протяжении веков философы спорили, существуют ли прошлое и будущее — или только настоящее, в котором мы живем. Теперь мы нашли ответ: прошлое и будущее существуют, но в них нет «сейчас», а значит, фактически нет времени. В этом смысле нет и разницы между «прежде» и «потом». Они мертвы, что мы и обнаружили.

— Так вот почему люди прошлого вели себя как роботы!

— «Сейчас», следуя за бегущей волной, ускользнуло от них. А сознание работает только на гребне волны — оно каким-то образом связано с «сейчас» и, выражаясь математически, является его функцией.

— Но самая волна времени — что это такое?

— Пока не знаю. Некая форма энергии, которая перемещается в четырехмерном пространстве подобно ударной волне. Скорость ее известна и теоретически равна скорости света. Именно волна в своем движении дает событиям силу свершаться, а материю организует в живые формы. Помните, в древности любили говорить о так называемой жизненной силе? Это она и есть.

И тут Хешке осенила неожиданная мысль.

— Вы говорите, что в прошлом времени нет. А что если вы, вернувшись в прошлое, что-нибудь там измените? Что случится с тем прошлым, которое вы изменили? Очевидно, какое-то время там все же должно быть, потому что остаются «прежде» и «потом». «Прежде» — то есть до вашего вмешательства и «потом» — то есть после него...

Он запутался и умолк. Аскар усмехнулся.

— То, о чем вы толкуете, называется парадоксом возврата. Мы тоже упражнялись в подобных рассуждениях в первые месяцы после того, как осознали, что путешествие во времени — вполне возможная штука. По сути, парадокс возврата повторяет, в чуть измененном виде, старинную философскую головоломку: если время непрерывно движется, значит ли это, что оно непрерывно умирает? В данный момент «сейчас» находится в одной точке, а в следующий момент — в соседней точке. От точки к точке, от события к событию — вот вам и кажется, что «прежде» и «потом» могут сосуществовать в один и тот же момент: «прежде», когда точка совпадала с «сейчас», и «потом», когда она передвинулась. Вы ведь это имели в виду?

— Да, пожалуй, — неуверенно вымолвил Хешке.

— Теперь, когда мы обрели способность проводить непосредственные наблюдения в прошлом, — продолжал Аскар, — все парадоксы по большей части улетучились. Чтобы обосновать наблюдаемую картину, теоретики выдумывают добавочное пятое измерение, но, прямо скажем, оно тут ни при чем. Вселенная совершенно безразлична к любым искусственно вызванным изменениям, да и к тому, где находится наше с вами «сейчас». Она просто не замечает разницы между двумя вариантами событий, новым и прежним, а потому, что бы вы ни предприняли, вызвать действительные изменения невозможно.

Хешке потерял способность что-либо понимать.

— Но остается старая загадка: а если я отправлюсь в прошлое и убью своего отца до своего собственного рождения?

— Выяснится, что вы по ошибке убили не отца, а кого-то другого, — ответил Аскар язвительно. — А если без шуток, то допустим, вам и впрямь удалось подстеречь своего отца и «убить» его — и тем не менее чуть позже он окажется жив по-прежнему. Причина и следствие, как мы их воспринимаем, имеют значение лишь на гребне «сейчас», в пределах Абсолютного Настоящего. Это установлено экспериментально. Вселенная как таковая равнодушна к нам и нашим усилиям, и если вы навязываете ей изменения, последствия таких изменений будут не накапливаться, а гаснуть...

— Вы меня совсем запутали, — произнес Хешке нетвердо. — Все это как-то трудно усвоить... Настанет завтра, а я, выходит, буду все так же сидеть здесь и курить эту скрутку, только уже ничего не сознавая...

Аскар потер подбородок и устало зевнул.

— Именно так. Наконец-то вы уловили суть. Вот мы сидим здесь, а спустя мгновение Абсолютное Настоящее уйдет вперед, унося с собой наше сознание. Но прошлое не исчезнет, просто вы утратите способность видеть его, точно так же, как вы не способны увидеть будущее, хоть оно поджидает нас и мы не избежим его. Машина времени действует как рычаг, отделяющий частицу настоящего и перемещающий ее независимо от движения волны. Если эта частица включает в себя ваше сознание, вы обретаете возможность видеть прошлое. Или будущее.

— А как далеко вы были в будущем? — встрепенулся Хешке.

Аскар скорчил кислую мину.

— Лет сто, наверное. Забираться дальше нет смысла.

— Как это? Почему?

— Потому что... Знаете, что вам откроется? Безлюдье и запустение. Ничего живого — ни человека, ни зверя, ни травинки, ни птиц, ни деревьев, вообще ничего. Микробов и вирусов, и тех как не бывало. Одна секунда в будущее — и мир совершенно безжизнен, и стулья, на которых мы с вами сидим, пусты.

Хешке в ужасе уставился на собеседника. Физик улыбнулся усталой улыбкой.

— Но ведь это логично, если разобраться. В прошлом жизнь есть, хотя люди ведут себя как автоматы, поскольку волна времени уже прокатилась, а все живое по-настоящему живет лишь на гребне волны. Но до будущего-то волна еще не дошла! Все, что мы создали из неорганических материалов, — здания, машины и тому подобное, — все это есть и в будущем, хотя без нашего надзора неизбежно приходит в упадок. Однако что касается наших тел и нас самих, мы в будущем пыль, просто-напросто пыль!..

Глава IV

Времялет, сконструированный титанистами, был заметно больше своего инопланетного прототипа. Тот имел цилиндрическую форму, этот напоминал прямоугольную клеть с ребристыми жалюзи. На одном конце клети находилась кабина для экипажа и пассажиров, на другом — громоздкий двигатель. Тем не менее у обеих машин, земной и внеземной, были и общие черты, например, иллюминаторы из толстого, почти непрозрачного материала, оснащенные регуляторами изображения, способные то задерживать свет, то пропускать его беспрепятственно. А контрольные приборы повторяли инопланетную модель один к одному.

В отправлении машины времени из настоящего участвовал еще и какой-то механизм даже больших, чем она сама, размеров. На стартовой позиции машина как бы составляла с этим механизмом единое целое, выдаваясь из его чрева наподобие языка, но как только старт был дан, продолжала движение

сама и теряла всякую связь с базой. Это не прибавляло бодрости, однако Хешке постарался подавить свои страхи и позволил надеть на себя жесткий боевой костюм: титанисты настояли, чтобы он отправился в путь в полном вооружении.

— Вам удобно? — спросил юный техник из персонала.

Хешке не ответил, хотя квазикожаный костюм сильно стеснял его и казался каким угодно, только не удобным.

Минут пять в зале отправления не было слышно ничего, кроме истошного воя: пусковая установка разогревалась. Аскар и два инженер-пилота, которым было поручено вести времялет, уже напялили такие же костюмы.

Хешке полез в кабину вслед за Аскаром. Она оказалась довольно просторной, девять на девять футов. Он сел рядом с физиком и пристегнул ремни. Друг за другом вошли инженеры — на них костюмы сидели получше, пожалуй, даже с известным изяществом. Едва они опустились в пилотские кресла, вой оборвался: входной люк скользнул в пазах и закрылся наглухо, времялет стал звуконепроницаемым.

Тело Хешке, каждый его мускул напрягся помимо воли. Пилоты переговаривались вполголоса друг с другом и по лингафонной связи со стартовой командой в зале отправления. Потом опять донесся шум, теперь уже сзади. Шум был негромким, но неприятным. Один из пилотов полуобернулся к пассажирам:

— Полетели.

И только-то? Ком в желудке у Хешке стал таять. Не было ни малейшего ощущения движения, но за полупрозрачными иллюминаторами бежали быстрые красочные мазки, странно покачиваясь то туда, то сюда, словно машина хаотично меняла курс.

— Родина, — произнес Аскар. — Прощай, родина!.. — Хешке вопросительно посмотрел на него. Физик ответил хмурым, укоризненным взглядом. — Не понимаете, о чем я? У вас что, нет никаких предчувствий?

— Вроде бы нет...

— Поймите, мы покинули Абсолютное Настоящее. Конечно, это наша родина, что же еще? Единственное место во Вселенной, где может существовать разум. Нет, вы только подумайте: перед нами громада прошлого, она простирается вглубь до бесконечности. И чем глубже в прошлое, тем дальше мы от крохотной точки, где есть жизнь. Дальше и дальше, пока мы не станем призраками, микроскопическими частичками времени в бездне безвременья... И то же самое в другом направлении — в будущее. Неужели вас не пробирает до самых костей?

Глаза у Аскара опять воспалились, на лбу выступили мелкие капельки пота.

— Так вот каково путешествовать во времени, — тихо сказал Хешке. — Для вас это как падать в бездну...

— А это и есть бездна, пропасть без дна. И в этот самый момент мы спускаемся в пропасть все глубже и глубже.

Впрочем, для Хешке все эти рассуждения о времени и безвременьи оставались по-прежнему слишком невразумительными, чтобы поверить в них до конца: попытки вдуматься в теорию приводили лишь к тому, что голова шла кругом. Никак невозможно было понять, почему бегущая волна «сейчас», то есть, простите, волна времени должна находиться в каждый данный момент в одной временной — именно временной! — точке.

Да нет, опять не так. Ведь она и только она, эта волна, и создает время...

Большую часть пути они провели в молчании. Аскар съежился в кресле, насколько это было возможно в боевом костюме, и изредка бурчал что-то себе под нос. Через три часа инженер-пилот объявил, что времялет заходит на посадку.

Прозвучал гонг. Стремительные красочные мазки за бортом, почти убаюкавшие Хешке в полете, исчезли, но как он ни старался, толстенные иллюминаторы не позволяли ничего увидеть. Аскар расстегнул ремни и предложил археологу последовать его примеру.

— Ну-ка выгляньте из окошка, — пригласил он. — Может, вам и понравится...

Вслед за физиком Хешке принялся всматриваться в ближайшее, словно заиндевевшее, стекло. Аскар тронул кнопку — стекло прояснилось.

Снаружи все казалось мирным и знакомым. Судя по солнцу, было чуть-чуть за полдень. Под синим небом стелилась сочная зеленая саванна, кое-где торчали отдельные тощие деревца. А вблизи — тут уж Хешке никак не мог ошибиться, несмотря на разницу в три столетия, — лежали Хатарские развалины, осыпавшиеся и заброшенные, заросшие мхом.

— Замечаете что-нибудь? — спросил Аскар с вызовом.

И Хешке заметил. В поле их зрения летел ворон — но в том-то и дело, что ворон не двигался. Он был совсем близко, он раскинул крылья, и на них четко различалось каждое перышко, но при этом он просто замер в воздухе.

— Птица застыла, — прошептал удивленный Хешке.

— Совершенно точно, — подтвердил Аскар, почти ликуя. — Потому что машина стоит, как вкопанная. Мы видим остановленное мгновение.

— Но будь это так, — поделился Хешке неожиданной догадкой, — мы бы вообще ничего не видели. Ведь свет бы тоже застыл.

Аскар улыбнулся с видом превосходства.

— Остроумное возражение, гражданин, но неверное. Свет не может застыть, его скорость остается неизменной для любого наблюдателя без всяких исключений. В известном смысле можно сказать, что у света нет скорости. Неспециалистам это почти недоступно... — Он подал знак пилоту. — Тем не менее, исходя из практических соображений, изучать происходящее предпочтительно в привычных для нас условиях, иначе говоря, в движении.

Пилот дотронулся до контрольной панели. Ворон ожил, взмахнул крыльями и улетел. Саванна пошла зелеными волнами под легким ветерком.

— Теперь мы движемся в будущее с привычной для нас скоростью, секунда за секунду. Скорость выдерживается автоматически. Можно выйти наружу.

Входной люк с шипением приоткрылся, в кабину ворвался свежий воздух. Хешке достал из заднего отсека видеокамеру, полевой набор инструментов и сумку для образцов. И следом за Аскаром выбрался на волю.

Сомнений не оставалось. Фотографии, найденные в Хехосе, не были подделкой. Их нельзя было приписать дурной случайности либо странному стечению обстоятельств. На них были запечатлены те самые развалины, где Хешке с Аскаром высадились в данный момент.

Позади, на травянистом склоне, стоял времялет под охраной одного из титан-пилотов. Второй пилот занял позицию поближе, у самых развалин, и пристально вглядывался в окружающий ландшафт в поисках опасности. Кто уж их разберет, какие опасности мерещились им здесь, в этом «нигде и никогда», на глубине трех веков вневременного ада, но они вели себя в строгом соответствии с караульным уставом.

Нет, никак не верилось, что времялет в самом деле перенес экспедицию на триста лет назад, в бездну безвременья. Воздух, проникавший в ноздри, был напоен летней свежестью, солнце сияло, и все вокруг казалось таким обыденным и спокойным...

— Вы абсолютно убеждены? — спросил Аскар.

— Абсолютно. Я знаю эти развалины как свои пять пальцев. Я ползал по ним годами. Это Хатарские развалины, и они выглядят в точности так, как должны выглядеть через триста лет после нас. Должно быть, мы все-таки в будущем.

— Нет, в прошлом.

Аскар тяжко насупился. По-видимому, он был сильно взволнован и оттого хмурился все больше.

— Ну что ж... — Хешке положил руку на выветрившуюся стену, возведенную внеземными строителями, и ощутил знакомую дрожь, посещавшую его здесь не раз и не два. — Следовательно, мы вновь сталкиваемся с парадоксом, который внешне подкрепляет гипотезу титанистов: прошлое и будущее каким-то образом перемешались, и вокруг нет ничего реального. Но я вынужден отвергнуть и эту гипотезу. Развалины, безусловно, материальны. С тех пор, как я был здесь, они действительно стали старше на три столетия, и старение шло естественным порядком.

— Но мы в прошлом, — повторил Аскар.

Хешке вскинул видеокамеру на плечо и сказал, грустно покачав головой:

— Пойдемте, я покажу вам...

Карабкаясь по крупным камням, археолог подвел Аскара к прямоугольнику низких, еле различимых стен, — что-то подсказывало, что некогда в этих стенах располагались жилые комнаты. Присев на корточки, Хешке коснулся камушка, с которого чуть раньше ободрал слой мха.

— Это решает спор, — произнес он, глядя на Аскара снизу вверх. — Видите борозды?

Физик нагнулся пониже. Солнечные лучи играли на пыльных осыпях, посверкивали на сколах камня и на ворсе мха, оттеняя короткие зарубки, прорезанные на трех каменных глыбах и в особенности заметные на одной из них.

— Вижу.

— Я сам помогал делать эти зарубки. Мы заподозрили, что там есть потайная каморка, ниша в стене. И не ошиблись. Потом мы поставили камень, который запечатывал нишу, обратно на место. Подсобите-ка мне немного.

Хешке достал из мешка с инструментами пару ломиков, и Аскар помог ему выдавить камень из гнезда. Это потребовало усилий, но в конце концов камень подался: он был гораздо тоньше, да и закреплен был гораздо слабее, чем казалось. Хешке посветил в открывшуюся полость фонариком, потом подвинулся, освобождая место другому.

— Спорим на годовое жалованье, что там сохранилась надпись. Поищите ее без моей подсказки.

Аскар сунул голову в дыру. Потайная ниша была просторнее, чем он предполагал. Пахло сыростью, но пыль сюда не проникала. На дальней стене виднелась надпись довольно крупными буквами, сделанная, по всей видимости, электрическим камнерезом.

— Скелет номер тридцать один, — прочел он вслух. — Стеклянный сосуд номер четыреста восемьдесят девять...

— Правильно. Я сделал эту надпись собственноручно. Вот вам и доказательство. Мы в эту минуту находимся по отношению к нашей эпохе в будущем, а не в прошлом!

Времялет быстро набирал скорость, и Хешке расслабился, лениво наблюдая, как мелькают за иллюминаторами цветные мазки и пятна, и прислушиваясь к неясному гулу двигателя. В начале обратного пути на исследовательский полигон он пытался завести беседу с Лэрдом Аскаром, но физик опять ушел в себя и сидел, уставясь в пол стеклянными глазами, не то ошеломленный увиденным, не то погруженный в глубокие раздумья.

«Интересно, — подумал Хешке, — как примут мой отчет титанисты на полигоне?..» Он уже успел поделиться впечатлениями с двумя пилотами. Те были достаточно подготовлены, чтобы сразу уловить суть его наблюдений, но со свойственной легионерам надменностью от комментариев воздержались.

Это его, пожалуй, обидело, и он уже не сводил глаз с их широких, обтянутых боевыми доспехами спин. Такие же равнодушные солдаты, напомнил он себе, убили его друга Блэра Бломоута. Только теперь до него дошло, что с того часа он жил как бы под наркозом или во сне. Вероятно, гибель Блэра была из числа событий, которые осознаются не вдруг. Но ведь Бломоут, по собственному его признанию, был предателем — какое-то невероятное сплетение обстоятельств...

Зазвенел гонг, иной по тону, чем тот, который оповестил их об окончании первой половины пути. Пилот соблаговолил разъяснить:

— Приближаемся к Абсолютному Настоящему...

Аскар оторвал взгляд от пола у себя под ногами. В тот же миг второй пилот шепнул что-то своему товарищу, обращая его внимание на какой-то прибор.

— Гражданин Аскар, на борту неисправность. Регистратор Абсолютного Настоящего, по-видимому, вышел из строя...

Голос у пилота был озадаченный.

— Что?!..

Аскар вскочил, отшвырнув ремни, и бросился вперед к прибору, о котором шла речь. Даже не поднимаясь с места, Хешке ясно видел вертикальную шкалу с градуировкой: едва прозвучал гонг, шкала начала мигать, а стрелка прибора заскользила вниз к нулевой отметке — совпадению с волной времени. Но затем стрелка задрожала и заметалась по шкале, то придвигаясь к нулю, то отступая вновь.

— Найти «сейчас» и синхронизироваться с ним без приборов будет трудновато, — предупредил титанист.

— Неисправность, как же! — прошипел Аскар. — Регистратор должен быть в порядке.

— Но он показывает полную ерунду, — возразил пилот. — Ясно, что прибор не в порядке...

— Не обязательно. Регистратор отмечает присутствие реального времени, но слишком слабое для того, чтобы это было Абсолютное Настоящее. Черт возьми, но ведь мы тоже несем в кабине частицу времени. И такую частицу несет с собой любой другой времялет!..

Он подскочил к иллюминатору и настроил его на почти полную прозрачность. Быстро выглянул на-

ружу и, перебежав кабину, сделал то же самое на другой стороне. Там, совсем близко, на фоне калейдоскопических цветных мазков, уравняв свою скорость с времялетом, завис закругленный с обоих концов цилиндр. В точности такой же, как вражеская машина времени, которую им показывали на экране.

Хешке осторожно расстегнул ремни и присоединился к Аскару у иллюминатора, завороженно глядя сквозь мерцающее стекло. Не было и тени сомнения, что оттуда, из-за тусклых иллюминаторов чужой машины, на них смотрят такие же пристальные глаза. Инопланетные, вражеские глаза.

— Великая Мать Земля! — тихо воскликнул кто-то из пилотов.

Аскар стремительно повернулся к нему.

— Ради всего святого, парень! Не позволяй им выследить нас до полигона!

Титанист понял его с полуслова.

— Все по местам, — приказал он.

Хешке еще не успел выполнить команду, как времялет заложил тошнотворно крутой вираж и устремился куда-то в неизвестно каком направлении. Хешке было не до направлений — он еле ухватился за что-то, чтобы его не сбросило на пол, и поспешно застегнул ремни.

Регистратор Абсолютного Настоящего замигал интенсивнее.

— Мы синхронизируемся и произведем посадку в отдаленном районе Земли, — возвестил пилот, — и доберемся оттуда до полигона на обычной ракете. Так будет легче избавиться от преследования.

— Ничего подобного, — заявил Аскар. — Продолжайте полет.

— Куда? Зачем? — резко откликнулся титанист. — У нас приказ — вернуться на базу без проволочек.

— Продолжайте полет. Вперед, в будущее. — Голос Аскара звенел от возбуждения. — Я должен выяснить... Это жизненно важно для всех нас... Продолжайте полет!

Пилот оглянулся через плечо и смерил физика возмущенным взглядом. Наверное, ему, как и Хешке, стало ясно, что Аскар не владеет собой.

— Вы что, гражданин, предлагаете, чтобы мы отклонились от полетного задания? Это строжайше запрещено! А если у вас возникли новые соображения, их надлежит довести до сведения руководства.

— Да, разумеется! До идеологов, которые не видят очевидного, даже когда факты смотрят им в глаза! — прорычал Аскар в ярости. — Они начнут бесконечно совещаться и тянуть, а когда наконец решатся, может быть слишком поздно. С человечеством будет покончено!..

Физик опять вскочил на ноги. Хешке встревожился не на шутку: в руке у Аскара блеснуло оружие, выхваченное из боевого костюма. Хешке, вскрикнув, освободился от ремней и бросился вперед в надежде остановить безумца. Но в ту же секунду Аскар свободной рукой ухватился за рычаг на панели управления и рывком послал его от себя. Времялет рвануло с чудовищным ускорением, выбросило из Абсолютного Настоящего и понесло в неведомое. Рывок сбил Хешке с ног, он упал, ударившись головой о подлокотник, и его поглотила тьма.

Когда Хешке пришел в себя, оказалось, что он опять сидит в своем кресле, спеленутый ремнями. Голова раскалывалась от боли, но боль тут же забылась, как только он с ужасом осознал, что произошло. Второй пилот лежал навзничь у борта. Он был мертв. Первый пилот, разоруженный, стоял недвижимо у дальней стены и с опаской следил за Аскаром, который уверенно вел времялет, не спуская, впрочем, глаз с титаниста.

— М-мм... что случилось? — промычал Хешке.

Аскар едва посмотрел в его сторону.

— Добро пожаловать. Тут была небольшая потасовка. Лейтенант Хоск убит. В сущности, не по моей вине...

— А инопланетный времялет?

— Мы ушли от него, — отозвался Аскар с сухой недоброй ухмылкой. — Я довел скорость до предела, почти до ста пятидесяти лет в час.

— Где мы?

— В будущем. Примерно в четырех столетиях от наших дней.

Хешке откинулся на спинку кресла, пытаясь побороть отчаяние. Психика Аскара, вполне очевидно, не выдержала перегрузки. Теперь Хешке и пилоту предстоит набраться терпения, прежде чем удастся справиться с душевнобольным.

— В будущем? Что же вы рассчитываете там обнаружить? — Хешке с трудом подбирал слова. — Разве не вы говорили мне, что там одна лишь мертвая пустота?

— Факты вопиют, они кричат в полный голос, — ответил Аскар. — Что, по-вашему, отличает подлинного ученого, Хешке? Умение принимать факты такими, какие они есть, даже если они вступают в конфликт с теорией. Именно этого нам до сих пор и недоставало.

— О каких фактах вы говорите?

Хешке беспокойно покосился на титаниста, который, в свою очередь, неотрывно следил за физиком.

— Прежде всего, — вещал Аскар, — о том непреложном факте, что руины стареют вопреки ходу времени. Если бы мы посмели беспристрастно оценить этот факт, то сразу догадались бы, что руины из будущего. Теперь мы с вами летим проверить это...

Его прервало пение гонга. Регистратор Абсолютного Настоящего замигал вновь.

— Вот оно! — ликующе возвестил Аскар.

У титаниста отвисла челюсть. Он пялился на регистратор, не в силах поверить своим глазам.

— Мы же в четырех столетиях от Абсолютного Настоящего!

— От нашего Абсолютного Настоящего.

— Оно единственное, — по инерции убеждал пилот. — Вы же сами вывели уравнения... И на их основе открыли секрет временного двигателя...

— Ну что ж, иногда я тоже ошибаюсь, — отпарировал Аскар сдержанно. — Чем, по-вашему, я занимался все три часа обратного полета — просто сидел, как болван, ни о чем не думая? — Он фыркнул от возмущения. — Ничего подобного, я пересматривал эти дурацкие уравнения. Почему бы не посмотреть на ситуацию иначе? Что если Абсолютное Настоящее вовсе не уникально, как мне представлялось ранее? Что если существуют и другие волны времени, отделенные друг от друга миллионами и миллиардами лет — или только столетиями? А может быть, таких волн многое множество, и они гуляют по Вселенной, завязывая ее волновую структуру в невообразимо сложные узлы? Так или иначе, я понял, что если видоизменить уравнения, чтобы они включали в себя и такие возможности, основной принцип временного двигателя остается незыблемым. Правда, с прежними теоретическими построениями придется расстаться. И как бы не

пришлось расстаться заодно и с молениями по Великой Матери Земле...

Монолог не мешал Аскару искусно управлять времялетом. Он ловко делил свое внимание между контрольными приборами и пассажирами. А его правая рука ни на мгновение не удалялась от оружия более чем на один-два дюйма.

— Что если, — продолжал он, словно беседуя сам с собой, — одна из волн времени движется в направлении, прямо противоположном нашей волне? Не из прошлого в будущее, а из будущего в прошлое? Конечно, в таком контексте сами понятия прошлого и будущего теряют смысл. При любом направлении движения то, что осталось позади, — прошлое, а то, что поджидает впереди, — будущее... Прибыли!..

На последнем слове он перешел на крик, пронзительный воинственный вопль. Стрелка регистратора Абсолютного Настоящего пересекла нулевую отметку и замерла в волоске от нуля, по другую сторону черты. Аскар повернул верньер, возвращая иллюминаторам прозрачность.

— Можете оглядеться, — предложил он. — Нас не увидят, мы в застывшем времени...

Хешке медленно встал и приблизился к стеклу.

Это была Земля — и не Земля. Небо оставалось синим, и в нем величественно застыли белые облака. Солнце сияло по-прежнему. Но на этом сходство кончалось. Правда, вокруг росла трава, зеленая трава, но зелень была оливковой с перламутровым отливом, а другая растительность имела вид совершенно внеземной: причудливо изогнутые деревья словно корчились от боли и ничем не напоминали ни одну из известных Хешке пород. Мельком Хешке еще заметил неведомую летающую тварь, зависшую в воздухе, и тут его взор приковала к себе немыслимая картина, раскрывающаяся под холмом.

Хатарские развалины. Нет, не руины, которые Хешке изучал годами и по которым он бродил в глубине столетий. Перед ним раскинулся цветущий город. Археолог увидел четко очерченные, блистающие конические башни и громадные здания во главе с Собором (назначение которого он так и не установил), кварталы сотообразной жилой застройки, ленты дорог и овалы просторных площадей...

Все так или почти так, как представлялось ему в воображении. Все чужое, непонятное, но живое. Шумное, суетливое обиталище нелюдей.

Они заполняли Хатар. Пушистые, остромордые, они стояли в треугольных дверях, гуляли по улицам и площадям. Нет, не гуляли — застыли на полушаге, как на стереофотографии: времялет был неподвижен, но недвижимо было и время.

— Инопланетные захватчики! — прошептал титан-пилот. Оба они, пилот и Хешке, совершенно забыли про свой молчаливый сговор скрутить Аскара, как только выпадет удобный случай.

— Они самые. Только никакие они не захватчики, хотя в известном смысле и впрямь инопланетяне.

Титанист сжал кулаки.

— Значит, мы заблуждались. Враг атакует нас из будущего. Вот где они высадились, вот откуда пытаются завоевать Землю...

— Да нет же, нет! — произнес Аскар в удивительно терпеливой, нетипичной для себя манере. — Смотрите внимательно: я привожу времялет в движение с нормальной для нас биологической скоростью секунда за секунду.

Он подрегулировал что-то на панели, и сцена ожила. Облака поплыли по небу, деревья закачались, а существа, населяющие город, зашагали по своим делам.

— Они идут задом наперед, — глуповато заметил Хешке.

Так и было. Словно видеофильм запустили наоборот, от конца к началу.

— Это потому, что мы движемся во времени в направлении, нормальном для нас. Теперь смотрите, что случится, когда времялет пойдет с той же скоростью, но в обратном направлении.

Он коснулся приборов еще раз. И на глазах свершилось чудо, будто пленку в иллюминаторах перемотали и запустили как положено: существа перестали пятиться. Правда, походка у них была диковинная, враскачку, и держались они косо, словно вот-вот готовы были упасть.

— Вот теперь мы наблюдаем их, — сказал Аскар, — в нормальном для них ходе времени, хотя для нас это обратное направление. Дошло до вас, наконец? Эти существа такие же земляне, как мы. Они развились на нашей планете, но за миллионы лет в будущем. Впрочем, точно так же можно сказать, что мы поселились в их будущем. Земле суждено было стать колыбелью двух независимых потоков эволюции, разделенных во времени и привязанных к разным его волнам. К несчастью, волны движутся навстречу друг другу. И вскоре неизбежно столкнутся.

Шок, овладевший Хешке и титан-лейтенантом, как только они осознали смысл сказанного Аскаром, продолжался минут пять, если не дольше. Они просто оцепенели, не в силах вымолвить ни слова.

— Но Мать Земля!.. — заикаясь, вымолвил титанист.

Физик грубо расхохотался.

— Ну да, Мать Земля, — повторил он, и в его устах это прозвучало ругательством.

Хешке спросил с тревогой:

— Что если нас заметят?

— Не заметят. Мы не синхронизированы с их настоящим, машина движется немного позади него.

— Волны столкнутся! — выдохнул титанист. — Непостижимо! Что же будет, Аскар?

— Взгляните правде в лицо. Встречные волны сближаются и отстоят сегодня друг от друга всего на четыре столетия. Две расы уже знают о взаимном противостоянии, и каждая из них вскоре начнет готовиться к тому, чтобы истребить другую. — Глаза у Аскара мрачно сверкали, он как бы всматривался в чудовищную перспективу, видимую ему одному. — И пусть волны времени еще разделены веками, на Земле разразится небывалая война. Каждая из цивилизаций обнаруживает, что в ее жизненных центрах поднимаются сооружения, созданные противником, и год от года они молодеют. Каждая из сторон испытывает все больший страх. И каждая пытается овладеть ситуацией, используя одни и те же средства, но из разных точек времени. И все впустую. Что будет, когда волны времени действительно столкнутся? Ответ один — аннигиляция. А вслед за ней полная остановка времсни...

Сделав усилие, титан-лейтенант вырвался из-под гипноза речей Аскара, звучавших, как заклинания, и выпрямился во весь рост.

— Нельзя терять ни секунды! Высшее командование должно быть поставлено в известность!

— Делайте, что считаете нужным, — произнес Аскар. Наступила реакция, его била дрожь. Он выбрался из кресла пилота, оставив оружие на кон-

трольной панели. — Примите управление, лейтенант.

Титанист сел на свое привычное место и коснулся приборов, устанавливая начальную скорость. Самообладание вернулось к нему, и когда он заговорил, то прежним тоном — тоном командира, не сомневающегося в своей правоте.

— Следует признать, что вы оказали человечеству большую услугу, гражданин Аскар. Тем не менее по возвращении в Абсолютное Настоящее вам будут предъявлены обвинения в неподчинении приказам и убийстве титан-офицера.

— Да оставьте вы его в покое, ради Бога! — взмолился Хешке.

Неясный гул двигателя нарастал, и машина, набрав обороты, вспорхнула с оливкового склона и с нарастающей скоростью устремилась в прошлое. Хешке устроился поудобнее. Было приятно видеть, что времялет снова в руках долговязого лейтенанта, а Аскар, по-видимому, исчерпал силы и впал в апатию.

Без малого час они провели в молчании. Хешке даже задремал, но очнулся от резкого вскрика пилота. Времялет заложил вираж и круто пошел вниз.

Бросилось в глаза, что регистратор Абсолютного Настоящего вновь подмигивает. А тут пилот перевел иллюминаторы в режим прозрачности, и Хешке различил за стеклом цилиндрический контур вражеской машины времени. Аскар выкрикнул что-то бессвязное, и в тот же миг времялет содрогнулся от сильного удара и завалился в штопор.

Сильно закружилась голова. Когда Хешке пришел в себя, времялет стоял неподвижно, но покосившись набок, а в бортовой броне зияла огромная дыра. Временной двигатель позади кабины постанывал неровно, как раненый зверь. Только тут археолога наконец-то осенило: вражеская машина времени была вооружена!

— Проклятье! — проскулил Аскар. — Проклятье!..

Хешке кое-как поднялся на ноги. Титан-лейтенант уже был у дымящейся дыры и осторожно выглядывал наружу. Хешке присоединился к нему — как раз вовремя, чтобы заметить призрачный цилиндр, который полуматериализовался в воздухе, померцал секунду-другую и тут же вновь исчез. Он мгновенно отпрянул назад в кабину, но пилот уже успел выбраться и спрыгнуть на землю. Тогда Хешке решился последовать его примеру — и замер, озираясь по сторонам.

Если смерть означает отсутствие жизни, то смерть подобных масштабов не могла бы привидеться и в самом страшном сне. Во все стороны, куда ни глянь, расстилалась смерть — серая безжизненная равнина, ровная, как стол, если не считать нескольких холмиков к западу и бесформенных руин к северу. Нигде ни травинки, ни единого движения. И пыль, пыль, пыль — Хешке и представить себе не мог, чтобы где-нибудь существовали такие залежи пыли, разве что на Луне.

Вслед за ними из кабины выкарабкался Аскар. И застыл, бледный, как привидение.

— Двигателю конец, — воскликнул он сдавленно. — Эти мерзавцы точно знали, куда стрелять!.. — Он беспомощно осмотрелся. — Вы, Хешке, спрашивали меня о будущем. Вот оно, будущее, которого не достигли волны времени. И мы застряли здесь навсегда!..

— Мы провалили задание, — заявил пилот похоронным голосом. — Руководство никогда не услышит доклада...

— Идиот! — огрызнулся Аскар. — Какое это имеет значение, если всем и всему живому на Земле осталось жить не более двух столетий!

Они стояли у времялета и в молчании глядели на мертвую пустыню.

Глава V

Далеко-далеко от Земли, а вернее, на полпути между Альтаиром и звездой Барнарда, на максимальном удалении от любых небесных тел, во тьме пространства плыла МКО — Межзвездная космическая община, известная ее обитателям как Колба. Снаружи община действительно походила на сдвоенную колбу или на вытянутые, изящно очерченные песочные часы. Со стороны космоса колба была прозрачной и даже отсвечивала, как стекло. Внешний наблюдатель мог бы различить под стеклянной оболочкой не только контуры поселения, выстроенного в форме двойного веретена, но и смутный отблеск городских огней и мелькание транспортных устройств, снующих по улицам.

История общины насчитывала приблизительно пять тысячелетий, прошедших по большей части тихо и без потрясений. Управители общины предполагали, что в пространстве могут скрываться и другие поселения МКО, разбросанные в радиусе ста световых лет от Солнца: идея отречься от жизни на поверхности планет во имя искусственных городов в межзвездной пустоте была в свое время очень популярной на Земле. Но никто не знал наверняка, уцелели ли другие осколки исчезнувших земных цивилизаций, а прочесывать космос наудачу в поисках двоюродных братьев не возникало нужды.

В обиходе две половины МКО именовались «Нижняя колба» и «Верхняя колба»; при этом подчеркивалось не столько их положение относительно друг друга, сколько социальный статус. Официально они носили названия «Зона Труда» и «Зона Покоя». И никто, кроме новорожденных младенцев, не проникал из нижней зоны в верхнюю и наоборот.

Или почти никто.

Ху Сюмень выключил свой станок и постоял минуту-другую в раздумье, озираясь вокруг: в просторном цехе помещалось множество механизмов. Появились рабочие новой смены. Кто-то еще медлил, развлекаясь дружеской болтовней, а кто-то уже развернул листы чертежей, запустил станки и с головой погрузился в работу.

Большинство товарищей Ху Сюменя по смене закончили все дела и ушли. Он собирался последовать их примеру, когда к нему обратился улыбчивый молодой человек.

— Привет, Сюмень! У меня на участке сегодня почти нечего делать. Хочешь, я помогу тебе и поработаю над твоим заданием?

Ху Сюмень задержался с ответом. Задание, выпавшее в последние дни на его долю, оказалось небезынтересным, и он намеревался вернуться к нему назавтра — а, по правде сказать, просто-напросто оттягивал момент, когда надо будет перейти к завершающей фазе другого, личного проекта: ему казалось, что для этого он еще не накопил сил. Он перевел взгляд на полусобранный комплект изящно выточенных деталей — новый тип калибратора для какого-то невообразимого инструмента, заказанного умниками из Верхней колбы.

— Ладно, — произнес он, мирясь с судьбой. — Продолжай за меня, если хочешь. — Развернув чертежи, он принялся объяснять подробности, указал, на чем именно остановился, и добавил: — Не торопись. До срока еще больше месяца...

Молодой человек кивал, а сам впивался глазами в чертежи.

— Терпеть не могу такого вялого ритма. Но с этими несрочными заказами всегда так...

Сюмень выбрался из цеха, в раздевалке сбросил спецовку, вымыл лицо и руки, сбрызнул тело освежающим раствором. Гормонально насыщенный туман садился на кожу, проникал в ноздри, улучшая самочувствие и обостряя мысли, унося утомление после многочасового сосредоточенного труда.

Из раздевалки он вышел сильным, стройным, элегантным. По винтовой лестнице к лифтам он спускался длинными шагами, и в голове уже начали жужжать разные захватывающие идеи. Но как только кабина устремилась вниз к жилым уровням, его заметил Ли Ким, давний приятель еще по подготовительным курсам, и стал подбивать на партию в пинг-понг. Не найдя подходящего предлога для отказа, Сюмень покинул кабину вместе с Кимом, и они направились к ближайшим залам развлечений.

Ким на ходу извлек из автомата две банки пива и вручил Сюменю одну из них. Они прошли сквозь галерею игорных автоматов, миновали подъезды театров. Теперь из-за стен раздавались глухие удары мячей, там сражались в какие-то стремительные игры, скорее всего в крикетбол.

«Пинг-понг, — подумал Сюмень, — вот и все, что можно здесь позволить. Там, в Верхней колбе, в пинг-понг не играют. Всемогущее Время, какие же игры там в ходу!..»

Они заняли стол, Сюмень взял ракетку. Стол был вогнут, как широкая плоская чаша, и разделен пополам тонким алюминиевым экраном. Ли Ким осушил свою банку, усмехнулся, подкинул мяч и закрутил подачу.

Несколько раз они перебросили мячик туда-сюда, следя за отскоком. Ким играл хорошо — Сюмень не раз имел случай в этом убедиться. Вогнутая поверхность, конечно же, требовала отличной реакции и острого глазомера — но это было не все.

Сюмень почти промазал, еле дотянувшись до мяча в последнюю долю секунды, и с силой послал его над левой частью экрана.

Едва достигнув разделительной линии, мяч исчез. Одновременно исчез и Ким. Но мгновением позже мяч пулей вернулся к Сюменю, а следом возник и противник, успевший занять позицию у центра стола.

Такое развитие игры как нельзя лучше указывало на главную специализацию Колбы — умение управлять временем. Стол делился на временные зоны, каждая из которых в каждый данный момент чуть сдвигалась по фазе по сравнению с соседней. И это требовало уже не просто молниеносной реакции — надо было стать почти ясновидцем, чтобы догадаться, откуда прилетит мяч и когда. Фазы можно было настроить на большую или меньшую разницу во времени или, еще таинственнее, перепутать их так, чтобы мяч, посланный, например, налево, сверхъестественным образом вернулся справа. Можно было добиться даже того, чтобы мяч вернулся раньше, чем его послали.

Для жителей Нижней колбы в этом не было ничего необычного. В конце концов технология времени была делом их жизни.

Ким находился в прекрасной форме, исчезая и появляясь куда проворнее, чем Сюмень мог проследить или предвидеть. Возможно, удалось бы сопротивляться подольше, если бы Сюмень был в состоянии сосредоточиться на игре, да не получалось: в сознании то и дело вспыхивали иные мысли, мешавшие точности движений. Ким выиграл первую партию и, ухмыльнувшись, спросил:

— Еще одну?

Сюмень положил ракетку.

— Как-нибудь в другой раз. Не думаю, что сегодня мы можем играть на равных...

— Тогда в межвременные шахматы? Каждый ряд клеток под разным углом к настоящему?

Сюмень покачал головой. Межвременные шахматы требовали такой концентрации внимания, такой феноменальной памяти, что у него не осталось бы ни одного шанса из тысячи.

— Так, может, тебе хочется просто отдохнуть? Пойдем на шоу?

— Спасибо, Ким, у меня дела. Ты уж как-нибудь обойдись без меня.

Весело махнув на прощанье рукой, Ким побежал, приплясывая, к яркому навесу, за которым расположился зал для прыжков на батуте.

Сюмень покинул зону развлечений и направился домой.

«Ким меня бы не понял, — подумалось ему. — А если бы проведал о моих планах, пришел бы в ужас. Да, наверное, меня не понял бы вообще никто, просто не сумел бы понять — ни в нижней половине города, ни в верхней. Люди не в состоянии осознать то, что выходит за рамки их личного опыта. Для всех, кроме меня, другая колба, там, наверху — понятие сугубо абстрактное...»

Лифт летел вниз, сквозь бессчетные ярусы фабрик и мастерских, развлекательных заведений и жилых кварталов. В конце концов Сюмень вылез из кабины и, следуя лабиринтом узеньких улочек, добрался до аккуратного домика, как бы слитого с дюжиной таких же домиков в одно беспорядочное строение. Он приложил большой палец к замку и вошел.

Дед сидел за столом, посасывая шипучую минеральную воду. Говоря по правде, дед был не таким уж старым — еще одно доказательство достигнутого в Колбе господства над временем, — а точнее, всего на двадцать шесть лет старше внука. Сюмень поздоровался с ним довольно небрежно, достал обед, сел и принялся уплетать цыпленка с синтетическим рисом и побегами бамбука под соусом кэрри.

— Как сегодня работалось? Интересно было? — осведомился дед, задумчиво глядя на внука. Сюмень рассеянно кивнул:

— Да ничего...

За целых десять лет он так и не перестал удивляться тому, что почти все разговоры в Нижней колбе, в том числе и дома, в быту, вертятся вокруг работы. Социальная система действовала, как ее и задумали: каждый живущий здесь, внизу, был поглощен производственными заботами, изготовлением новых предметов.

Смахнув остатки пищи в мусоросборник, он откинулся на спинку стула в глубоком раздумье. Дед включил стенной экран. Какой-то технарь объяснял, как сконструировать цепь растяжки времени — время и впрямь можно было растянуть, отделяя от бегущего «сейчас» малую часть с тем, чтобы она двигалась по кругу. Сюменю этот трюк уже был знаком, и он косился на экран, не вслушиваясь. За технической передачей пойдут мелодрамы, комедийные шоу, и так далее, и так далее... В душе вскипела обида, и он сам не заметил, как сказал вслух:

— Посмотрел бы ты, что показывают в Верхней колбе!..

Дед вздохнул чуть слышно и повернулся к внуку с насмешкой:

— Все сначала, да?

— Но, дедуль, неужели тебе не хочется хотя бы взглянуть на жизнь наверху? — откликнулся Сюмень. — Уж можешь мне поверить, там все иначе. Они живут гораздо лучше нас, комфортнее и интеллектуальнее.

Старший рассмеялся тихим снисходительным смехом.

— Твоему отцу, безусловно, есть за что держать ответ, — произнес он. — Ты говоришь, там живут лучше нашего. Нет, не думаю. — Он криво усмехнулся. — Никакой работы, никакого производительного труда. Такая жизнь кажется мне лишенной смысла. Мне больше нравится здесь.

«В том-то и штука, — подумал Сюмень. — Именно потому системе удается успешно поддерживать себя. Ни одна из частей разделенного города не завидует другой. Обитатели Зоны Покоя относятся к рабочим, которых никогда не видят, как к разумным машинам. А рабочие, в свою очередь, полагаю, что те, кто купается в благах утонченной культуры, — просто праздные трутни, которые были бы много счастливее, если бы занялись чем-нибудь полезным...»

Но с Ху Сюменем система дала сбой.

— Не мучай себя, — проворчал дед, — наша жизнь здесь совсем недурна. Не тревожь себя тем, что осталось там, наверху. Пусть они там живут, как живут. А по мне — так и здесь все хорошо...

Социальная система Города-Колбы была, вероятно, единственной в своем роде. Ее создатели проявили редкую изобретательность. Обитатели Зоны Труда и Зоны Покоя были строжайшим образом разделены — и в то же время придерживались причудливой демократии, предусматривающей, чтобы с каждым поколением классы менялись местами. Всех младенцев через несколько часов после рождения отбирали у родителей и переводили в другую колбу, где отдавали на воспитание родителям родителей, то есть бабушкам и дедушкам.

В основе такого порядка лежал главный этический закон: человек был обречен провести всю свою жизнь в Зоне Труда, зато испытывал удовлетворение от сознания, что его дети наслаждаются изысканной роскошью Зоны Покоя. И наоборот, житель Зоны Покоя был вынужден обречь своих детей на каждодневный труд и жесткую дисциплину Нижней колбы, зато его вознаграждали тем, что взамен детей ему отдавали внуков.

И все шло заведенным порядком, без волнений и бурь. На протяжении веков почти никто не отступал от существующего принципа и уж вовсе никто не пытался его оспорить.

Никто, кроме отца Сюменя.

Ху Шао занимал в Зоне Покоя высокий пост — Сюмень полагал, что отец был министром. Но в его психологической подготовке допустили какой-то просчет: выросший в обществе, где все давным-давно приспособились к извечным порядкам, он так и не сумел смириться с мыслью, что его новорожденного сына отправят в Нижнюю колбу. Ху Шао выдал сына за внука, присланного из Нижней колбы.

Отец Сюменя ухитрялся скрывать свое преступление целых десять лет. И все же правда выплыла наружу. Закон есть закон, он не ведает исключений. До десяти лет Сюмень воспитывался в обстановке, быть может, самой утонченной в сравнении со всеми цивилизациями Галактики, — и вот, невзирая на возраст, его безжалостно отправили вниз, в иную среду, к незнакомым людям.

Первые несколько лет после этого он прожил, как в кошмаре. Потом, конечно, в определенной степени приспособился, но затаил жгучую обиду на общество, разделенное пополам. А его отец, сын человека, сидящего сейчас за столом напротив, понес наказание, которое длилось и по сей день.

Сюмень бросил взгляд на деда и вдруг понял, что все эти годы был для него лишь источником раздражения. Внук появился в семье слишком поздно и казался посланцем с того света.

Он поднялся из-за стола и, отодвинув одну из ширм, разделявших убогое жилище, проскользнул в свою крохотную домашнюю мастерскую. Не теряя ни минуты, снял с изящной подставки модель Города-Колбы, которую сделал сам, — два стеклянных веретена, соединенных металлическим пояском и посверкивающих изнутри путаницей металлических деталей.

Он трудился почти два года. На самом деле это была не просто модель — форму он выбрал ради камуфляжа. Это был прибор, в который он вложил всего себя, всю свою сноровку, сообразительность и терпение. Устройство, которое он создал, должно было помочь ему вернуться к отцу.

Несколько часов он скрупулезно проверял устройство. Затем проник в свою каморку и переоделся в тунику с высоким воротником. Засунул модель Города-Колбы в матерчатую сумку и вышел на улицу.

Через пять минут он был уже в скоростном лифте, направляющемся в доставочный конец Зоны Труда — к тому самому металлическому поясу, откуда продукция Нижней колбы отправлялась в другую половину города. За стенами лифта мелькали исполинские блистающие конструкции из стали, алюминия и титана, составные части непрерывного процесса производства, замкнутого на цех доставки.

Никто не обратил на Сюменя внимания, когда он покинул лифт и пересек сортировочный двор, где большие цилиндрические тележки выстраивались рядами, чтобы отправиться через узкое металлическое горло в другую колбу. Обогнув главный распределительный узел, он поднялся по коридору, которым явно почти не пользовались, миновал череду дверей и в полутьме начал карабкаться по узкой винтовой лесенке.

Чтобы отыскать этот маршрут, понадобилось изрядно покорпеть над планами и схемами, а потом провести не одну разведку на местности. Выяснилось, что подобных маршрутов несколько: пространство между колбами было напичкано проходами и лесенками для персонала. Человеку решительному следовало лишь запастись терпением и еще соответствующим снаряжением.

В конце концов он достиг верха лестницы и очутился на галереях, примыкающих к массивным спиралям, которые выстилали решетку между колбами изнутри. Мало-помалу возникли странные ощущения, затем они охватили все тело, предупреждая о близости мощных полей переменного времени, разделяющих два общества. Зрение слегка расфокусировалось, а сердце протестующе прыгнуло и застыло.

Если бы он тайком забрался в какую-нибудь из грузовых тележек, чтобы проделать путь быстрее и комфортабельнее, крутые перепады временных фаз убили бы его, невзирая на любые меры предосторожности.

Он достал из сумки поддельную модель города и коснулся кнопок. Внутри вспыхнул рой тусклых

огоньков, янтарных, зеленых и белых. Теперь модель приняла на себя контроль над его персональным «сейчас», защищая хозяина от безумства энергий, загнанных в гигантские спирали. Хотелось надеяться, что она смягчит удары окружающих временных полей и поможет пересечь запретный пояс.

Сюмень двинулся дальше, словно сквозь исполинскую пещеру, забитую механизмами до того, что они сливались в сплошную массу без стыков и щелей. И все же он находил щели, протискивался меж поверхностей и стоек, и только гул в ушах звучал все громче и громче. Раз-другой он задерживался, чтобы вновь настроить прибор, и наступил момент, когда прибор подтвердил то, о чем Сюмень уже догадался сам.

Он преодолел временной барьер и синхронизировался с временем Зоны Покоя.

Теперь-то уж никаких серьезных препятствий не предвиделось. Он продолжал, как червяк, ползти меж машин, контролирующих время, и вскоре понял, что может выключить прибор совсем. Однако тут его поджидало затруднение. Ведь там, где он прожил последние десять лет, ни планов, ни схем Верхней колбы не было и в помине. Теплилась надежда, что район, куда поступали товары, окажется хоть в какой-то мере похож на место их отправления и, значит, должна найтись лестница, ведущая вниз, наподобие той, по которой он взбирался наверх.

Он искал ее, искал долго и нашел, но не лестницу, а небольшую платформу, которая и вынесла его за пределы пограничья, обозначенного разделительным металлическим поясом. Он оказался в Зоне Покоя.

Сверху был хорошо виден весь участок приемки продукции, поставляемой городу добровольными рабами. Да, это был сортировочный узел, очень похожий на тот, который Сюмень недавно покинул, с одной существенной разницей: все операции здесь шли, похоже, без присутствия человека. Тележки раскупоривались, их содержимое перегружалось в вагончики меньших размеров, которые разбегались по тысячам направлений.

Спрыгнув с платформы, Сюмень решительными шагами двинулся прочь. Опасаться было нечего: никто не посмел бы остановить его и спросить, что он здесь делает. Беспокоить вопросами встречных в Зоне Покоя было не принято.

Уже в первые минуты он с волнением ощутил разницу между этой зоной и той, откуда вырвался так недавно. Самый воздух здесь казался иным. За долгие годы в роли «рабочей силы» он просто перестал замечать, что в Зоне Труда воздух непременно отдавал смазкой и другими безымянными машинными запахами. Здесь же чувствовался слабый привкус духов и еще чего-то едва уловимого, но приятного.

Следующие полчаса пролетели, как во сне. Сюмень шагал по тем самым пышным садам и широким площадям, образы которых сохранились на дне его памяти. Мимо шли люди, спокойные, безмятежные, не связанные никаким расписанием или графиком, шли по своим делам, чтобы предаться отвлеченным размышлениям об искусстве, науке, философии. Это была жизнь предельно утонченная, непостижимая для обитателей Зоны Труда. Но Сюмень-то успел оценить ее. И по мере того, как атмосфера Зоны Покоя завладевала его сознанием, годы, что прошли там, внизу, уходили все дальше...

Он попал в правительственный квартал. Но и здесь никто не задержал Сюменя, и он беспрепятственно шел по коридорам, полным свежих ароматов и задрапированным тканями оранжевых и лимонных тонов, пока не достиг знакомых апартаментов и душа не всколыхнулась от боли. Здесь, именно здесь замуровали его отца.

Десять лет назад он стал свидетелем того, как Ху Шао начал свое заключение. Совет прибег к ужасному наказанию, исходя из тяжести совершенного преступления. Сюменя нисколько не удивило, что вокруг не было ни души: люди должны инстинктивно избегать такого соседства.

Замок на двери оказался простеньким, хоть его нельзя было открыть изнутри. Сюмень снял с пояса инструмент и, повозившись немного, проник в вестибюль со стеклянными стенами, сквозь которые просматривалась комната-камера. Это было обиталище, отчасти похожее на то, которое Сюмень делил со своим дедом, но все-таки побольше и, несомненно, комфортабельнее. Казалось, что в комнате никого нет. Но на дальней стене вестибюля была контрольная панель, и Сюмень тщательно обследовал ее. Он вынул из сумки самодельный регулятор временных фаз, взмахнул им перед панелью, приглядываясь к огонькам под стеклом, и притронулся к двум-трем кнопкам. Затем взял микрофон и произнес, стараясь не выдать голосом никаких чувств — ни волнения, ни тревоги:

— Отец, я знаю, что ты видишь меня, хотя я не вижу тебя. Я твой сын, Сюмень. Я вернулся, чтобы освободить тебя, если смогу.

Отложив микрофон, он вновь вернулся к панели и прижал к ней металлическую пластинку на приборе. Магнитные возмущения, вызванные пластинкой, должны были повлиять на контрольные цепи аппаратуры.

Сюмень не смирился с тем, что отец заслуживает такого наказания. Совет приговорил его к одиночному заключению в прошлом. Отца вывели из синхронизации — его личное «сейчас» отставало на минуты, а, возможно, лишь на доли секунды от общего «сейчас» Зоны Покоя. Более полного одиночества нельзя было себе представить, и оно вряд ли становилось легче оттого, что отец не обязан был постоянно находиться в четырех стенах — в какие-то дни и часы ему разрешалось прогуливаться на улице, хотя и в строго определенном районе. Но ведь личное время других людей шло впереди его времени: он видел их, а они не могли ни видеть, ни слышать, ни ответить ему. Он стал привидением, обреченным бродить среди живых, которые его не замечали.

«Более жестокой ссылки, — подумал Сюмень, — не изобретали за всю историю...»

Огоньки внутри стеклянного сосуда мигнули и ускорили свой бег. Внезапно комната за перегородкой словно вздрогнула, в комнате возник Ху Шао, он глядел на Сюменя изумленными глазами, но, как и сын, старался сохранять достоинство и выдержку.

Бывший министр был очень похож на своего отца, оставшегося в Зоне Труда, — они ведь оказались примерно ровесниками, обоим было под пятьдесят, — но сходство отступало перед различиями в обычаях двух обществ. У Ху Шао оказалась длинная негустая борода и тщательно ухоженные усы. Брови были частично выщипаны так, чтобы края загибались вверх; лицо сохраняло следы косметики. Седеющие волосы, бережно зачесанные назад, были отпущены куда длиннее, чем рекомендовалось внизу, — там предпочитали короткую стрижку.

Ху Шао следил, не шевелясь и не мигая, как Сю-

мень отпирает внутреннюю дверь. И только когда тот вступил в комнату, спросил:

— Сын мой, какую глупость ты затеял?

А Сюмень в ответ лишь уставился на отца, не в силах произнести ни слова, не в силах ничего объяснить. Невероятно, но в своих мечтах он никогда не заходил дальше этого трогательного момента: сын освобождает осужденного. Наверное, ему мерещилось, что отец с его умом и находчивостью подскажет, что делать дальше.

Только теперь он понял, что эти надежды были по сути своей надеждами десятилетнего мальчика, как бы застывшими в ту секунду, когда его оторвали от отца. Детское обожание... И только теперь, когда он оказался с Ху Шао лицом к лицу, до него дошло, что отец так же беспомощен и растерян, как и он сам.

Глава VI

Тишина воцарилась среди собравшихся в комнате, затерянной в глубине заброшенного дома на безвестной боковой улочке. Собри Бломоут не поднимал глаз от стола, ему было слегка не по себе в лучах сочувствия, исходивших от всех остальных.

— Нам очень жаль, Бломоут, — заявил председатель. Получилось у него это довольно неуклюже. — Но, по крайней мере, твой брат погиб не напрасно. Он прихватил с собой четырех титанистов.

— Не такое уж это самопожертвование, как кажется, — сказал Бломоут деревянным голосом. — Я бы тоже покончил с собой, лишь бы не попасть в лапы этих мерзавцев из Политдворца-Два.

Руководитель ячейки из Кансорна кивнул в знак согласия.

— Легионеры активизировались. Я, например, никогда не расстаюсь со своей эс-гранатой.

— Как и мы все, — произнес сосед кансорнца по столу. Этот носил маску и использовал модификатор голоса: он был настолько известен на планете и его сотрудничество с Лигой представлялось столь важным, что право на анонимность подразумевалось само собой. — Лига шатается под ударами Легионов, — продолжал он. — За последние месяцы арестовано почти триста бойцов. Наша сеть в другом полушарии практически уничтожена. Если репрессии будут продолжаться и дальше, я боюсь за судьбу всего дела.

Участники собрания впали в уныние. Председатель постарался овладеть ситуацией:

— Репрессии — признак нашей растущей силы, а отнюдь не слабости. Вспомните, какой кризис мы пережили двадцать лет назад. Был период, когда число членов Лиги общечеловеческих ценностей снизилось буквально до пятисот человек. — Он горестно улыбнулся. — Само ее название звучало тогда насмешкой. Но теперь, после долгой мирной передышки, мы сумели расширить нашу деятельность и приумножить наше влияние. Странно было бы ожидать, что титанисты не откликнутся на наши успехи по-своему.

— Может, это и верно, — сказал руководитель кансорнской ячейки. — Но вся проблема в том, как нам ответить на их атаки. Все, буквально все зависит от того, переживем ли мы эту бурю.

Настала очередь председателя согласно кивнуть кансорнцу.

— И это возвращает нас, — сообщил он, — к главной теме предстоящего обсуждения. На предыдущем собрании было внесено предложение не принимать впредь в члены Лиги лиц смешанной крови. Авторы предложения, как вы помните, обосновывали его необходимостью защитить нашу репутацию, — председатель сделал вид, что эти слова ему крайне неприятны, — чтобы никто не мог объявить, как бывало, что мы организация калек и недочеловеков. Полагаю, вы все успели взвесить внесенное предложение?

— Я против, — раздался взволнованный голос. — Это идет вразрез с нашими принципами. Словно мы тоже считаем другие подвиды человечества низшими. Нельзя позволить, чтобы нас втянули в расистские игры.

— А я за, — заявил кансорнец, — прежде всего по тактическим соображениям, какие уже приводились.

— Сколько людей смешанной крови в нынешнем составе Лиги? — неожиданно спросил Собри Бломоут.

— Статистический отдел дает цифру двадцать процентов, — ответил председатель. — Существенный процент, вполне достаточный для того, чтобы подкрепить направленную против нас пропаганду.

— Пропаганда — не главная наша печаль, — буркнул кансорнец. — Но титанисты начали кампанию против смешанной крови, и она набирает силу. Не успеем мы и глазом моргнуть, как эти полукровки и цветные укажут Легиону путь к самому сердцу Лиги. Выступая против них, титанисты выступают против нас...

— Однако эти люди видят в нас своих защитников, — вставил Собри. — Если мы их изгоним, то едва ли сможем рассчитывать на их лояльность.

— Есть еще одна сторона медали, — снова вмешался тот, кто первым высказался против. — Мы что, будем вынуждены прервать все наши связи с резервациями?

Возникла напряженная пауза, затем председатель сказал:

— Вероятно, нам в любом случае придется снизить активность в резервациях. Контроль легионеров стал таким плотным, что эти районы оказались слабым звеном во всей нашей сети. Немало наших агентов были перехвачены именно при попытках перейти границу. И даже те несчастные, кто заперт в резервациях, стали относиться к нашим намерениям настороженно.

— Предлагаемый шаг решителен, — объявил тот после раздумья. — Но выгоды, которые он обещает, пожалуй, слишком малы для того, чтобы оправдать измену нашим принципам. В конечном счете даже этот шаг не поможет нам опровергнуть миф о Черном сговоре.

«Ну разумеется, — подумал Собри, — Черный сговор...» Немыслимо подробный, фантастически утонченный план извести Человека Истинного, якобы разработанный сотни лет назад объединенными усилиями злых гениев всех низших подвидов. Лига общечеловеческих ценностей знала, что ни подобного плана, ни документа, сколько-нибудь напоминающего подобный план, никогда не существовало. Но вокруг Черного сговора было сплетено немало легенд, и Титановые Легионы поддерживали эти мифы и распространяли их. Говорилось, например, что сама Лига — часть одной из альтернативных схем сговора.

Это было такое нагромождение бессмыслиц, что Собри Бломоут подчас впадал в отчаяние: очевидно, Лиге вовек не добиться своей цели — цивилизацию от глупостей не излечишь.

Дискуссия шла кругами, и он вновь вспомнил о брате. Ведь это он, Собри, заманил брата на опас-

ный путь. Сначала намеками, потом доводами и призывами к рассудку он убедил Блэра примкнуть к оппозиции. И хотя Блэр не очень сопротивлялся — все равно он был слишком наивен, чтобы преуспеть на нелегальной работе. Не надо было впутывать брата в их дела. И вовсе не Блэру следовало бы воспользоваться эс-гранатой.

На месте Блэра должен был оказаться он, Собри.

Председатель объявил дискуссию законченной и приступил к голосованию. Предложение было отклонено, хоть и незначительным большинством.

Обсудили тактические тонкости. Решили распустить несколько ячеек и разбросать их активистов по разным районам земного шара с тем, чтобы они затаились до дальнейших распоряжений. Напоследок председатель поднял еще один короткий вопрос.

— Это связано с твоим братом, Бломоут. Возможно, ты знаешь, что он работал вместе с известным археологом Рондом Хешке на инопланетных Хатарских развалинах. Похоже, что в ту ночь, когда погиб твой брат, Хешке тоже забрали.

— Я не знал, что Хешке связан с Лигой, — нахмурился Собри.

— Нет, не связан. По нашим данным, он правоверный гражданин с сертификатом о расовой чистоте. Нам стало известно, что его переправили сюда в Симбел и посадили на борт межконтинентальной ракеты без опознавательных знаков. Мы не вполне уверены, но ракета, кажется, приземлилась в пустыне Сарн.

— Ну и что? — Собри уставился на председателя в недоумении.

— У титанистов там секретный исследовательский центр, — пояснил тот. — Стерегут его как зеницу ока, и мы не сумели установить, что там такое. Ясно одно: центр каким-то образом связан с инопланетными захватчиками.

— А это небезразлично и для нас, — произнес Собри сдержанно.

— Совершенно верно. Не исключено, что расовая нетерпимость на Земле началась с антагонизма между людьми и инопланетянами. Если так, то, по мнению психологов, надо преодолеть страх перед инопланетянами, и ненависть к другим подвидам иссякнет сама собой.

Собри кивнул. Рассуждение не было внове для членов Лиги.

— Я затронул эту тему потому, что нам нужно знать больше, а получить информацию по обычным каналам почти невозможно, — сказал председатель в заключение. — Передайте по сети запрос: слышал ли кто-нибудь о каких-либо поставках в пустыню Сарн?

Председатель запнулся на полуслове: дверь позади него открылась, и он выхватил пистолет. Но это оказался охранник.

— Разрешите доложить: в окрестностях появились титановые патрули. Мы решили поставить вас в известность.

— Спасибо. Есть тут кто-нибудь, кто не позаботился о прикрытии?

Собри поднял руку. По профессии художник, он мог путешествовать, не выставляя каких-то особых причин. Остальные, чтобы оправдать свое пребывание в Симбеле, должны были придумать убедительный предлог делового или личного характера. Большинство из них были зарегистрированы как участники предварительного этапа Всемирной конференции по экономической интеграции — именно в силу этого Симбел и назначили местом встречи.

— Тогда ты уходишь первым, — приказал председатель. — Он обвел взглядом всех сидящих за столом. — О времени и месте следующей встречи вы будете оповещены.

Собри покинул комнату не прощаясь. Он знал, что другие должны последовать за ним с десятиминутными интервалами и что последним окажется человек в маске.

Собри внимательно оглядел проулок и выскользнул из заброшенного дома. Он шел быстро, почти бежал, пока не добрался до тесного проходного двора, выводившего на большую улицу.

«Наверное, — подумал он мельком, — титанисты сообразили-таки, что всепланетные сборища дают подпольщикам отличную возможность для тайных встреч. Право, председатель мог бы придумать что-нибудь поостроумнее...»

Он заметил двух-трех легионеров в форме, но сразу сообразил, что те, кто ищет подпольщиков, одеты в гражданское.

Добравшись до огромного симбельского летного поля, он купил себе билет на ближайшую ракету в Саннан. До вылета оставалось еще больше часа. Нервы совсем разыгрались, пришлось выпить. Потом в голову пришло, что зал ожидания — не лучшее место для того, чтобы болтаться без дела. Он вышел на улицу, побродил минут десять по примыкающим к полю кварталам, пока не обнаружил общественную распивочную. Выпил еще пару рюмок, стало полегче.

Ракета с ревом взмыла вверх с Собри на борту. В течение двухчасового полета по дуге почти за пределами атмосферы он старался заснуть, но голова раскалывалась от боли — оставались мысли о брате и только о брате.

Наступил ранний осенний вечер, когда ракета прибыла в его родной Саннан. Войны с мутантами город не затронули. К небу поднимались громады жилых кварталов, сияя красками в косых лучах заходящего солнца. С ними спорили величественные купола и шпили соборов — некогда Саннан был известен как средоточие старых религий. Ныне религии не поощрялись и практически исчезли, а соборы использовались для пышных церемоний титанистов и для обрядов во славу Матери Земли.

Как только он вышел с ракетодрома, голова на свежем вечернем воздухе слегка прояснилась. Домой он добрался подземкой и открыл дверь своей квартиры с чувством вновь обретенного убежища. Здесь его ждала Лайелла.

Бывали дни, когда все надоедало, надоедала и идея, которой он служил, и одолевало искушение уступить каждодневному нажиму со стороны общества и сказать себе: к черту, буду жить как все, в комфорте и покое. Какая разница, что там происходит с другими? Ведь все вокруг живут именно так и не иначе. Титанисты, в конце концов, стараются ради нашего блага, ради живых людей. С кем-то что-то случается, конечно, но каждому не поможешь...

Но достаточно было посмотреть на Лайеллу, чтобы воля к борьбе вспыхнула с новой силой. Она была причиной, главной причиной, по которой он никогда, ни при каких условиях не прекратит борьбы. Потому что в жилах Лайеллы текла смешанная кровь — кровь амхраков.

Примесь была незначительной — Лайелла и сама не ведала, откуда она взялась, от бабушек или от прабабушек, а может быть, случайно всплыл какой-нибудь рецессивный ген, но, поскольку Лайелла умело пользовалась косметикой, окружающие ничего не подозревали. От амхраков у нее была ма-

ленькая изящная головка и большие ласковые глаза, которые она ухитрялась уменьшать с помощью теней. Уши она прятала под копной мягких, ухоженных медных волос. Кожа у нее была, пожалуй, тоже неправильного цвета, слегка отливая красноватой бронзой, как у амхраков, — но тут можно было прибегнуть к пудре и красителям.

Ну а мелкие неточности в сложении и пропорциях тела Лайелла скрывала, умело выбирая платья.

До тех пор пока жизнь текла тихо и беспечально, она была в безопасности. Разумеется, они не могли пожениться, поскольку для регистрации брака обе стороны обязаны были представить сертификаты о расовой чистоте. А во всем остальном ни один обычный человек не отличил бы ее от Истинной Женщины.

Увы, Собри знал — да что там, они оба знали, — что Лайелле никогда не пройти антропологический осмотр у особо уполномоченных Легионами расовых экспертов. Эксперты набросились бы на нее с миллиметровыми лентами и циркулями, измерили бы ей нос и череп плюс сто одну косточку во всем теле. Протерли бы ей кожу растворителями, чтобы снять даже самый малый след краски, а потом определили бы натуральный оттенок по колориметрической шкале. Срезали бы несколько волос, чтобы испытать их на замаскированную курчавость. А если бы захотели получить исчерпывающие данные, сняли бы отпечаток сетчатки глаза и провели хромосомный анализ.

А после ее уведут и сделают безболезненный укол или — это, наверное, еще хуже — отошлют в резервацию к амхракам.

Он бросился на кушетку, изнемогая после длинного дня. Лайелла принесла успокоительную чашку супа. И только после этого Собри сообщил ей о смерти Блэра.

Надо отдать ей должное, ее сочувствие не раздражало, как соболезнования партнеров по Лиге. Она изучила его привычки, инстинктивно угадывала его настроения. Она просто села рядом и безмолвно положила руку ему на колено.

— Лайелла, — выговорил он не без труда, — нам надо расстаться.

Ее глаза расширились в неподдельной тревоге.

— Почему?

— Со мной ты в опасности.

Он тщетно искал подходящие, понятные ей слова. В известном смысле она была поразительно безразлична к риску, подстерегающему ее на каждом шагу чуть не с самого рождения. «Ну просто как Блэр», — подумал он вдруг, сам удивившись такому сравнению.

— Не хочу, чтобы из-за меня погиб еще кто-то, — заявил он.

— Если бы они подозревали тебя в чем-нибудь, — сказала она, — то пожаловали бы сюда давным-давно.

— Бломоуты — большая семья, к тому же рассеянная по всей планете. Рано или поздно они доберутся до меня лично. Вот почему ты должна уйти.

— Нет, — ответила она твердо, взяв его за руку. — Ты мой муж. Я остаюсь с тобой и разделю все, что тебе уготовано.

Он резко встал и, пройдясь по комнате, выглянул в окно. Надвигались сумерки, вспыхивали городские огни, то гроздьями, то целыми созвездиями.

— Как все запуталось! — произнес он, вновь ощущая, как на плечи наваливается усталость. — Чертовы титанисты. Во всем мире не осталось уголка, куда можно скрыться, где можно дышать свободно...

— А может, это и не их вина, — сказала Лайелла мягко. — Может, это затеял вовсе не Человек Истинный, как они теперь вас называют. Вероятно, это были лорины.

— Нет, не лорины, — возбужденно воскликнул Собри. — Началось еще раньше. Это инопланетяне — именно после их вторжения все обезумели. Не будь инопланетян, все человеческие расы, наверное, жили бы в мире и согласии. Ведь до вторжения они существовали, наверное, именно так...

Она обвила его руками. Он ощутил ее пышную грудь. С того места, где они стояли, он мог заглянуть сквозь открытую дверь в свою маленькую мастерскую, заполненную холстами и пластмассовыми скульптурами. Многие из них изображали Лайеллу. С горечью подумалось, что он даже не пробовал рисовать ее так, как хотелось бы, из страха, что кто-нибудь когда-нибудь увидит эти рисунки. Не рисовал ее без маскировочной косметики и тем более не рисовал обнаженной — соотношение торса и бедер выдало бы ее с головой.

Все казалось безнадежным. Какие бы цели ни провозглашала Лига общечеловеческих ценностей, их не удастся достичь на протяжении его жизни. Председатель повторял: Лига работает на идеалы, которых не достичь раньше, чем через века.

— Хорошо, — сказал Собри. — Пусть будет, что будет. Но из Лиги я выходить не стану. Интересы Лиги превыше всего.

А вдали от Саннана, в величественном замке неподалеку от Прадны, в это время проходило другое собрание.

В чем Титановые Легионы продвинулись очень далеко, так это в пышности своих ритуалов. На каждом кресле с высокой спинкой была табличка из титана, окаймленного золотом, а на каждой табличке выгравировано имя. Стол из красного дерева с платиновыми инкрустациями, на стенах — гобелены на вдохновляющие темы: Мать Земля со своим стройным, неподкупным сыном и сцены славного прошлого — поворотные пункты исторических битв.

Совет титан-генералов собирался раз в год в обязательном порядке, а также всякий раз, когда это было угодно планетарному лидеру Лимниху. Когда он вошел, члены совета сидели на своих местах закрыв глаза, глубоко погруженные в транс — это вменялось им в обязанность, особенно в дни пребывания в замке. Планетарный лидер Лимних лично настаивал на том, чтобы его генералы практиковали подобные упражнения, незаменимые, как он считал, для укрепления силы воли. Упражнения, унаследованные с древнейших времен, но доступные только привилегированным — Людям Истинным.

— Внимание!..

Слово прозвучало тихо, но отчетливо — Лимних произнес его в ту же секунду, как огромные дубовые двери с еле слышным чавканьем сомкнулись у него за спиной. По стандартам титанистов он был довольно низкого роста, бледнолицый, с запавшим, унылым подбородком, но с пышными щеками и поразительно холодными глазами за круглыми очками, которые он безоговорочно предпочитал модным контактным линзам.

Генералы, вырванные из медитации, живо разомкнули веки и замерли по стойке «смирно», пока лидер не уселся во главе стола. Затем они в свою очередь чопорно расселись по креслам.

— Добрый вечер, господа, — приветствовал их

Лимних довольно сухо и обыденно. — Вы, должно быть, недоумеваете, зачем я созвал вас на совет, когда осталось совсем немного до очередной ежегодной встречи. Как можно догадаться, меня вынудили к этому события чрезвычайной важности. Однако вначале я желаю выслушать ваши сообщения.

Один за другим генералы выступили с краткими докладами. Он наклонил голову в знак внимания, когда речь зашла о репрессиях против Лиги и о поиске расово нечистых особей.

— Работа велика и трудоемка, господа, — заметил планетарный лидер, — но она должна быть доведена до конца. Судьба Земли зависит от стопроцентной чистоты нашего расового наследия... Ну а теперь перехожу к главной теме нашего совещания.

Голос его упал до драматического шепота — прием, к которому он прибегал во время своих очень редких выступлений по видеосети. Планетарный лидер Лимних был вне сомнения самым могущественным человеком Земли, но это было могущество в тени трона, а не на троне как таковом. Официально его титул давал ему право лишь на командование Титановыми Легионами. Верховная власть формально принадлежала гражданскому лицу, всемирному расовому президенту, которому Легионы принесли клятву на верность. Однако в действительности все важнейшие решения принимал Лимних.

— Вы знаете о работах на полигоне в пустыне Сарн и о сделанных там открытиях, — сказал Лимних, возложив руки на стол и вперив взгляд в полированную поверхность красного дерева. — Вы также получили секретный меморандум о таинственном исчезновении нашей первой действующей машины вместе с ведущим физиком Лэрдом Аскаром и археологом Рондом Хешке.

Утрата Аскара — существенный удар по нашим усилиям, поскольку именно его гений во многом способствовал развитию теоретических представлений о времени. Но, к счастью, это развитие достигло такой стадии, когда мы не зависим более от одного человека. Мы оказались в состоянии быстро привести в действие машины «Предел Два» и «Предел Три» и отправить их на поиски исчезнувшей экспедиции. Было установлено, что экспедиция добралась до места своего назначения. Затем были предприняты тщательные поиски по всему маршруту, намеченному в полетном задании, а также вблизи маршрута и на альтернативных направлениях, которые могли быть использованы в чрезвычайных обстоятельствах. Никаких следов машины времени не обнаружено.

Лимних выдержал паузу, посмотрел на собравшихся сквозь очки сердито, почти угрожающе и закончил:

— Мы пришли к выводу, что машина перехвачена инопланетными захватчиками, а экипаж похищен...

Волна ужаса почти зримо прокатилась вокруг стола, генералы окаменели.

— Принимая во внимание, что похищенных могут вынудить раскрыть местонахождение Сарнского полигона, я немедля отдал приказ рассредоточить его функции по разным районам земного шара и любой ценой расширить наш времялетный потенциал. Путем целенаправленной мобилизации ресурсов стало возможным собрать без малого двадцать аппаратов и в течение считанных недель начать систематическое изучение нашего ближайшего окружения во времени.

В одном из первых полетов наша машина времени была обстреляна и уничтожена противником. Однако я еще ранее распорядился, чтобы времялеты отправлялись в путь эскадрильями по три и более. Ведомые погибшей машины бросились в погоню за нападавшими, и те отступили в будущее, где сумели скрыться от нас. Позднее были обнаружены другие признаки инопланетного присутствия, создавшие в итоге крайне угрожающую ситуацию. По-видимому, инопланетяне в высшей степени активно передвигаются во времени, не только в прошлом и настоящем, но и в будущем.

— Простите, лидер, вы сказали — в будущем? Но как это может быть?

Дородный титан-советник, генерал на седьмом десятке, озадаченно повернулся к Лимниху.

— Мы располагаем убедительными данными, что враг основал крупную базу в будущем, — ответил он, — в нескольких столетиях от наших дней. Очевидно, противник полагает, что таким образом можно уйти от возмездия — но этим расчетам не сбыться!.. — Внезапно бледные рыбьи черты исказились гримасой ярости, и Лимних ударил кулаком по столу. — Господа, я намерен внушить вам простую истину, что события обязывают нас вновь ступить на тропу войны. Второе сражение с инопланетными захватчиками, к которому мы готовились долгие годы, теперь неизбежно...

Возможно, совет и мучился недопониманием происходящего, но с этими словами сомнениям пришел конец, участников захлестнуло общее возбуждение. Вот, наконец, то, что было им доступно, в чем они видели честь и славу.

Война!..

— Незамедлительно приступаем к переводу промышленности на военные рельсы, — продолжал Лимних уже более хладнокровно. — Как только мы подготовим технический персонал, овладевший новой наукой управления временем, вы начнете получать соответствующие чертежи. В составе Титановых Легионов должны появиться новые батальоны, снаряженные и обученные вести войну в веках. — Выдержав новую паузу, он впал в лозунговый язык, которому, если уж выпадал случай, просто не мог противостоять. — Мать Земля в очередной раз зовет верных своих сыновей защитить ее от посягательств! Мы должны подтянуться и, собрав все свои силы, нанести удар прежде, чем противник разовьет превосходство и начнет атаку, к которой готовится. У нас нет ни минуты на передышку — мы вступаем в новую эру ожесточенной борьбы...

Лимних встал и подождал с достоинством, пока все не поднимутся в ответ и не вскинут руки, сжав кулаки в титан-салюте. Затем, не проронив больше ни слова, повернулся и спокойно вышел из зала.

Глава VII

Вплоть до начала второго дня неизбежность смерти оставалась для Хешке абстракцией, недоступной восприятию. Мысли упрямо двигались по привычным дорожкам, словно бы ему предстояло жить еще лет сто.

Но на второй день кончилась вода. Лейтенант Ганн предложил отправиться на поиски источника или реки, однако Лэрд Аскар высмеял его идею.

— Что это даст? — заявил физик с усмешкой. — Может, мы даже найдем воду, но уж чего не найдем здесь наверняка, так это еды. Мы на мертвой планете. — Он погладил свой пистолет. — Скажу вам, как поступлю я сам. Когда жажда сделается непереносимой, я использую эту штуку...

И тем не менее, хотя Аскар беспрестанно облизывал пересохшие губы и заунывно, хриплым голосом

жаловался на жажду, себя он все же не убил. Хешке, кажется, знал почему: мозг этого человека продолжал работу, полный решимости перед смертью вырвать у природы как можно больше ключей к загадке времени.

Выкопав неглубокую могилу и похоронив пилота, они сидели в тени искалеченного времялета и вели бессвязный разговор. Поначалу лейтенант Ганн продолжал сетовать на провал экспедиции, но Аскар успокоил его:

— Не пройдет и нескольких недель, как исследования возобновятся. Правда так или иначе выплывет на свет. На полигоне, может, и полно тупиц, но они не остановятся и проникнут в будущее... чтобы вовремя подготовиться к катастрофе.

Сухая, бесстрастная манера физика приводила Хешке в содрогание.

— А если говорить о нас троих, каковы наши шансы на спасение? — осведомился он.

— Никаких. Не питайте иллюзий. Чтобы найти нас, им пришлось бы обшарить целую планету и кучу столетий.

— Но чужая цивилизация будет обнаружена?

— Да, конечно. Не так быстро, как обнаружили ее мы, повторить логику моих рассуждений им не придет в голову, но рано или поздно ее найдут.

В беседу вмешался лейтенант Ганн.

— Наше открытие настолько ужасно, — произнес он глухо, — что вдуматься в него и то не получается. Лобовое столкновение, про которое вы толкуете, — это же немыслимо! Вы безусловно уверены, Аскар, что столкновение волн времени неизбежно? Вы говорите так, как будто нас ждет конец Вселенной!

Физик пожал плечами, затем ответил со вздохом:

— Может, и нет. Может, всего-навсего конец времени. Не знаю.

— Что-то не получается, — сказал Хешке после паузы. — Предполагается, что другую цивилизацию сегодня отделяют от нас лишь четыре столетия. А по состоянию их построек, например, Хатарских развалин, я могу определенно утверждать, что постройки покинуты более четырех веков назад. Подобные вещи трудно точно датировать, но самая вероятная оценка их возраста, по-моему, — лет восемьсот, если не тысяча. Какая-то аномалия...

Аскар не сдержал жутковатой усмешки:

— Собственно, это и стало одним из толчков, повернувших мои мысли в нужном направлении. Распад и разрушение материальной культуры происходят двумя путями. Разрушение может происходить по мере движения Абсолютного Настоящего — нормальная энтропия. Но есть и распад иного рода, наступающий за пределами бегущей волны времени, — распад вне времени. Такой распад начинается сразу, как только исчезают созидательные силы текущего момента, и на первых порах проявляется много быстрее, чем в настоящем. Вот почему, когда вы стартуете в будущее, вещи рассыпаются буквально на глазах. А все живые формы, к примеру, исчезают вообще. — Слушатели еще не сумели переварить слова Аскара, а он уже добавил самым обычным тоном: — Разумеется, с приближением волны времени вещи воссоздаются будто по волшебству.

Хешке уже обдумал следующий вопрос, но прежде чем успел задать его, сверху, к общему удивлению, послышался воющий звук. Они подняли глаза к небу. То, что они увидели, заставило их непроизвольно вскрикнуть и отпрянуть под защиту времялета. Прямо из небесной голубизны к ним быстро спускался корабль. Они схватились за оружие. Хешке чуть не бросился бежать, хоть и понимал, что некуда, — а небесный гость удивительно ловко затормозил и произвел посадку в каких-нибудь трехстах-четырехстах ярдах.

— Кажется, проклятые чужаки решили вернуться за нами, — прошипел Аскар сквозь зубы. Он что-то сердито буркнул и, не сводя глаз с корабля чужаков, выступил на шаг вперед и поднял свой пистолет. Безрассудная храбрость этого человека вызвала у Хешке невольное восхищение.

Странное дело — аппарат, опустившийся в пустыне, совершенно не походил ни на одну из машин времени, какие он видел. Скорее эта штука отдаленно напоминала космический катер, имевший овальную форму и стоявший на выдвижных опорах. Недоумение усилилось еще более, когда открылся люк и на землю спустились фигуры, похожие на людей. Аскар опустил пистолет. А лейтенант Ганн выдвинулся вперед и вперился в эти фигуры острым подозрительным взглядом.

— Будь я проклят! — вырвалось у Аскара.

Хешке рассмеялся неуверенным смешком:

— А вы говорили, что нас никогда не спасут...

Люди, шествовавшие к поверженному времялету, не носили ни мундиров Легиона, ни его эмблем. Более того, на них не было и знакомых боевых костюмов.

Их было трое. «Столько же, сколько и нас, — сказал себе Хешке с облегчением. — Уже одно это доказывает, что они не враги...» Подойдя поближе, незнакомцы вытянули руки, повернув их ладонями вверх, улыбнулись и заговорили на странном певучем языке.

Хешке спрятал оружие: дружелюбные их намерения были очевидны. Но тут он сумел различить под шлемами их лица — кожа выглядела желтоватой, нет, буквально желтой, скулы были неестественно высокими, носы какими-то приплюснутыми, а глаза раскосыми... Хешке ощутил сильный приступ тошноты. Лейтенант Ганн вздрогнул, с шумом втянул в себя воздух и выкрикнул:

— Мутанты!..

Аскар попятился, пистолет у него в руке неуверенно задрожал.

— Кто эти животные? Откуда к черту они взялись? Что они здесь делают?.. — спрашивал он, дико озираясь, не владея собой.

Сомнений не оставалось. Незнакомцы не принадлежали к породе Человека Истинного. Правда, их физические отличия не были столь разительными, как у подвидов, с которыми велись недавние войны, но любой, кто овладел хотя бы азами расовой науки, мог определить безошибочно, что эти отличия не укладывались в рамки требований, четко сформулированных антропометристами Легиона. Иными словами, эти существа также принадлежали к низшим подвидам.

Рядом с Хешке грохнул выстрел. Стрелял лейтенант Ганн, лицо его приобрело выражение суровое и непреклонное. Один из мутантов повернулся, как на шарнире, и упал, зажимая рану рукой. Хешке потянулся за пистолетом. Он был несколько смущен, однако решил, что надо помочь в схватке с врагом. Только времени на выстрел ему не дали. Двое уцелевших дружно припали на одно колено и прицелились из каких-то странных приспособлений. Под черепом что-то коротко зажужжало, и Хешке лишился чувств.

Сознание вернулось разом, словно где-то щелкнули выключателем. Освоиться в непривычной об-

становке оказалось непросто. Хешке лежал полуоткинувшись на своеобразном кресле-кушетке в длинном и узком помещении, украшенном по торцевым стенам поблескивающей золотой филигранью. И он был один, если не считать желтолицего мутанта у прибора с плоским серым экраном. Мутант послал Хешке отстраненную, холодную улыбку.

— Вы чу... чувствовать... нолмально? — поинтересовался он с немыслимым акцентом, медленно и старательно выговаривая каждое слово. Хешке кивнул. — Холошо. Стлелять... извините.

Внимательно вглядевшись в необычное лицо своего пленителя, Хешке понял, что мутанты ему кого-то напоминают. Они не относились ни к одному из нынешних подвидов, но, кажется, он видел что-то похожее на фотографиях подвидов, которые давно истреблены. Как же их называли? Шинги? Ченки? В любом случае, это была небольшая группа. Совершенно непостижимо, каким образом они очутились в будущем, да еще в машине времени — а, может, в космическом корабле?

— Где мои друзья? — спросил он.

Мутант вежливо выслушал, но, похоже, ничего не понял. Очевидно, если он и владел языком, то очень слабо.

Ничто не удерживало Хешке на кресле-кушетке. Он встал и приблизился к мутанту с угрожающим видом.

— Что вы сделали с моими друзьями? — повторил он, переходя на крик.

Мутант отбросил его одним легким, плавным движением.

— Вы... бояться... нет, не надо, — произнес он, широко улыбаясь.

И указал на стол, где стояла всякая всячина: кувшин, чашка, тарелки с едой. Затем не торопясь отступил от Хешке, отворил дверь, которой пленник прежде не заметил, и вышел, прикрыв ее за собой.

Хешке подошел к столу, уселся на стул и с интересом познакомился с тем, что предлагали. В кувшине — археолог не мог не оценить его изящную форму и ослепительную глазурь, бледножелтую, почти благоухающую, — была жидкость лимонного цвета, которую оставалось лишь налить в чашку с широким ободком и жадно выпить. Вкус был неподражаемым — восхитительный, божественный лимонад. Хешке выпил еще и только потом обратил внимание на изумительное мастерство, с каким была сделана сама чашка. Невесомый, похожий на кость материал, такой легкий и нежный, что казался прозрачным. Украшений не было вовсе — изделие было столь совершенным, что в них не нуждалось.

Ощутив волчий голод, он набросился на еду — смесь мяса, специй, овощей и почти безвкусных белых зерен, названия которых он не ведал. Сперва его разочаровала температура пищи: он предпочитал горячую еду, а эта оказалась чуть теплой, — и тем не менее он проглотил все без остатка.

На сытый желудок жизнь представилась более привлекательной. Естественно, его по-прежнему тревожило, что они попали в лапы к мутантам, но ведь, честно говоря, ситуация была совершенно неясной. Самое главное — он жив. Размышления не мешали ему приглядываться к комнате. Пропорции ее были приятны глазу. Каково, интересно, соотношение длины и ширины — четыре к одному? Вряд ли то соотношение, какое он выбрал бы для себя, но неведомым образом оно удовлетворяло его эстетический вкус. Кто бы ни создавал все это, мутанты или не мутанты, но они, несомненно, были художниками.

Ему вспомнился Блэр Бломоут с его мятежным протестом против идеи неполноценности низших подвидов, и Хешке ощутил неожиданный укор совести. Бедняга Блэр...

Откуда-то из-под пола донесся едва различимый шум. Комната внезапно качнулась, накренилась, выровнялась опять. Ну разумеется, он же на борту корабля...

Перейдя комнату, обрамленную горизонтальными рейками медового цвета, Хешке остановился перед прибором, тем самым, у которого в минуту пробуждения торчал желтолицый. Прибор был установлен на подставке и чем-то напоминал умывальную раковину. Как только Хешке приблизился, плоский серый экран загорелся голубоватым светом, а затем появились слова:

Вы на пути в межзвездное пространство.

Буквы были аккуратными, но примитивными и неудобными для чтения. Следом за ними вспыхнула схема из мелких и крупных точек, наложенных на концентрические круги. В центре схемы возникла стрелка и медленными рывками двинулась к краю, свободному от точек. Хешке догадался, что это какая-то звездная карта, однако, не будучи астрономом, не понял ее значения.

Он подождал минуту-другую, но экран не предлагал никакой новой информации. И все же он испытывал чувство сродни благоговейному. Цивилизация, к которой он принадлежал, так и не освоила межзвездных путешествий, хотя планеты вплоть до Сатурна были исследованы весьма основательно. А эти мутанты продвинулись куда дальше. Воспитанная в нем уверенность в своем расовом превосходстве испытала серьезный удар, и мозг автоматически принялся искать иные объяснения, которые не вступали бы в конфликт с догмами о дефективности низших подвидов, об их интеллектуальной и духовной неполноценности. Увы, приемлемого объяснения не находилось.

Он слонялся по комнате, погруженный в раздумья, и рассеянно потрогал дверь, за которой скрылся желтолицый. Толкнул ее, затем потянул в сторону. К немалому его удивлению, дверь отворилась, скользнула по полозьям и скрылась в стене.

Перед Хешке открылся пустой коридор, обрамленный такими же медовыми горизонтальными рейками, как и комната. Он замер в нерешительности. Неужели желтолицый попросту забыл запереть дверь? Через несколько секунд он все-таки решился, выбрался в коридор и двинулся вперед, ощущая себя почему-то виноватым и беззащитным, поминутно оглядываясь и ожидая, что его вот-вот схватят и вернут назад.

Коридор вывел в круглый зал-перекресток, откуда веером расходились другие коридоры. Он прижался к стене. И остолбенел: справа вдруг появился мутант, деловито шагающий к перекрестку.

В тот же миг Хешке решил, что не окажет никакого сопротивления, и повернулся к мутанту лицом, безвольно опустив руки. Тот задержал шаг и всмотрелся в археолога с интересом. И вдруг поднял руку приветственным жестом, коротко кивнул и прошел мимо. Все, что осталось, — удивленно смотреть на его удаляющуюся спину.

— Гражданин Хешке!..

Окрик испугал его. Голос принадлежал лейтенанту Ганну. А вот и сам лейтенант, озираясь, появился из третьего коридора.

— Слава Матери Земле, я вас нашел, — произнес Ганн.

— Так вы, выходит, тоже свободны?

— И я, и Аскар, — подтвердил Ганн. — Этим дьяволам, очевидно, нет до нас дела. В нашем распоряжении весь корабль.

— Где Аскар?

— У себя в комнате. Он в дурном настроении, в разговор не вступает.

Хешке пристально вгляделся в заострившиеся черты титан-офицера. Лейтенант был неглуп, отлично тренирован, но сейчас на него давил непереносимый гнет: он очутился — согласно доктрине, которую исповедовал, — в самой утробе ада.

— Пойдем, — прошептал Ганн, подталкивая Хешке локтем. — Если они нас подслушивают, будем надеяться, у них не получится четкой записи, пока мы движемся... — Лейтенант повел Хешке по одному из коридоров, держа быстрый темп и продолжая вполголоса: — Говорите тише. Не стоит помогать им, если этого можно избежать...

— Вам удалось что-нибудь выяснить? — спросил Хешке.

— Мы на пути в межзвездное пространство. Корабль предположительно оснащен как временным двигателем, так и двигателем для межзвездных полетов. Но мы, в сущности, всегда знали, что у врага есть что-то в этом роде. И в любом случае это опровергает теорию Аскара, что инопланетные захватчики — уроженцы Земли...

— Инопланетные захватчики? — не понял Хешке. — Но ведь...

Ганн осадил его сердитым взглядом.

— Разве это не очевидно? Мутанты сотрудничают с инопланетянами. Сейчас они, должно быть, везут нас на какую-нибудь базу инопланетного флота.

«Ну конечно, — сказал себе Хешке, — для Ганна это звучит более чем логично. Теперь он может возобновить свои молитвы Матери Земле, очистив ее от обвинений в том, что она произвела на свет двух равноправных сыновей...»

Однако и для Хешке, не слишком верящего в доктрины титанистов, рассуждения Ганна звучали достаточно логично.

— Но какие у нас доказательства? — спросил он. — А может, мутанты сами додумались до всего этого?

— Никак нет, гражданин. Вы видите этот корабль, видите, что он отвечает высокому уровню культуры. Не верю, что мутанты могли самостоятельно достичь такого уровня. К тому же это означало бы, что они должны были сами, без посторонней помощи, изобрести временной двигатель, то есть продемонстрировать технический гений. Ущербные расы лишены подобной интеллектуальной силы. Нет, гражданин, за этим прячутся инопланетяне.

Хешке с трудом поспевал за его размашистыми шагами. «Но ведь, — мелькнула пугающая мысль, — если Ганн прав, тогда мы действительно имеем дело с заговором космических масштабов, направленным против Человека Истинного...»

Ганн опять подтолкнул его локтем, принуждая повернуть в боковой проход. Они пересекли не то фойе, не то салон, где мутанты толпой собрались перед большим настенным экраном, на котором вспыхивали загадочные схемы. Они вели какой-то негромкий спор между собой, прервав обмен мнениями разве что на мгновение, когда Ганн и Хешке поравнялись с ними. Лейтенант хранил молчание, пока они не вышли в очередной безлюдный коридор.

— Вам известно, к какой расе они принадлежат? — задал он вопрос, чуть повышая голос. — Да нет, вряд ли. А я прослушал обширный курс расовой идентификации в годы учебы... Это чинки. Считалось, что последняя их группа истреблена пять веков назад. Очень интересная разновидность мутантов. По преданию, они отличались почти сверхчеловеческой хитростью...

— Сверхчеловеческой? — Хешке не верил своим ушам. — И вы тем не менее отрицаете их интеллектуальный потенциал?

— Это больше похоже на ум животных, развитый в очень высокой степени. Интеллектуальные способности у мутантов извращены, отсюда бытующие среди них странные умения и обычаи, подразумевающие чрезвычайную хитрость. Представьте, было даже выражение: «дьявольски хитрый чинк»...

Хешке нашел выражение забавным и улыбнулся, но Ганн погасил улыбку жестким взглядом.

— Тут не до смеха. Вам стало бы вовсе не смешно, угоди вы в чинкскую головоломку.

— В чинкскую головоломку? Это еще что такое?

— Один из изобретенных ими видов оружия, способный парализовать нервную систему. По-видимому, какое-то хитроумное приспособление из проволоки и кусочков металла. Тот, кому его вручали, мгновенно сталкивался с непреодолимыми трудностями и загадками, так что мозг оказывался полностью парализованным. Самое скверное, что получившего головоломку не освобождали до тех пор, пока он не решит ее, а это по силам лишь самим чинкам. — Хешке тяжело вздохнул, поняв, что развеселился, пожалуй, преждевременно. — Как видите, — закончил Ганн, — эти существа — естественные союзники инопланетных захватчиков. Не исключено, что они выступали союзниками инопланетян с самого начала.

— Что же нам делать сейчас?

— Долг повелевает нам постараться захватить корабль и отвести его назад на Землю — и в Абсолютное Настоящее.

— Но как? — изумился Хешке, подавленный дерзостью замысла.

— Еще не знаю. Я еще не завершил рекогносцировку. Однако, как мне кажется, команда корабля не очень велика.

— Допустим, нам удастся захватить корабль, во что я, признаться, не верю. Но разве мы сможем управлять им?

— Я умею пилотировать времялет, а инопланетная его модель не слишком отличается от нашей. С помощью Аскара справимся.

Они вышли в широкий проход или, скорее, галерею, одну стену которой сплошь занимали шелковые экраны, украшенные изящными, едва намеченными силуэтами мужчин, женщин и ивовых деревьев. Кисть художника работала экономно, мазки лежали редко, но очень выразительно.

— Ну ладно, — произнес Ганн, — в общем, вам уже все ясно. Можно с тем же успехом вернуться в комнаты. Я еще ничего не ел и здорово проголодался.

— Разве они не дали вам еды? — удивленно спросил Хешке.

— Какую-то еду они оставили. Но я увидел, что дверь не заперта, и решил первым делом что-нибудь разузнать. Я прошел, наверное, по всему кораблю.

Воистину преданность титаниста своему долгу была всепоглощающей.

Хешке следовал за Ганном по коридорам, а лейтенант тем временем объяснял общую планировку

корабля: надо отдать ему должное – он разобрался в ней с поразительной быстротой. Перед тем как расстаться с провожатым, Хешке повернулся к нему и даже поднял палец, словно приглашая к дискуссии.

– Вы упомянули о чинкских головоломках. А я все удивлялся, чего ради они позволяют нам разгуливать по кораблю. Почем знать, не оказались ли мы внутри подобной головоломки? Не играют ли с нами в кошки-мышки?

Следить за часами на корабле чинков было трудно. Еду доставляли не по расписанию, а по заказу. Достаточно было нажать одну из кнопок подле прибора с серым экраном, и спустя несколько минут появлялся веселый, улыбчивый чинк с подносом, заставленным пищей с непривычными приправами.

Лейтенант Ганн ел лишь изредка, посвящая все дни поискам путей захвата корабля, и Хешке оказался волей-неволей вовлечен в это безумное предприятие. По-видимому, их не прослушивали даже в комнатах. Они провели эксперимент, высказывая вслух самые агрессивные намерения. Ганн ожидал, что в комнату немедля ворвутся разъяренные стражники, – однако ничего не случилось.

И лейтенант и Хешке многократно пытались разговорить Лэрда Аскара. Но физик, похоже, ушел в себя еще глубже, чем всегда, и едва узнавал их. Зато чинкскую пищу он поглощал в огромных количествах, заказывая блюдо за блюдом, и вроде бы наслаждался тем, что Ганн относится к его экзотическим вкусовым пристрастиям с явным неодобрением.

– Все ваши планы – бред, – проворчал он наконец, когда Хешке в очередной раз попытался вразумить его. – И теории ваши тоже.

Хешке опешил. Каково бы ни было состояние психики Аскара, но его проницательность по-прежнему внушала уважение.

– Ясно, что мы не должны рассчитывать на него, – нехотя признал Ганн, как только они вернулись в каюту, отведенную титанисту. – Тем не менее надеюсь, что он не откажет нам в технической помощи, когда пробьет час. Но с самой опасной работой придется управляться вдвоем...

Хешке, который в глубине души не испытывал большого энтузиазма по поводу затеянного предприятия, произнес со вздохом:

– Вдвоем против целого корабля?..

– Наш долг – попытаться, как бы мизерны ни были шансы. И не забывайте, что если мы не добьемся успеха, нам придется убить себя прежде, чем корабль прибудет к месту назначения. Так что терять нам нечего. – Лейтенант был мрачен. – Аскара тоже придется убить...

– Так что же вы предлагаете?

Запустив руку под мундир, Ганн извлек оттуда остро заточенный нож.

– Где вы его взяли? – удивился Хешке.

– На корабельной кухне.

– Одного ножичка маловато, – заметил Хешке скептически.

– Это не все. Минутку терпения. – Расстегнув мундир и задрав рубашку, он нащупал в верхней части живота, сразу под ребрами, какую-то точку. – Потрогайте. – Хешке подчинился, и пальцы наткнулись на твердый бугорок. А Ганн пояснил с ноткой удовлетворения: – Чинки об этом не догадываются. Капсула с нервно-паралитическим газом. – И вдруг без предупреждения швырнул нож археологу: – Держите!..

– Что? – не понял тот.

– Вырежьте ее!

Борясь с тошнотой, Хешке тем не менее подчинился. Ганн прилег на кресло-кушетку, зажав манжету рубашки зубами. А Хешке принялся орудовать ножом, не в силах забыть, что причиняет другому боль. К счастью, капсула была вшита прямо под кожей.

– Благодарю, – выдохнул Ганн. – Я бы, наверное, справился и сам, но мог бы и напортачить...

– У вас кровь идет, – перебил Хешке.

Ганн осмотрелся, сорвал скатерть со столика, одним сильным движением отодрал от нее полоску и обмотал вокруг талии.

– Пока сойдет. Слушайте нашу задачу, Хешке. Мы должны, во-первых, завладеть оружием, а во-вторых, захватить командный центр. Чинки в большинстве своем, кажется, не вооружены, но вы заметили на борту людей, одетых в куртки с высокими воротниками? – Хешке кивком подтвердил, что заметил. – Есть основания полагать, что это охрана. Один из них всегда на посту у входа в центр управления. Вы попытайтесь отвлечь его. А я тем временем обойду его сзади – поняли?..

Он поднял нож и показал, как хватает часового и перерезает ему горло. Хешке чуть не вывернуло, однако он снова кивнул.

– Значит, поняли. Затем забираем оружие и кидаем капсулу с газом в командный центр. Газ быстродействующий, но рассасывается за полминуты. Завладев управлением корабля, мы становимся хозяевами ситуации. Поняли задачу?

– А дальше?

Ганн нахмурился.

– Боюсь, что дальше придется импровизировать. Но мы окажемся в выгодном положении и не будем испытывать недостатка в оружии. По крайней мере они не одолеют нас без боя...

«Убийство – не мое ремесло, – повторял про себя Хешке, шагая вслед за лейтенантом. – Я археолог, всего лишь пожилой археолог...»

Ганн тронул Хешке за локоть, подбадривая, и проскользнул в боковой проход. Археологу оставалось лишь плестись следом, пока они не подошли к центру. Чинк, стоящий у порога, походил на швейцара у подъезда дорогого отеля. При виде его Хешке застыл, мгновенно окаменев. Чинк выглядел таким молодым и приветливым...

С другой стороны возникла долговязая, мрачноватая фигура лейтенанта Ганна. Исподтишка он показал рукой: продолжай, мол, как договорились. Хешке сделал робкий шаг вперед.

И тут, устав ждать помощи от нерешительного Хешке, Ганн прыгнул. Схватив чинка за шею рукой, как крюком, он запрокинул ему голову назад и тем самым открыл горло ножу. Хешке замер, не желая смотреть и не в силах отвернуться.

Но в ту же секунду с потолка внезапно сорвалась световая стрела и ударила Ганну в спину. На лице титаниста не успел шевельнуться ни один мускул, а тело уже обмякло, осело на пол и чуть не увлекло за собой часового.

Однако чинк сумел все же сохранить равновесие и уставился на тело у своих ног в неподдельном ужасе. Затем распахнул вращающиеся двери и выкрикнул что-то высоким певучим голосом. Из командного центра высыпала целая толпа чинков. Они смотрели на распростертого Ганна, переводили взгляд на Хешке, пытались что-то втолковать

ему, и лица у них были озабоченные, опечаленные, соболезнующие.

Наконец один из них взял Хешке за руку и ввел в помещение центра. Археолог тупо озирался по сторонам — его окружали изогнутые пульты управления и мерцающие экраны, на которых быстро сменялись картины и символы, не говорящие ему ровным счетом ничего.

Провожатый подошел к пульту и набрал что-то на клавиатуре. Недолгая пауза — и на экране появились слова:

Корабль обучен защищаться. Печально, что ваш друг умер. Следовало предупредить. Сожалеем.

Хешке угрюмым кивком подтвердил, что понял, затем отвернулся и направился к выходу, где все еще стояла небольшая толпа. Откуда ни возьмись появился Аскар. Задержался над мертвым лейтенантом и вдруг сжал кулак и приветствовал Ганна титан-салютом.

— Честь офицеру!

— Он был действительно храбрым офицером, — ответил Хешке.

— Да, я знаю.

Археолог ощущал бесконечную усталость. Вернувшись к себе в комнату, он поставил целью не покидать ее до конца полета. Неудачное нападение на чинков было в известной мере и личной его неудачей, но, как ни странно, смерть Ганна затронула его гораздо меньше, чем можно было предположить.

Он так и не отважился убить себя. Размышляя, он пришел к выводу, что Аскар прав: Ганн оценивал людей, которые спасли их из вневременья, слишком предвзято. Ничто не указывало на то, что чинки относятся к пленным враждебно.

Настал день, когда явившийся за ним чинк вновь позвал его в центр управления. Присутствовал и Аскар, удостоивший Хешке не только взгляда, но и поклона. По всему чувствовалось, что физик уже хорошо знаком с центром.

Чинк показал на экран, и Хешке сразу понял, что им с Аскаром демонстрируют пункт назначения. В недоумении он смотрел на блистающий контур — удлиненные песочные часы, висящие в черноте космоса на фоне жестких ослепительных звезд.

Глава VIII

Сквозь прозрачную стену своей пространственно-временной обсерватории Шу Кунцен наблюдал, как корабль возвращается из рейса и входит в шлюз. Лично он не испытывал по этому поводу ни малейшей радости: корабельный двигатель создавал помехи в работе аппаратуры. Он набрался терпения и сидел, попивая зеленый чай и созерцая черную, затканную звездами Вселенную. Такое занятие приносило ему отрадное ощущение собственной ничтожности, спокойную уверенность, что органические разумные существа чужды мирозданию. Ибо мироздание есть бесконечная протяженность вневременья: первоначально Вселенная существовала вообще без времени. И только затем стали появляться локальные временные процессы, по большей части слабые, хотя в отдельных случаях достигающие значительной силы, развивающиеся во всех направлениях, под разными углами друг к другу. Иногда они даже пересекались. Подобные процессы были случайным явлением малого значения и ограниченной длительности, но благодаря им стала возможной жизнь.

Самое неблагоприятное стечение обстоятельств произошло на Земле: планета оказалась во власти двух разнонаправленных временных потоков.

Не то чтобы события подобного рода были невероятно редки, особенно в галактиках, где силы «инь» и «ян» разбалансированы настолько, что порождают бесчисленные временные катаклизмы. Кстати, еще один весомый довод в пользу поселений в межзвездном пространстве, так сказать, подальше от магистралей с напряженным движением. Тем не менее даже Город-Колба несколько веков назад пострадал от неприятного инцидента — некая сущность, шествующая по Вселенной в собственном векторе времени, нанесла городу удар по касательной. Шу Кунцен до сих пор поддерживал контакт с этой сущностью. По правде говоря, именно она и служила объектом его нынешних экспериментов.

Наливая третью чашку ароматного чая, он отметил про себя, что звездовремялет вошел в шлюз целиком. Нет сомнения, что земные пассажиры, прибывшие с кораблем, будут биться в истерических мольбах о помощи и его ждут нелегкие и утомительные дни. Сам Шу Кунцен возражал против того, чтобы предлагать Земле какую бы то ни было помощь вообще. Это потребует всей производственной мощности Зоны Труда и вызовет неудобства, например, отсрочку в доставке оборудования, заказанного им для собственных надобностей. Однако другие члены кабинета, вероятно, из сыновнего почтения к планете, взрастившей человечество, настаивали на своем.

Прибор под рукой у Шу Кунцена сообщил ему, что прибывший корабль заглушил двигатели. Хозяин обсерватории поднялся, подозвав кибернетических слуг.

— Все в порядке. Можно начинать.

Машины покатились в рабочую зону для последних приготовлений. Но Шу Кунцену пришлось отвлечься вновь: нежным голоском пропел сигнал входной двери обсерватории, и в комнату степенно вошел премьер-министр Вэн Ву.

— Добро пожаловать в мою обитель, досточтимый коллега, — произнес Шу Кунцен тоном, в котором трудно было не почувствовать раздражения. — Ваш визит связан, очевидно, с прибытием корабля с Земли...

Гость подтвердил догадку.

— Один из пассажиров, как выяснилось, довольно известный ученый. По-видимому, тот самый, кто стоял за недавним для землян открытием путешествий во времени. Он жаждет знаний. И, безусловно, потребует длительного разговора с вами.

Потеребив себя за бороду, Шу Кунцен сказал:

— Выходит, теперь я должен растрачивать свои силы на дискуссии с варварами? Вы не нашли никого другого, кто мог бы просветить невежду?

Вэн Ву выразил удивление.

— Не будем неучтивыми, Кунцен. Вы крупнейший авторитет в данной области.

— Ну хорошо, хорошо. Но неужели встреча не может подождать? У меня идет важный эксперимент. Я намерен восстановить контакт с Косвенной Сущностью.

— Что вы говорите! — Вэн Ву явно заинтересовался. — Скажите, а эксперименту не повредит, если я буду присутствовать?

— Наблюдайте сколько угодно, — сказал Шу Кунцен, — хотя, собственно, наблюдать почти нечего...

Кибернетические слуги дали сигнал, что все готово. Шу Кунцен вошел в стеклянную сферу. Снаружи сфера была прозрачной, но тот, кто входил в нее, оказывался в полной темноте. Ученый отдал шепотом какую-то команду, предназначенную для кибер-распорядителя.

Вэн Ву бесстрастно следил за происходящим. Он видел, как Шу Кунцен внезапно застыл, словно парализованный. Глаза перестали видеть, уши не воспринимали звуков, даже кожа не ощущала более ни прикосновения одежд, ни упругости пола под подошвами. Тело Шу Кунцена осталось в обсерватории, но все его чувства, а вместе с ними и разум, переместились за сотни световых лет в направлении, недоступном ни одному телескопу, — косвенно во времени.

— Что будем делать, отец?

Бывший министр Ху Шао взглянул на Сюменя, с болью осознав, каким красавцем стал его сын за эти годы.

— Что делать? — переспросил он удивленно. — Но это твоя затея. Что ты сам намеревался делать?

— Я надеялся на твои указания, отец, — вяло ответил Сюмень. — Мы могли бы, например, исчезнуть из города, отправиться на Землю...

—Хм... Может быть, хотя я сомневаюсь в успехе. Да и ты, видимо, не осведомлен о земных условиях. Вряд ли мы способны там выжить...

Впрочем, этот план занимал в надеждах Сюменя ничтожное место. Прежде всего ему рисовалось, пусть смутно, что они с отцом будут сражаться плечом к плечу. Он наконец преодолел первоначальный столбняк и, воспользовавшись случаем, заговорил с решимостью:

— Тогда вернемся вместе в Зону Труда. В ней полным-полно малопосещаемых районов и заброшенных уголков. Я найду для тебя надежное убежище.

— Значит, сменить одну тюрьму на другую? — нахмурился старший. — Что же я выиграю?

— Нет, это не все. — Замысел обрел форму, и голос Сюменя зазвенел: — Нам предстоит большая работа. Это общество заслуживает того, чтобы его разрушить!

Отец с ужасом посмотрел на него.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Но разве не затем ты пошел на преступление и пытался спасти меня от уготованной мне судьбы? Разве ты не сознаешь несправедливость нашей жизни? Одни привязаны к тяжелому труду, вынуждены пробавляться грубыми развлечениями, другие блаженствуют и занимаются абстракциями...

— Зато мы достигли высочайшего уровня цивилизации! — вскипел Ху Шао. — Искусства и науки достигли здесь, в Зоне Покоя, невиданных высот. Как могли бы мы добиться этого, если бы тратили время на материальное производство!..

Сюмень слегка опешил от реакции отца — такого он не ожидал.

— Обитатели Нижней колбы, — произнес он, — не меньше вас заслужили все эти блага. В нашем обществе человек лишен права выбора.

— Иначе нам ни за что не удалось бы добиться нынешнего уровня ни в производстве, ни в науках и искусствах, — отрезал отец. Голос его звучал приглушенно и мрачно. — Вынужден признать, что мотивы моей попытки удержать тебя в Зоне Покоя были чисто эгоистическими. Я просто хотел, чтобы мой сын жил так же, как я. Мысль о социальной несправедливости не приходила мне в голову. Я думаю, она может зародиться лишь в том случае, если побываешь по обе стороны границы.

— Так спустись вместе со мной в Нижнюю колбу и взгляни на все собственными глазами! Если мы поторопимся, то, быть может, о твоем бегстве узнают еще не скоро.

— Уже знают, — ответил Ху Шао, указывая на контрольные приборы у входа. На одном из них горел янтарный огонек. — Машины, создающие временное смещение, послали сигнал о вмешательстве в их программу.

Сюмень задохнулся в смятении. Подскочив к приборам, он вынул модель Города-Колбы, которую использовал для контроля времени.

— Быстрее! — крикнул он отцу. — Надеюсь, с помощью этой штуки я сумею вывести нас из местного времени и сделать невидимыми...

На лице Ху Шао читались печаль, жалость, раскаяние. Вслед за сыном он вышел из квартиры в коридор, а Сюмень отчаянно возился со своим приборчиком, вызывая в его недрах фонтаны разноцветных огней.

— Ну вот! — удовлетворенно сказал он. — Мы на целых полминуты позади нормативного времени.

Ху Шао задержался на миг, терзаясь сомнениями, потом, видимо, пришел к какому-то решению и двинулся за Сюменем по напоенным ароматами коридорам, оставаясь в поле действия сконструированного сыном прибора. Сюмень шагал размашисто, но не успели они покинуть правительственный квартал, как старший получил возможность убедиться в собственной правоте. Для Зоны Покоя это было редкое зрелище — сразу четверо граждан в одеяниях служителей закона, синих мундирах с высокими воротниками. В этой расслабленной атмосфере они казались неуместно суровыми. Их предводитель держал, как факел, небольшой цилиндр. Едва заметив прибор, Сюмень почувствовал легкое головокружение и понял, что их принудительно вернули в нормативное время. Рука потянулась к модели города-колбы, но тут же безвольно повисла: он понял, что самодельный приборчик не сможет соперничать с мощным аппаратом.

Предводитель перевел взгляд с одного беглеца на другого.

— Будьте любезны следовать за нами, — предложил он с изысканной вежливостью. — С сожалением вынуждены констатировать, что вы злостно нарушили принятые в городе этические установления.

Люди в синих мундирах развернулись и зашагали в обратном направлении, предоставив арестованным плестись следом якобы по доброй воле.

Ронд Хёшке и Лэрд Аскар окунулись в водоворот самых разнообразных впечатлений. По сравнению с изобилием, в каком купались жители города, корабль представлялся аскетичным.

Воздух, бодрящий и свежий, был напоен пленительными ароматами. Как только они выбрались за пределы дока, перед ними раскрылось зрелище, почти непостижимое в своей сложности. Бесчисленные уровни и подуровни, экраны и прерывистые стены, бегущие туда и сюда, переплетенные, как в лабиринте, сады и парки, одетые в мятежные краски.

Все здесь дышало роскошью. Хрупкие нежные орхидеи свисали со стен и потолков. Порой казалось, что землян решили познакомить с неким черновым эскизом рая.

Сопровождающий землян чинк провел их под низкую арку и жестом предложил сесть в экипаж, который, к удивлению Хешке, казался выточенным из зеленого полудрагоценного камня. Экипаж бесшумно двинулся по извилистым дорожкам, заполненным пешеходами, что дало Хешке удобный случай понаблюдать за ними. Одевались жители города разнообразно, однако у мужчин преобладали длинные ниспадающие шелковые халаты с огром-

ными рукавами. Пожилые обычно отращивали реденькие бороды, и оттого их раскосые лица выглядели еще более странными, едва ли человеческими с земной точки зрения.

Одежда женщин отличалась эксцентричностью. Иные кутались в пышные шелка, иные носили коротенькие юбочки с соблазнительными разрезами или не носили почти ничего, но все без исключения украшали иссиня-черные волосы цветами. Несмотря на все свое врожденное отвращение к мутантам, Хешке не мог отвести восторженных глаз от этой чуждой красоты. Подкупали и грациозные, полные достоинства движения, в равной мере свойственные как женщинам, так и мужчинам.

С каждой секундой его «просвещенное» отношение к низшим подвидам терпело все более ощутимые удары. Утверждать, как лейтенант Ганн, что все это создано инопланетянами, было бы нелепостью. С неохотой он признал, что чинки не чужды пониманию законов красоты – а ведь, согласно учению титанистов, эстетические чувства присущи только Человеку Истинному.

Аскар сидел, не поднимая взгляда и не расставаясь с обычной мрачной ухмылкой.

«Да он же не замечает ничего вокруг, – сообразил Хешке с изрядной долей изумления. – Интеллект в чистом виде, слепой и глухой ко всему, кроме абстракций...»

Экипаж подъехал к вертикальным направляющим и, пронзая благоухающую листву, взвился на другой уровень. Здесь не было садов, и тем не менее перспектива напоминала нескончаемый летний домик, отдельные помещения которого разделены легкими, богато украшенными раздвижными ширмами. Хешке обратил внимание на скудную меблировку и осознал, что излишек мебели сразу испортил бы эффект легкости, воздушности обстановки. А в этом городе все было устроено так, чтобы создавать ощущение безупречной гармонии.

Покинув экипаж, они очутились в небольшой комнате, где их поджидал высокий бородатый старик, осмотревший гостей внимательно, но с холодной отчужденностью. Рядом с ним на столе стоял набор сосудов и лежали тонкие иглы, золотые и серебряные. В дальнем конце стола расположился аппарат непонятного назначения, а на стене висел вполне нормальный телевизионный экран.

Старик произнес вполголоса несколько слов и жестом, исполненным достоинства, предложил Хешке откинуться на ближайшем кресле-кушетке. Археолог послушался, хоть и без большой охоты, но вскочил в ужасе, когда чинк взял со стола одну из длинных тонких игл. Прежняя антипатия к мутантам вспыхнула с новой силой, из недр памяти поднялись легенды о практикуемых ими отвратительных, беспредельно изощренных пытках. Увидев, что Хешке испугался, старый чинк замер, чуть склонив голову.

И тут заговорил Аскар, мучительно борясь с непривычной артикуляцией. К безграничному восхищению Хешке, физик ухитрился изучить этот невероятно трудный язык. Он вслушался в ответ чинка и, кивнув, обратился к Хешке:

– Не волнуйтесь, он не собирается вас истязать. Это просто урок. Они намерены научить нас своему языку...

Ничуть не успокоившись, Хешке тем не менее откинулся на спинку кресла. Старик приблизился, пробормотал что-то неразборчивое и дотронулся до головы пациента за ухом. Место, которого коснулись пальцы, мгновенно онемело. Туда и вонзилась приготовленная игла, и по движениям чинка Хешке мог судить, что она уходит под кожу все глубже и глубже.

Со сноровкой и бережностью искусного врача чинк разместил еще дюжину игл – главным образом на голове, шее, на тыльных сторонах ладоней и предплечьях. И по мере того как шла процедура, Хешке охватывало странное чувство успокоения, страхи угасали. В конце концов старик отступил от пациента, но вскоре вернулся, надел на него что-то наподобие наушников, а затем и темные очки, погрузившие Хешке во тьму. До археолога донесся щелчок переключателя.

И он мгновенно уснул.

Когда он очнулся, проспав неведомо сколько, старик ловко вынимал иглы из-под кожи. Физик, поднявшись с соседней кушетки, послал Хешке ехидную улыбку.

– Приветствую вас, – сказал старик. – Да пребудете вы оба почетными гостями нашего города...

Старик говорил на певучем чинкском языке – и тем не менее Хешке понимал абсолютно все.

Ввиду серьезности преступления премьер-министр Вэн Ву председательствовал в судебном заседании лично. С ним были еще два министра, а за боковым столом расположились судебные советники, эксперты в области логики и права.

Ху Шао ввели первым и предложили ему зеленого чая, от которого подсудимый отказался. Он признал себя виновным в попытке прервать одиночное заключение и добавил, что намеревался укрыться в Зоне Труда, где рассчитывал на помощь своего сына. Голос его выдавал напряжение и усталость, но выступал он спокойно и хладнокровно.

Вэн Ву пришел к тревожному выводу, что судебное слушание нарушит его внутренний покой. По такому делу можно вынести единственный приговор – а ведь этот человек был некогда его другом.

– Считаю необходимым сделать перед судом еще одно заявление, – продолжал Ху Шао, – а именно: моего сына Сюменя следует освободить от ответственности. Он согласился отвести меня в Зону Труда при моем прямом подстрекательстве и был движим при этом чувством сыновнего долга. Более того, если он отклонился от правильного пути, то вследствие моих поступков. Не соверши я предыдущего преступления, он вел бы счастливую жизнь производственного работника. Подвергать его наказанию несправедливо.

Эксперт в области логики поднял руку, получил слово и возразил:

– Утверждение обвиняемого, что это он побудил своего сына отвести себя в Зону Труда, – заявил эксперт тихо и мелодично, – противоречит фактам. Вину за помраченное состояние Ху Сюменя действительно следует возложить на его отца. Но можно ли отсюда сделать вывод, что младший не заслуживает наказания? Нельзя столь легко отказываться от принципа персональной ответственности...

Премьер-министр выслушал доводы логика с большим вниманием и наконец обратился к обвиняемому:

– Я нахожу тебя виновным в том, что ты не остановил попытку побега, хотя план разработал не ты. Однако суть вопроса в другом. Суть в том, что проявились новые последствия твоего первоначального и действительно серьезного преступления. Ты создал личность с неисправимыми криминальными

наклонностями — в своем предварительном заявлении твой сын уже признал, что является решительным противником нашего общественного устройства.

Он потрогал себя за кончик бороды, размышляя.

— Твое преступление непростительно, ибо подрывает самые устои общества, — провозгласил он. — В свое время вынесенный тебе приговор был относительно мягким, поскольку мы столкнулись с первым делом такого рода за много столетий. Ныне же, зная последствия, о снисхождении не может быть и речи. С прискорбием извещаю, что вынужден приговорить тебя к потере жизни. — Он хладнокровно глянул Ху Шао в глаза. — Согласен ли ты с таким приговором?

И Ху Шао кивнул. Он мог почти зримо распознать ход мыслей премьер-министра. Приговор был нацелен не только на него одного — такой приговор давал Вэн Ву возможность покарать Сюменя, не прибегая к прямому наказанию. Принципы совести и права были соблюдены в равной мере, хотя казалось, что в данном случае они находятся в неразрешимом противоречии.

— Да будет приговор приведен в исполнение незамедлительно.

Ху Шао резко повернулся и вышел в неприметную дверь справа.

Спустя минуту-другую перед судом предстал Сюмень. Выслушав формальное обвинение, он признал себя виновным, а в последующем заявлении добавил в категорических выражениях, что его отец решительно ни в чем не виноват.

Тем временем в одной из соседних комнат Ху Шао расслабленно возлег на кресло-кушетку, и ему подали чашку освежающего зеленого чая.

Чашка была из лучшего фарфора, с выпуклым рисунком того стиля, каким Ху Шао особенно восхищался, — пальцы художника оставили на фарфоре едва заметный след. Приговоренный отхлебнул чаю, оценив его тонкий аромат. И почти сразу по конечностям потекла немота: в чай был подмешан яд. Ху Шао поставил чашку, не допив, на ближайший низкий столик и тихо скончался.

Выслушав Сюменя, Вэн Ву бесстрастно повторил и объяснил приговор, вынесенный отцу обвиняемого.

Реакция Сюменя заставила всех испытать что-то похожее на брезгливость. Оказывается, между двумя подсудимыми, которым вообще не следовало бы знать друг друга, действительно существовали тесные эмоциональные узы. Сюмень смертельно побледнел и скрючился, будто его ударили в живот. С трудом придя в себя, но все еще бледный, он выпрямился и бесстрашно посмотрел премьеру прямо в глаза.

— Будьте прокляты, — произнес он хрипло. — Будьте вы все прокляты! Вся ваша система безнравственна, и потому ее следует разрушить.

— Мы знакомы с вашими убеждениями, — сказал председательствующий, — а равно с вызвавшими их причинами. Мы также осведомлены о том, что вас нельзя переубедить. И перед нами встает вопрос: что с вами делать? Наказание неприменимо: в той мере, в какой вы заслужили его, оно уже состоялось — вы знаете, что ваши действия привели к смерти отца. Однако мы не можем разрешить вам жить в Зоне Покоя, поскольку это противоречит закону. А если вернуть вас в Зону Труда, вы, вне сомнения, затеете смуту. Так что вопрос остается: что с вами делать?..

Глава IX

С раннего возраста Лэрд Аскар был одержим одной-единственной идеей.

Стремлением постичь время.

Он мог вспомнить день — ему исполнилось ровно десять лет — когда время впервые поразило его как загадка, как парадокс, невозможный и неотвратимый. Скоротечное настоящее, которое находится в вечном движении из прошлого в будущее, а будущее в свою очередь возникает вроде бы ниоткуда. А можно еще головоломнее (позже он узнал, что это называется парадоксом возврата): как время «проходит», если нет никакого времени, которое бы «пришло»?

Загадка времени перечеркнула все другие интересы. Он прочел все, что мог понять, а затем занялся физикой и математикой, чтоб углубиться в то, чего не понял. Развитой не по годам, он опережал своих сверстников по всем предметам. Он прослыл психом, эксцентричным чудаком, и затеянные им на свои собственные деньги эксперименты то и дело останавливались на полдороге из-за нехватки средств.

Потом его пригласили Титановые Легионы и, надо отдать им должное, предоставили ему возможность продолжать работу. Вслед за победой над мутантными подвидами начался взрыв хвастливого покровительства наукам: мол, Человеку Истинному по плечу любые загадки природы. Аскар продвигался вперед шажок за шажком, пока не настал тот невероятный день, когда титанисты получили в свое распоряжение инопланетный корабль.

Тот день стал вершиной всей его жизни. Новая вершина забрезжила, когда его познакомили с Шу Кунценом, ведущим экспертом по проблемам времени в Городе-Колбе, где время уже раскрыло людям почти все свои секреты.

Аскара нисколько не беспокоило, что Шу Кунцена с точки зрения титанистов, относился к низшим подвидам. Физик без колебаний склонился бы перед шимпанзе, если б только шимпанзе мог передать ему недостающие знания.

Они уселись напротив друг друга. Хозяин прихлебывал зеленый чай, подливая себе из сосуда, который дымился рядом на лакированном столике. Они сидели в обсерватории Шу Кунцена, где, насколько понял Аскар, исследовали и время, и пространство: с одной стороны изгибалась прозрачная стена, открывающая вид на пустынный бархатный космос, а с другой ровными рядами выстроились приборы, назначения которых землянин еще не успел понять.

Самого Шу Кунцена Аскар нипочем не отличил бы от других его соотечественников: все чинки были для физика на одно лицо. Держался ученый просто и одет был скромно — шелковый халат без всяких украшений, подпоясанный кушаком, и длинная шелковистая борода, типичная для людей его возраста. Но нельзя было не заметить холеные крашеные длинные ногти. Люди беседовали, а механические слуги деловито жужжали в дальнем конце обсерватории.

— Что ж, весьма интересно, — произнес Шу Кунцен после того, как вежливо выслушал землянина. Аскар пытался вкратце обрисовать свои идеи насчет времени.

— До недавних пор мне все казалось ясным. Я думал, что докопался до самого дна вековой загадки. Но с того дня, как я открыл другое «сейчас», я в замешательстве. По сути, вся созданная мною кар-

тина имеет смысл только в том случае, если Абсолютное Настоящее неповторимо... — Он смерил Шу пристальным взглядом. — Скажите мне прямо: что, наступает конец Вселенной?

Морщинистое лицо Шу повеселело, он даже хмыкнул, словно услышал забавную шутку.

— Да нет, что вы! Это конец всего лишь органической жизни на Земле... Знаете, хоть вам и кажется, что вы преодолели парадокс возврата, на самом деле вы от него еще отнюдь не избавились...

Аскар нахмурился.

— Давайте сперва установим, одинаковый ли смысл мы вкладываем в это понятие. Для меня так называемый парадокс возврата указывает на видимую невозможность движения времени. Он формулируется так: возьмем три последовательных события, А, Б и В. Одно из событий происходит «сейчас», два других — в прошлом и в будущем. Допустим, событие Б — «сейчас», с тем чтобы А было в прошлом, а В — в будущем. Но ведь отсюда следует, что некогда А было «сейчас», а Б и В оставались в будущем, и точно так же наступит момент, когда В окажется «сейчас», а А и Б отступят в прошлое. Можно начертить три схемы взаимного расположения этих трех событий и дать им в общей сложности девять отчетливых обозначений. Но ведь на этом нельзя остановиться: если остановимся, возникнет три одновременных «сейчас», а «сейчас» может быть только единственным. Значит, мы должны выбрать одно из обозначений и закрепить наше «сейчас» за ним и только за ним, что ведет к возникновению «сейчас» второго порядка, определяемого не одним отдельно взятым событием, а динамическим взаимоотношением всех трех событий, и положение нашего истинного «сейчас» может быть выявлено лишь таким способом. Но ведь и на этом мы тоже не можем остановиться. Каждому из трех взаимоотношений может, в свою очередь, соответствовать «сейчас» второго порядка — по той простой причине, что «сейчас» движется. Приходится чертить новые схемы, где первоначальная схема повторена трижды, количество групп А-Б-В достигает девяти, а число отдельных событий — двадцати семи, и в результате возникает «сейчас» третьего порядка. И процесс можно повторить в четвертый и в пятый раз, а затем до бесконечности...

Шу замахал на Аскара руками, затянувшаяся лекция вывела его из терпения.

— Да знаком я со всеми этими рассуждениями, знаком! Но с чего вы взяли, что вам удалось разрешить парадокс?

— Ну видите ли, — медленно ответил Аскар, — когда состоялись первые путешествия в прошлое и в будущее и обнаружилось, что там нет «сейчас», я попросту сделал вывод, что спор основан на ложных посылках. Факты показали, что вернуться в прошлое нельзя, а значит, и парадокса не существует...

— И вы даже не удосужились спросить себя: а почему нельзя? — ядовито заметил Шу. — Вы предпочли, как школьник, посмотреть ответ и сразу же забыть о самой задаче.

Аскар довольно долго молчал.

— Ладно, — наконец проговорил он, — в чем я ошибся?

— Главная ваша ошибка в предположении, что время — феномен, единый для всей Вселенной. Вы вообразили себе Абсолютное Настоящее как точку пересечения трех измерений, движущуюся синхронно во всем мироздании наподобие читающей головки, которая скользит по магнитной ленте и вызывает к жизни запечатленные на ней образы. Согласны вы с таким сравнением?

— Да, — ответил Аскар, — сравнение довольно точное.

— Но как же вы не замечаете, что, если принять такую картину, парадокс возврата остается в неприкосновенности?

— Нет, почему же, — начал было Аскар, — поскольку точка пересечения проходит через каждое мгновение лишь один раз... — Он вдруг запнулся, а затем признал нехотя: — Вы правы, теперь я понял. Такая картина означала бы бесконечное множество вселенных, по числу мгновений в нашей собственной Вселенной, похожих одна на другую всем, кроме того факта, что точка пересечения — Абсолютное Настоящее — находится в разной фазе движения. И в каждый данный момент среди этих вселенных обязательно есть такая, где Абсолютное Настоящее соответствует любому мгновению в прошлом, настоящем и будущем...

— И помимо этого, — подхватил Шу, — придется допустить существование еще одного множества вселенных, нет, бесконечного числа множеств, бесконечного в бесконечной степени, чтобы они соответствовали парадоксу второго порядка, третьего и так далее. Сама бесконечность превращается в фикцию...

Аскар поспешно кивнул.

— Хорошо, принимаю критику. Признаю, что нарисованная мной картина основана на ложных посылках. Но какова же истина?

— Истина прежде всего в том, — ответил Шу, — что во Вселенной нет никакого времени вообще! И таким образом нет никакого «сейчас», единого для всех ее уголков. Вселенная в основе своей статична, мертва, безразлична. В ней нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего...

Он долил в чашку чаю, позволив Аскару перебить себя:

— Но время-то существует!

— Существует, — терпеливо разъяснил Шу, — только как локализованный, случайный феномен, не имеющий серьезного значения. Временные процессы могут протекать на небольших пространствах, обычно на планетах, и то довольно редко. Все сводится к потокам энергии, перемещающимся из одной точки в другую, к маленьким бегущим волнам «сейчас». Философски это объясняется так: Вселенная по замыслу Высшего создана как взаимодействие сил «инь» и «ян» и должна находиться в полном, нерушимом, гармоничном равновесии. Однако иногда эти силы слегка выходят из равновесия, порождая потоки энергии, известной нам как время. Энергия истекает до тех пор, пока равновесие не восстановится. В своем движении волны времени организуют материю в живые формы, давая начало процессу, который мы называем жизнью.

— Выходит, время — не космический феномен, а биологический?

— Скорее биология — одно из последствий времени. Не единственное, есть и другие отклонения. Но жизнь и сознание могут развиться только в пределах бегущего настоящего и двигаться вместе с ним... Теперь вы видите, — продолжал Шу, — почему путешествовать во времени относительно легко. Мы попросту отделяем фрагмент бегущей волны «сейчас» и перемещаем его по истинному статичному миру вневременья. Фрагмент отделяется без большого труда, потому что это локальная энергия, а не фундаментальная часть мироздания.

— Да, мы сразу обнаружили, что машина времени

может действовать лишь в присутствии живого пилота. Следствие, логически вытекающее из сказанного...

— Ну нет, это следствие того, что ваши машины еще примитивны. Здесь, в Городе-Колбе, мы научились перемещать во времени и неодушевленные предметы.

— Понимаю... — Даже Аскару стоило известного напряжения охватить мысленным взором концепцию, какую обрисовал Шу Кунцен. — Давайте подведем итоги, — выговорил он. — Вселенная представляет собой статичную четырехмерную матрицу...

— Отнюдь не четырехмерную, — поправил Шу. — Все ваши теории об измерениях в корне ошибочны: измерений не существует вообще. Впрочем, их допустимо использовать ради удобства описания. В таком случае, чтобы описать все существующие направления, понадобится не четырех-, а шестимерная матрица. Волны времени, если возникают, могут двигаться в любом из шести направлений. С нашей точки зрения: вперед, назад, в сторону, вверх, вниз, шиворот-навыворот — это направление зрительно непредставимо. Но для каждого, кто находится внутри волны, она всегда создает трехмерное окружение. И кроме того, для наблюдателя, запертого в ней, неизбежно возникает прошлое и будущее.

— А парадокс возврата? — напомнил Аскар. — Что с ним?

— Его также не существует. Проблема возникает лишь в том случае, если время рассматривается как абсолютный фактор, действующий во всей Вселенной. А на деле, как мы поняли, это фактор случайный и несущественный. В целом Вселенная не замечает времени, безразлична к нему, как и к любым его порождениям, например, к живой природе. И если так, нет и противоречий, связанных с движением преходящего «сейчас», с «прежде» и «потом», с прошлым и будущим. В масштабах Вселенной время не может вызвать никаких перемен, вневременье поглощает мелкие процессы, не удостаивая их вниманием...

Шу был достаточно тактичен, чтобы дать земному физику переварить услышанное. Аскар уставился в пол и после долгого молчания вымолвил:

— Значит, что произошло на Земле? Там зародилась еще и вторая временная система, она создала свой процесс эволюции, но движется в направлении, противоположном нашему. И две системы должны столкнуться...

— Совершенно верно, — подтвердил Шу без выражения.

— И все же это трудновато усвоить. Выходит, время может двигаться наоборот, но во всех своих проявлениях оно остается неотличимым от нашего. Я привык смотреть на химические реакции и законы термодинамики как на необратимые. К примеру, закон энтропии — он должен бы задавать времени какое-то определенное направление, независимо от...

— Это вам кажется оттого, что вы привыкли смотреть на время как на явление, имеющее абсолютный характер. Взять закон энтропии, который гласит, что тенденция к распаду обладает свойством усиливаться, — он тоже есть следствие движения волны времени. Любая волна времени создает две противоположные тенденции — тенденцию к распаду и тенденцию к объединению. Вторая тенденция проявляется, например, в биологических системах. Своим рождением эти тенденции обязаны силам «инь» и «ян», присутствующим в волнах времени, но не взаимодействующим, а воюющим друг с другом. «Инь» несет с собой тенденцию к объединению, «ян» — тенденцию к распаду. Довольно им прекратить войну между собой, чтобы время остановилось.

— Именно это и произойдет на Земле?

— Нет. Вашей цивилизации чрезвычайно не повезло, как и той, что обречена столкнуться с вами. Будет катастрофа, насильственное, жуткое столкновение мощнейших сил, едва ли не самое фантастическое событие во Вселенной...

— И чем это кончится?

— С вероятностью почти сто процентов — полной остановкой времени. Два встречных фронта погасят друг друга в некоем подобии временного взрыва.

— Я, в сущности, подразумевал более частный вопрос, — произнес Аскар, избегая смотреть чинку в глаза. — На что это будет похоже для тех, кто окажется там в момент, когда фронты времени приблизятся друг к другу?

— Хотите знать, на что это будет похоже? — переспросил Шу. — Представьте, в какой-то мере я могу вам это показать. — Поднявшись на ноги, он направился в дальний конец обсерватории к прозрачной сфере примерно восьми футов в диаметре. — Нашему Городу-Колбе однажды случилось пережить подобное происшествие.

Аскар, мгновенно вскочив, догнал Шу Кунцена.

— И вы уцелели? — воскликнул землянин.

— У нас сближение фронтов не было столь чудовищным, — ответил Шу как мог мягче. — Во-первых, угол сближения был незначительным. Сущность, с которой мы встретились, двигалась во времени своим путем, по касательной к нам, а не в лоб, как на вашей планете. Во-вторых, мы использовали преимущества нашего положения в свободном межзвездном пространстве. Будучи предупреждены заранее, мы стали передвигать Колбу и почти вышли из-под удара. Тем не менее фронты времени соприкоснулись, и последствия оказались очень неприятными. За всю нашу историю мы никогда не были так близки к гибели...

Подойдя к сфере вплотную, чинк остановился.

— События тех дней запечатлены на всечувственной пленке. Вам на Земле известна всечувственная запись? — Аскар недоуменно покачал головой. — Как подразумевается в самом названии, такая запись охватывает все ощущения: и внешние, и внутренние, нервные, телесные и так далее. Где чувства, там и разум, — в результате, проигрывая запись, вы переживаете все, что чувствовали непосредственные участники событий. Если хотите, я вам прокручу одну из таких записей, — добавил Шу, обращаясь к гостю. — Но предупреждаю, вам уготовано тяжкое испытание...

— Да, да, конечно, — откликнулся Аскар. — Я хочу знать, как это все выглядит.

Шу ответил отрешенным кивком, выражение его лица расшифровке не поддавалось. Повинуясь его жесту, Аскар залез в сферу через узкий люк, который тут же и захлопнулся. Но едва физик очутился внутри и утратил способность следить за хозяином обсерватории, тот чуть заметно улыбнулся. Вопреки ожиданиям, посетитель произвел на него приятное впечатление: несмотря на варварское происхождение, Аскар обещал стать способным учеником.

Изнутри сфера казалась светонепроницаемой. При тусклом внутреннем освещении Аскар увидел

одинокое кресло, привинченное к полу. Как только он уселся, свет погас, и физик очутился в полной темноте.

Секунд десять ничего не происходило. Потом свет загорелся вновь — однако Аскар больше не был заперт в стеклянной сфере. Он сидел в таком же кресле в типичной для Города-Колбы легкой, просторной комнате. В воздухе ощущалась смесь слабых ароматов, и откуда-то издали доносилась резкая прерывистая музыка.

Он принялся разглядывать обстановку комнаты и вдруг понял, что вокруг что-то не так. Пропорции комнаты были ложными и с каждой секундой становились все более фальшивыми. Углы сопряжения стен между собой, с полом и потолком не сочетались друг с другом, были попросту немыслимыми, словно вся пространственная геометрия изменялась на глазах.

Музыка в середине сложного перелива внезапно застыла на одном аккорде, который тянулся, все повышаясь, плача и дрожа, не в силах вырваться из тюрьмы одного-единственного нескончаемого мгновения.

Вытаращив глаза, Аскар наблюдал за хрупкой вазой, ни с того ни с сего покинувшей свое место на полке и взмывшей в воздух по замысловатой траектории. Но ее полет не был бы так удивителен, если бы она сама беспрерывно не изменялась, принимая все более причудливые формы. В конце концов Аскар обнаружил, что разглядывает нечто вроде сосуда Клейна, исполненное в четырех измерениях и просто невозможное в трехмерном пространстве, не имеющее ни наружной, ни внутренней поверхности, состоящее из сплошных изгибов, которые плавно перетекали друг в друга. Поразительно: глаза обрели способность видеть подобную фигуру.

Все вещи в комнате также менялись. Встревоженный, Аскар попытался выбраться из кресла, попытался встать — и не смог. Краем сознания он припоминал, хоть и с трудом, что это запись, только запись, а не подлинные события. Вполне вероятно, что всечувственная запись каким-то образом лишала его свободы движений, и вскоре он оставил всякие попытки освободиться, тем более что чудовищные деформации захватили и его самого.

Аскар испустил долгий, нечеловеческий крик. Наваливалась боль... боль... боль...

И тут комната обрушилась внутрь себя, и на ее месте возник кошмар, не поддающийся описанию. Аскар ощутил собственную нервную систему как моток пряжи, как клубок проволоки, выпорхнувший из тела облачком, а затем и вовсе потерявший материальную форму и дрейфующий по лабиринту бесчисленных измерений. Чувство времени бесследно исчезло. Только нервы, которым чуждое временное поле приказывало изменить неизменяемое — свой химизм, отзывались болью, острейшей, мучительной, неодолимой.

И в сознание исподволь вторгалось нечто непостижимое, но готовое погасить разум. «Бам, бам, бам» — звучало нечто, как исполинское сердце или, скорее, как молот, жаждущий сплющить душу на наковальне.

А все окружающее перевоплотилось в новые формы, неизъяснимые, но, видимо, отвечающие ужасу бытия. Он видел теперь не просто комнату, где сидел, а целый район Города-Колбы, деформированный в причудах неэвклидовой геометрии так, что стены больше не были препятствием для взгляда. Как мухи в липкой паутине, в этом кошмаре были заточены тысячи людей, все более теряющих сходство с людьми. Они прорастали сквозь стены, полы и потолки, сращивались с мебелью, распадались на мелкие осколки, связанные друг с другом тонкими нитями обнажившихся нервов.

А затем город вновь пришел в движение, искривляясь, складываясь и опрокидываясь в себя, содрогаясь в конвульсиях, словно безобразное чудище, выброшенное на берег из океанских глубин.

В пьедестал, на котором покоилась сфера, был встроен маленький монитор. Шу Кунцен следил за записью и выбрал этот момент, чтобы остановить воспроизведение прежде, чем возникнет риск ввергнуть землянина в непоправимый психосоматический коллапс.

Чинк включил внутреннее освещение сферы и отомкнул люк. Лэрд Аскар вывалился на волю изможденный и осунувшийся, хрипло и прерывисто дыша.

— Я полагаю, хватит, — мягко сказал Шу. — Дальше стало бы еще тяжелее.

— Как — еще тяжелее?..

— Да. То, что вы испытали, — это лишь первые признаки соприкосновения с чуждым временным полем. Когда опасность миновала, выяснилось, что население нашего города сократилось в десять раз. Мы не отделались бы так легко, если бы сама Косвенная Сущность не умела управлять временем и не приняла бы мер, чтобы изменить направление своего движения.

Вцепившись в край люка, Аскар осведомился:

— Значит, так же будет и на Земле?

— Гораздо хуже. Мы испытали лишь скользящий удар. Что предстоит вам, едва ли можно себе вообразить...

— Святая Мать Земля! — хрипло прошептал Аскар.

Глава X

Министры кабинета Вэн Ву рассматривали двух землян не то с безразличием, не то с легким превосходством. Маску бесстрастия в Городе-Колбе носили все без исключения, и Ронду Хешке это начинало действовать на нервы. Казалось, они не способны проявить настоящий интерес к чему бы то ни было.

— Надеюсь, вы поняли ситуацию, с какой столкнулась ваша планета, — сказал Вэн Ву тихим голосом, будто дружеская компания собралась обсудить, где провести вечеринку. — Мы в Городе-Колбе узнали об этом несколько месяцев назад, когда Шу Кунцен по чистой случайности провел разведку в вашем секторе Галактики. А когда узнали, направили звездовремялет на околоземную орбиту для более подробных наблюдений...

— Почему же мы не обнаружили ваш корабль? — быстро спросил Аскар. — Наши станции слежения наблюдают за всей Солнечной системой...

— По моим данным, корабль выведен на орбиту, эллиптическую во времени, — ответил премьер-министр. — Он обращается вокруг планеты не только в пространстве, но также из прошлого в будущее и наоборот. Ваши станции слежения не в состоянии засечь его.

— Изобретательно, — пробурчал Аскар себе под нос.

— Узнав, что произойдет, — продолжал Вэн Ву, — мы решили предложить Земле посильную помощь. Поскольку, с точки зрения ваших идеологов, мы — чужая раса, нам нужны эмиссары, к которым ваше

правительство отнесется с доверием. Чем и объясняется ваше присутствие здесь, в Городе-Колбе: наши наблюдатели следили за вашей трагической экскурсией во вневременье и решили, что вы подойдете лучше других. Вы оба известные на Земле люди, к тому же вы и без нас до определенной степени знакомы с фактами.

— Чего вы от нас хотите? — поинтересовался Хешке.

— Чтобы вы просто-напросто вернулись на Землю и уведомили свое правительство о положении вещей и о помощи, какую мы способны предложить.

— И какова же эта помощь? — хмуро спросил терзаемый сомнениями Аскар.

— Для вашей цивилизации единственное решение — согласиться с тем образом жизни, какой приняли мы, — заявил Вэн Ву. — Я имею в виду поселения в межзвездном пространстве, в искусственных городах. Вы должны покинуть планету прежде, чем разразится катастрофа.

— Но это невозможно! — воскликнул пораженный Хешке. — Нельзя успеть вывезти всех землян!

— Всех вывезти нельзя, это верно. Но мы придем вам на помощь. Наши производственные мощности не меньше, если не больше мощностей вашей цивилизации. К тому же мы могли бы ввести в Зоне Труда — в нижней части города — замкнутое время, в результате чего она сможет проделать десяток производственных циклов за столько же дней, сколько на Земле потребуется на каждый цикл.

— Мы научим вас, как строить собственные космические города, — вмешался один из пожилых, почтенных министров.

Вэн Ву выразил согласие.

— До встречи двух временных систем еще остается много поколений. Объединенными усилиями мы успеем переселить в космос, пожалуй, около двухсот миллионов человек. Больше — вряд ли, поскольку мы намерены сделать аналогичное предложение цивилизации, которая должна, к несчастью, столкнуться с вашей. Так что Зона Труда, вероятно, будет загружена на полную мощность.

— Но двести миллионов — это лишь малая часть населения Земли!

— И все же достаточная, чтобы продолжить вашу культуру. Один из движущих мотивов, скрытых за нашим решением, — желание не допустить бессмысленной гибели оригинальных культур.

— И вы называете нашу культуру оригинальной? — Хешке не верил своим ушам. — Да знаете ли вы, что по нормам этой культуры вы все — биологические отщепенцы? Уроды? И что вас надлежит истребить? И тем не менее вы желаете помочь нам?..

— Ваши религиозные верования нас не касаются, — отрезал Вэн Ву своим обычным, холодно взвешенным тоном. — Мы руководствуемся логикой, осознанием своих возможностей, но, надеюсь, успешно избегаем слепых эмоций.

— Ничего у вас не выйдет, — заявил Аскар с горькой уверенностью в своей правоте. — Титановые Легионы не захотят и слышать об этом. Земля для них — богиня. Они не покинут ее ни при каких обстоятельствах...

— Боюсь, что Аскар не ошибается, — вздохнул Хешке. — Неужели нет иного пути? Вы мастера управлять временем — так неужели вы не в состоянии придумать иного способа?

— Вы требуете невозможного, — ответил Вэн Ву. — Мы далеки от подобного мастерства. Да, мы можем контролировать временное поле в пределах потребностей этого города, но столь обширное и мощное поле, как на Земле? На двух Землях? Это не легче, чем передвинуть саму Землю.

— А если правительство откажется от вашего предложения? — спросил Хешке.

В ответ Вэн Ву пожал плечами.

— Тогда это будет их проблема. — Поднявшись с места, он подал знак кибернетическому слуге. Машина приблизилась к раздвижной бумажной двери и откатила панель. — Один из наших людей отправится вместе с вами в качестве связного. Если ваша миссия закончится успешно, он останется на Земле с целью координации совместных усилий...

И в комнату вошел Ху Сюмень.

Откинувшись на низкую кушетку, Хешке то и дело прикладывал ко лбу лед. Голова раскалывалась от боли, а ему был необходим серьезный, длительный отдых: отлет на Землю планировался на завтра.

Завтра, и снова завтра, и опять завтра... Время — сплошной обман чувств, мираж...

Аскар объявил: возвращаться на Землю вместе с Хешке он не намерен. Шу Кунцен согласился принять его в ученики, и он решил отказаться от участия в проекте. В ответ на укоры археолога он расхохотался:

— Вы-то уж должны знать, что такое титанисты! Вся затея обречена.

Расистские предубеждения самого Хешке явно дали трещину. Исторические источники, сохранившиеся в Городе-Колбе, свидетельствовали, что на Земле не было никакого вторжения инопланетян, как никогда не было и Человека Истинного. Земная цивилизация поднималась и вновь откатывалась к варварству сама по себе, поскольку такова была ее природа (старейшины Города-Колбы провозглашали, что их цивилизация — единственная, которая не подвержена таким катастрофам).

И что существенно: подвид, к которому принадлежал сам Хешке и который расовая наука титанистов провозглашала Человеком Истинным, был ничуть не более похож на Homo sapiens тридцатитысячелетней давности, чем все остальные. Это был подвид, одержавший победу над другими, — и не больше.

— Любопытно, — произнес археолог, оставив тщетные попытки усовестить Аскара, — что, если план спасения, о котором говорил Вэн Ву, распространяется и на низшие подвиды? Вам известно, что на Земле есть организованное подполье, которое противостоит титанистам и стремится помочь мутантам?

Аскар скорчил гримасу.

— Да, слышал. Лига общечеловеческих ценностей. Сборище придурков...

— Так или иначе, сегодня мутантам, по-моему, уже ничем не поможешь. — Хешке отложил лед и вытер лоб полотенцем. — Скажите, Лэрд, что вы думаете о наших здешних хозяевах?

— А что тут думать? Они гениальны, вот и все!

— А мне они, признаюсь, не слишком нравятся. Что-то в них есть чересчур холодное. Слишком они логичны, до неестественности. Изнежены, сверхкультурны... и неспособны сопереживать.

— Ну уж, — буркнул Аскар, — вы вещаете как инструктор в центре обучения для легионеров...

— Пусть так. Но вы слышали, как устроена их общественная система? Как они отрывают от себя своих детей, чтобы тех воспитали рабочими и техниками?..

— Зато они достигли высот науки, — заявил Аскар. — Они делают со временем все, что им заблагорассудится. Задают Зоне Труда колебательное движение по фазам, замыкают фазы вкруговую — не только вперед и назад, но и в стороны, в иные измерения... И знаете, что получается? Здесь в Зоне Покоя можно заказать прибор, на изготовление которого требуется шесть месяцев, и вам доставят его через пять минут. Шу Кунцен пользуется этим постоянно. Прекрасная штука!

— Да, прекрасная, только чтобы ею воспользоваться, надо быть Шу Кунценом! — рассердился Хешке. — А представьте себя на месте того, кто должен всю жизнь исполнять капризы таких кунценов!..

«Ей-же-ей, — добавил он про себя, — по сравнению со здешними порядками замыслы титанистов — сама благотворительность и чистота. Замыслы в отношении Человека Истинного, по крайней мере. Как бы то ни было, титанисты верят в какую-то грубую демократию. И в культуру, даже для рабочих...»

— А что, у рабочих прекрасная жизнь, — отозвался Аскар рассеянно. — О них заботятся, они счастливы. Да и потом: мы с вами здесь, а не там, так что вас тревожит?..

— С вашего разрешения, — объявил Хешке усталым тоном, отчаявшись поколебать равнодушие оппонента, — я хотел бы поспать. Мы стартуем рано утром...

— Ну что ж, не говорите потом, что я вас не предупреждал...

Аскар вышел из комнаты, не удосужившись попрощаться.

Глава XI

Комната была большая, из-за окон чуть слышным шепотом доносился шум оживленной улицы далеко внизу.

По стандартам титанистов личный кабинет Лимниха казался отнюдь не роскошным, а скорее бесцветным. Планетарный лидер был известен пристрастием к простоте, даже аскетизму. Кабинет был расположен не в Политдворце, а в солидном доме двухсотлетнего возраста, за пределами нового административного квартала столицы. Именно здесь Лимних держал свою коллекцию черепов, библиотеку расоведческой литературы и другое личное имущество.

За последние несколько дней задумчивая кабинетная тишина, привычная в этом царстве темного полированного дерева и ворсистых ковров, сменилась безостановочной бурной деятельностью. Лимних не побоялся признаться вслух, что новости потрясли его. На подготовку обычного церемониального совещания в замке просто не было времени. Все надлежало решать немедленно. Кабинет Лимниха стал нервным центром планеты, и Титановые Легионы энергично перестраивались для невиданной грядущей схватки.

Многие заслуженные генералы покинули совет — либо в отставку, либо на административные посты, не имеющие веса. Лимних заменил их советниками помоложе, чьи мозги не заросли пылью, а усердие било ключом. Такими, например, как титан-полковник Браск (до введения чрезвычайного положения титан-капитан Браск). Он и люди такого же склада взяли на свои плечи подготовку немыслимой прежде войны, Армагеддона во времени.

Браск был частым гостем этого кабинета. Вот и сейчас он вывел на стенной экран подле письменного стола лидера схему, составленную для демонстрации приближения враждебной временной системы. Схема была движущейся и наглядно демонстрировала скорость сближения и вероятную точку столкновения. Наблюдая за неотвратимо наползающей на человечество лавиной чужого времени, Лимних ощущал благоговейный трепет, но еще и неприятный холодок.

— Значит, остается почти два столетия? — спросил он.

— До прямого столкновения — да, — ответил Браск. — Но какие-то эффекты начнут проявляться задолго до этого. Наши знания на сей счет очень неполны, однако, по предварительной оценке, влияние встречной волны станет заметным лет через пятьдесят. А через сто лет — неизвестно, на что мы тогда будем годны. Не исключено, что вообще утратим способность к действию.

— Слава Богу, мы узнали правду вовремя!

Он повернулся от схемы к новоиспеченному полковнику. В серой полутьме кабинета покалеченное веко Браска выглядело почти карикатурно. Будь этот человек не так талантлив, его выгнали бы из Титановых Легионов без промедления, но исчерпывающие генеалогические исследования, каким подвергался каждый новобранец, доказали, что дефект не носит генетического характера.

А впрочем, несмотря на показной расовый фанатизм, Лимних был склонен проявлять терпимость в случае, если она сулила выгоду. В состав нового командования даже вошел офицер, полковник Йедраш, в чьих жилах текла частично кровь лоринов. Однако полковник выступал яростным борцом за общее дело — казалось, ярость только усугублялась оттого, что Йедраш знал о своем сомнительном происхождении. Услуги, каковые он оказывал титанистам, были неоценимы, и Лимних решил (и всемирный президент согласился с Лимнихом), что жертвовать им нельзя. И вместо ликвидации Йедрашу сделали вазэктомию, чтобы впредь не мог осквернять кровь Человека Истинного.

Дубовая дверь приоткрылась, и секретарь торжественно возвестил:

— Прошу прощения, лидер, прибыл полковник Хатт...

Лимних отрывисто кивнул, и титан-полковник Хатт вошел в кабинет. Оба подняли руки в титан-салюте.

— Относительно информации для широкой публики, лидер...

— Я принял решение, — опять кивнул Лимних. — Интеллект среднего человека слишком ограничен для того, чтобы переварить правду. Публике надо дать представление о природе времени в ограниченных пределах — пусть объявят о нападении из будущего, в котором инопланетные захватчики создали базу для второй попытки завладеть нашей Землей...

— Иными словами, — добавил Браск, — простой человек должен понимать проблему так, как не столь давно понимали ее мы сами. Позднее, с ростом образовательного уровня, можно будет обнародовать более полную картину.

— Понимаю, — откликнулся титан-полковник Хатт.

— И еще одно, — подхватил Лимних. — Чрезвычайное положение повлечет за собой серьезный политический кризис. Интенсивность политической пропаганды должна быть усилена, деятельность диссидентских групп сведена к нулю. В этой связи приказываю, используя наши секретные каналы,

передать в Лигу общечеловеческих ценностей все факты, какими мы располагаем, без изъятий.

— Все без изъятий? — переспросил Хатт недоверчиво. — Но зачем?

— Разве есть лучший способ выбить у них почву из-под ног? — ответил Лимних холодно, без улыбки. — Можно ручаться, что как только в Лиге узнают правду, большая ее часть перейдет на нашу сторону.

— Так точно, лидер. Будет исполнено! — Тень запоздалого понимания мелькнула на лице Хатта.

Лимних же со своей стороны, с трудом удерживал разум на краю помешательства. Его преследовало жуткое видение двух встречных временных систем, мчащихся к точке столкновения.

— Слава Богу, мы узнали правду вовремя! — повторил он чуть слышно.

Но какой прок в том, что они узнали? Существует ли хоть какое-то средство к спасению?

Контакт с жителями Земли будущего был, по вполне понятным причинам, подготовлен менее тщательно, чем контакт с титанистами. Задача, стоящая перед молодыми философами Ван Ятсеном и Ли Лисанем, которых выбрал для этой миссии лично Вэн Ву, носила более чем деликатный характер.

Прежде всего предстояло убедить лемуроподобных хозяев планеты, что двое философов — не посланцы цивилизации, следующей встречным курсом. Уже непростая задача, поскольку чужаки, естественно, не улавливали различий в физическом облике людей. Но, к счастью, предыдущая экспедиция расшифровала, перехватывая электромагнитные волны, язык лемуров (точнее, несколько языков). Ван Ятсену и Ли Лисаню удалось прилично овладеть прерывистым, щебечущим наречием, хотя их произношение оставляло желать лучшего.

В конце концов чужаки, кажется, поверили в межзвездные поселения, и молодых философов освободили из тюремного госпиталя (именуемого биологическим исследовательским центром), куда они были помещены поначалу вместе с пленными землянами. Что там с этими пленными делали, лучше было не вспоминать.

Их привели в комнату с коническим потолком и голыми каменными стенами. Чужаки предпочитали неукрашенный камень и коническую форму построек, а двери были треугольными и слишком низкими для того, чтобы человек мог войти не пригибаясь. Мебель была скудной, выполненной из грубого неполированного деревянного бруса или фанеры. Удивительно, что несомненные технические достижения этой цивилизации не сопровождались интересом к быту.

Однако два субъекта, усевшиеся напротив философов за простым дощатым столом, принадлежали к авторитетной верхушке общества. Ван Ятсен спокойно рассматривал собеседников, не уставая поражаться их необычайной возбудимости. Достаточно было любого пустяка, чтобы они принимались дрожать всем телом, а торчащие под носом тонкие усики — подергиваться и ходить ходуном.

— Но почему вы делаете нам такое предложение? — прочирикал один из лемуров. — Зачем вам пускаться во все тяжкие ради того, чтобы нам помочь? Откуда мы знаем, что это не какой-нибудь злобный трюк?

— Отвечаю по порядку, — сказал Ли Лисань. — Готовность помочь свидетельствует об уважении, с каким одна разумная раса обязана относиться к другой. Во-вторых, мы можем предоставить вам гарантии наших добрых намерений. Наше предложение относится и к встречной человеческой цивилизации. Если и вы и они примете его, то будете сотрудничать друг с другом вместо того, чтобы воевать.

— Если вам угодно, — добавил Ван Ятсен рассудительно, — мы могли бы доставить в Межзвездную космическую общину ваших полномочных послов. Пусть увидят все своими глазами.

Лемур пропустил предложение мимо ушей.

— И вы ждете от нас, чтобы мы отступили перед врагом? Чтобы мы бросили эту планету? — Каждая гласная в его речи звенела, выдавая душевное напряжение. Руки и ноги дрожали крупной дрожью, как у смертельно раненного животного. — Это наша планета, наша с самого начала времен! Мы будем защищать ее до последнего!..

В разговор вступил второй лемур.

— Никогда, никогда во всей нашей истории мы не отступали перед врагом! Несколько дней назад ваши двоюродные братья атаковали наши города и применили мощное оружие, связанное со слиянием легких атомных ядер. Города полностью разрушены, радиоактивные отходы загрязнили все вокруг. Но мы нанесем ответный удар! Ответный удар!..

Посланцы Города-Колбы, с детства приученные рассматривать любые явления с позиций беспристрастного анализа, были озадачены.

— Но как вы не сознаете, что ваше эмоциональное отношение к исторической родине в данных обстоятельствах совершенно неуместно? — высказался Ван Ятсен. — Ваши враги, как вы их именуете, ответят тем же, удар на удар. Эвакуация — единственная надежда как для них, так и для вас...

— А мы не считаем такую надежду единственной, — визгливо проверещал первый из лемуров. — Нам известно, что жизнь врагов протекает в нашем будущем и что если они будут существовать и дальше, мы погибнем. Стало быть, мы должны покончить с ними!

— Каким же образом? — задал Ли Лисань самый простой вопрос.

— Мы создаем вирусы, разрушительные для вражеской биосферы, — ответил лемур. — Эти вирусы будут рассеяны по всей Земле. К моменту, когда наша временная система достигнет предполагаемой точки столкновения, во всей встречной биосфере не останется ничего живого. И ничто не помешает нашей собственной волне времени следовать своим путем...

Переглянувшись, Ван Ятсен и Ли Лисань пришли к одинаковому выводу: миссия провалилась. Они поняли друг друга без слов и поднялись на ноги.

— Для нас очевидно, что ваши решения не продиктованы здравым смыслом, — произнес Ван Ятсен, не отказываясь, впрочем, от прежнего дружеского тона. — Следовательно, нас здесь больше ничто не удерживает. С вашего разрешения, мы вызываем космический челнок и возвращаемся к своему народу...

— Ну уж нет! — взвизгнул лемур. — Вы располагаете информацией, которую можно использовать против нас. А с другой стороны, вы принадлежите к той же расе, что и наши враги. Так что назад, на биостанцию, и прощайте!..

И двух молодых философов отвезли назад на Станцию подготовки биологической войны, откуда им не суждено было выбраться.

Едва переступив порог подвального комплекса,

Собри Бломоут понял: случилось нечто из ряда вон выходящее.

Совет Лиги общечеловеческих ценностей собрался на этот раз в Саннане, родном городе Собри. Древние подвалы были совершенно забыты властями: их замуровали при работах по реконструкции много лет назад. Осталось всего несколько потайных входов, и те были известны лишь доверенным членам Лиги.

Вошедшего сразу охватывало чувство лихорадочного возбуждения — казалось, оно сочится даже с блеклых кирпичных стен. Там и сям собирались группки людей, тихо, но ожесточенно споривших. От одной группки отделился маленький тощий человечек и ужом подобрался к Собри:

— Бломоут! Зачем ты пришел?

— Что случилось? — почтительно спросил Собри.

— На твоем месте, — тихо ответил человечек, — я бы немедленно смылся как можно дальше. И прихватил с собой свою подругу. Потому что...

Однако закончить ему не довелось: к Собри внезапно подошел организатор встречи.

— Значит, ты все-таки сумел вырваться, Бломоут. Но опоздал. Мы уже думали, что ты узнал обо всем без нас...

— О чем узнал?

— Новости транслируются по всем каналам. По всему земному шару. Похоже, это конец...

Собри потребовал объяснений, но вместо ответа организатор провел его под низкую арку. Открылась и закрылась дверь, и Собри очутился на заседании. Его встретили мрачными взглядами. Бросилось в глаза, что Совет Лиги собрался далеко не в полном составе, почти треть обычных участников отсутствовала.

Потом он с удивлением заметил незнакомое лицо. Да это же аноним, но впервые без маски и без модификатора голоса! Что за перемена, почему? Он внимательно вглядывался в лицо анонима, и оно того стоило — волевое лицо с резкими чертами, чистой кожей, голубыми глазами, льняными волосами, совершенный идеал титанистов. Человек с таким лицом не мог не быть легионером и действительно был им, титан-офицером высокого ранга, что не мешало ему состоять тайным членом Лиги. Смутно Собри даже припомнил это лицо, лицо героического идола в программах видеосети, на обложках глянцевых журналов.

— Садись, Бломоут, — предложил председатель голосом, охрипшим от волнения.

— Немыслимо! — такова была реакция Собри. — В это невозможно поверить!..

— Да. И тем не менее...

— Но какие у нас доказательства? А может, это очередная уловка титанистов? Очередная выдумка?

— Нет, все более или менее точно, — ответил былой аноним. — Информация поступила из двух источников. Титанисты намеренно передали нам ее через своих агентов. И я могу подтвердить факты независимо, просто в силу моего положения в Легионах. Заверяю вас, что замешательство в нашей среде — чепуха по сравнению с тем, что творится там, у них...

Без модификатора голос титан-героя был сильным и звучным, зрелым и тем не менее моложавым.

— Я не очень хорошо понял всю эту научную белиберду, какую вы нам зачитали, — заявил Собри председателю. — Неужели нас уничтожит волна чуждого времени из будущего?

— Не только нас, а всю жизнь на Земле. Если не найдется способов остановить ее.

— И что прикажете делать нам? Я имею в виду Лигу?

— Именно это мы и обсуждали перед твоим приходом, — ответил председатель после паузы. — Что толку отрицать факты: мы считали титанистов параноиками, а события подтвердили их правоту. Нам, землянам, в самом деле угрожает чуждая сила, хоть форма ее оказалась иной. Наши собственные цели представляются теперь мелкими, чтобы не сказать убогими...

— Лига должна объявить о самороспуске и перейти на сторону титанистов, — раздался чей-то голос. — Ведь большинство наших сторонников выйдут из Лиги так или иначе...

— Те, кто не пришел на собрание, вне сомнения, уже предприняли подобный шаг, — уточнил председатель.

Собри был подавлен услышанным. Всерьез говорить об объединении усилий с ненавистными титанистами! Отринуть вековую мечту о расовом равноправии!

— Но как мы можем пойти на это? — запротестовал он. — Мы всегда полагали, что наша миссия священна...

— По-моему, у нас практически нет выбора, — ответил титан-герой. — Речь теперь идет о спасении не только исчезающих подвидов, а всего человечества. Даже я, проживший рядом с титанистами всю свою жизнь и научившийся ненавидеть их гораздо больше вашего, даже я вижу теперь, что спасти нас могут только они. Они последняя наша надежда, и отныне я превращаюсь в образцового титан-офицера...

Собри был не единственным, кого не устроил новый поворот событий. Двое других вступили в спор, яростно обвиняя всех вокруг в предательстве прежних идеалов. Собри подлил масла в огонь:

— А что будет с мутантными подвидами? С амхраками, с урукури, со всеми остальными? Мы что, бросим их на произвол судьбы?

— Как ни жаль, их действительно придется выбросить за борт, — спокойно подтвердил снявший маску титанист. — Их слишком мало, они не стоят особого внимания при кризисе таких исполинских масштабов. На карте — участь всего человечества...

Спор обострялся, голоса звучали все громче. И лица, закаленные в многолетних заговорщических баталиях, все резче отражали решимость их обладателей выступить на той или иной стороне.

Он так и не заметил, когда и почему началась стрельба. Пять пистолетов были выхвачены одновременно. Пуля ударила титаниста в грудь. Тот упал, навалившись на стол, и его красивое волевое лицо перекосилось в искреннем изумлении. Выстрелы гремели не переставая. Председатель попытался было тоже спустить курок, но, раненный в плечо, повернулся вокруг оси, корчась от боли.

Собри, хоть, пожалуй, и поздновато, тоже выхватил пистолет и сразу нырнул под стол — только для того, чтобы увидеть, что все выступавшие с ним заодно лежат на полу мертвые. Рванув рубашку и запустив руку за пазуху, он медленно выпрямился. Как по команде все оружие в комнате нацелилось на него. Тогда он вынул руку и поднял ее над головой с эс-гранатой, извлеченной из подсумка на теле.

— Никому не шевелиться, — прохрипел он сдавленно, — или мы все взлетим на воздух!

Они не сводили с него глаз, а он шаг за шагом пятился к двери. Достигнув ее, распахнул створки од-

ним ударом и бросился бежать по гулким подземельям. Было еще немало белых лиц и разинутых ртов — перестрелку слышали все, но мало кто что-нибудь понимал. Собри размахивал пистолетом, отталкивая встречных и недоумевая, почему же за ним не гонятся. Понадобилось, наверное, секунд двадцать, прежде чем ему удалось добраться до выхода. И он бросился прочь, топоча по темным проходам.

Наконец туннель привел к потайной двери, которая выводила в подвал под заброшенным складом. Собри вывалился на боковую улочку в предместье Саннана, не раздумывая перебрался на более оживленные улицы и остановился у первой попавшейся видеобудки.

На экране появилось лицо Лайеллы. При виде взъерошенного мужа ее глаза поневоле расширились.

— Алло! Что случилось?

— Лайелла, немедленно уходи из квартиры.

Она побледнела, но совладала с собой.

— Поняла.

Он дал отбой и уже мгновение спустя вновь шагал по магистралям, погрузившись в невеселые мысли, взвешивая ситуацию под всеми возможными углами зрения. Им обоим надо уехать из Саннана, и поскорее. Но куда, Боже мой, куда? Все в смятении. Видеосеть уже разнесла кошмарную новость, и что им осталось? Почти ничего.

Он спустился в подземку, но слез, не добравшись до площади Котсин. Остаток пути Собри прошел пешком и опоздал: она уже ждала его, нервничала, переминалась с ноги на ногу, кутаясь в невзрачное коричневое пальто.

— Куда мы пойдем? — спросила она, уставясь на Собри своими круглыми, унаследованными от амхраков глазами.

— К Хорбу Гандатту. Он поможет...

«И все-таки, — внушал себе Собри, — какая-то часть Лиги уцелеет. Самые непреклонные, как мы с Хорбом, не сдадутся никогда. А может, нас останется достаточно, чтобы сохранить некое подобие организации...»

Главное, он был убежден в том, что Хорб достоин доверия и действительно способен помочь. Саннанская ячейка, его родная ячейка, та, которой он руководил, будет, как ни печально, уничтожена полностью. Однако Хорб не принадлежал к ячейке, а был связным и, значит, может подсказать, куда податься.

На площади Лайелла рискнула взять его за руку. Сперва он не обратил внимания, что у начала улицы, одноименной с площадью, собралась небольшая толпа. Не обратил он внимания и на серый фургончик без эмблем или опознавательных знаков, скромно приткнувшийся у кромки тротуара. Но не успели они вклиниться в толпу, как их грубо схватили и поволокли к фургону.

Задняя его стенка была приоткрыта. Внутри сидел коротышка, внимательно изучающий площадь через перископ. И Собри вдруг с замиранием сердца догадался, что они нарвались на новомодную затею титанистов, о которой много говорили, хотя никто не видел ее воочию, — на передвижную расовую станцию. И что коротышка — полулегендарный эксперт, способный выявить мутанта или человека смешанной крови с первого взгляда.

Эксперт оглядел Лайеллу с головы до ног с такой миной, словно она только что искупалась в грязи, и произнес жестко и слегка в нос:

— Это наша пташка, можно не сомневаться. Не понимаю, как ей удавалось не попадаться так долго...

Собри испустил сдавленный крик. Хватило ли бы у него мужества использовать эс-гранату, убив тем самым и себя и Лайеллу, он так и не выяснил. Потому что два титаниста в штатском заломили ему руки, а третий залез под рубашку и выдернул смертоносную игрушку из подсумка.

— Интересно, — пробурчал Лимних. — И вы говорите, Лэрд Аскар до сих пор там?

— Так точно, лидер, — отозвался Хешке.

— Хм... Разумеется, мы всегда предполагали, что среди звезд могут существовать поселения людей, в том числе, не исключается, и мутантов. В записях так называемой эры Пандиш есть указания на подготовку межзвездных полетов — но вам, гражданин Хешке, это, конечно, известно и без меня.

— Так точно, лидер, — повторил археолог, чувствуя себя не в своей тарелке: планетарный лидер Лимних был помешан на сведениях, имеющих отношение к истории Человека Истинного. Хешке встречался с ним не в первый раз и в который раз обнаруживал, что историческим познаниям Лимниха может позавидовать и профессионал.

Его усадили напротив лидера, у массивного стола. А вот Ху Сюменя, который тоже присутствовал на аудиенции, заставили сесть в дальнем углу, под наблюдением двух охранников. Время от времени Лимних, явно недовольный присутствием мутанта в святая святых, бросал в ту сторону подозрительные взгляды.

— Ну и что вы, Хешке, думаете о предложенном чинками плане? Какими скрытыми мотивами они руководствуются?

— Представьте, лидер, я склонен верить, что никаких скрытых мотивов у них нет, — честно ответил Хешке. — Никаких коварных замыслов в отношении Земли они не строят, да и прямого интереса к нашей планете не испытывают. Как ни странно, ими руководит просто-напросто стремление помочь соседу, попавшему в беду.

— Дьявольски хитрые чинки, — заметил Лимних вполголоса, кивнув самому себе, словно получил подтверждение своей догадке.

— Да, мне уже приходилось слышать это выражение, — сухо откликнулся Хешке.

За спиной Лимниха стоял полковник Браск, который держался почти так же, как тогда в кабинете титан-майора Браурна.

— Каковы бы ни были их намерения, — произнес Лимних, — их план на сей раз не удался. Вы, гражданин Хешке, безусловно, отдаете себе отчет, что мы никогда на оставим своего намерения сохранить Землю для Человека Истинного. Сын не отрекается от матери даже ради спасения собственной жизни — какая бы смертельная опасность ни угрожала им обоим. Мы накапливаем силы, чтоб защищать нашу родину. Защита будет тотальной, быть может, отчаянной, но неодолимой. Титан-полковник Браск, присутствующий здесь не случайно, возглавляет формирование Титановых Легионов Хроноса, названных так в честь древнего бога времени. Эти легионы дадут нам возможность наносить удары — да мы уже их наносим — сквозь века. Полковник — лучший свидетель, что нас пока еще не побили.

— Но вы же знаете характер надвигающейся катастрофы! — взорвался Хешке. — Это природная катастрофа, не подвластная никакому врагу! Как вы намерены справиться с подобной угрозой?

— У нас уже есть план, — горделиво ответствовал Браск.

— И что же это за план? Заранее выражаю свое восхищение!..

Невзирая на присутствие высокопоставленных особ, Хешке не сумел удержаться от сарказма.

— Мы ставим целью полностью уничтожить вражескую биосферу. При помощи массированного ядерного удара по будущему мы сотрем с лица Земли всю жизнь, чтобы не выжил ни один микроб. Их временная система связана с наличием жизни — следовательно, с ликвидацией этой жизни ликвидируется и угрожающая нашему существованию временная волна.

Хешке вопросительно обернулся на Ху Сюменя. Но посланец Города- Колбы лишь пожал плечами. Пришлось опять адресоваться к Браску.

— Если вы проведете тысячи ядерных взрывов...

— Сотни тысяч, — уточнил Браск равнодушным тоном.

— ...если вы сделаете это в четырех столетиях от наших дней, что станется, когда мы сами достигнем точки встречи? Или вы полагаете, что мы каким-то образом избежим последствий этих взрывов?

Браск ответил сухой улыбкой.

— Это одна из характерных особенностей явления, которое называется временем. К моменту, когда мы окажемся там, все последствия сойдут на нет — при условии, что мы сумеем ликвидировать враждебную волну времени. А если не сумеем, нам это будет воистину все равно. — Заметив, что Хешке мало что понял, он добавил: — Понимаю, это звучит непривычно, но время, по-видимому, работает именно так...

Хешке опять взглянул на Сюменя, который теперь ответил кивком:

— Он совершенно прав — при том условии, что встречная временная волна действительно будет уничтожена.

— Вы не можете более сомневаться в нашей решимости, — заявил Лимних в своей парадной — негромкой, но сладкозвучной манере. — Быть может, предстоящая борьба станет кульминацией нашей славы. Пусть помнят все, кто осмелится выступить против нас...

Он непроизвольно сжал кулаки, и Хешке словно увидел — да так оно и было на самом деле — как Лимних силком удерживает себя буквально на краю безумия. «Неужели мы раса безумцев? — мелькнула мрачная мысль. — Наверное, да. Наверное, оно и к лучшему, что все потеряно...» И в самой этой мысли он уловил, пожалуй, признаки подсознательной жажды смерти, которая, как однажды выразился Блэр Бломоут, пропитывала всю психологию титанистов.

— Благодарим вас за аудиенцию, планетарный лидер, — сказал он скромно.

— Вы пережили необычные приключения, и это самое малое, что я был обязан сделать, — ответил Лимних с оттенком снисходительности и позвонил в золотой колокольчик. Вошли еще несколько охранников, и он распорядился:

— Этих двоих обратно в Политдворец...

На подземных этажах Политдворца была тюрьма. Хешке и Ху Сюмень занимали две соседние камеры. Путешественников почти довели до цели, когда археолог вдруг замер на полушаге: навстречу, тоже под охраной, вели человека, который показался ему призраком. Спустя секунду он понял, что это не Блэр, а Собри — как-то раз Бломоут познакомил Хешке с братом.

— Бломоут! — окликнул Хешке.

Собри поднял голову в недоумении, потом вяло улыбнулся. Охранники попытались оттащить их друг от друга, но Хешке рассердился:

— Требую, чтобы мне разрешили поговорить с этим человеком! Вам известно, что я не заключенный!

— Это верно, — равнодушно согласился один из охранников. — Гражданин Хешке находится в карантине. И удостоен внимания самого планетарного лидера...

Охранники переглянулись, затем старший принял решение и распахнул ближайшую камеру.

Охранники замерли в дверях, поигрывая дубинками и не спуская глаз со своих подопечных, но археолог уже научился не обращать на них внимания. Он рассказал, как стал свидетелем гибели Блэра. Собри лишь печально кивал: все это он уже знал.

А потом Собри, захлебываясь словами, принялся выкладывать все, что случилось с ним самим: и про свое участие в Лиге, и про подружку смешанных кровей, и про их совместный арест, и про то, как их доставили сюда, в Прадну, в Политдворец.

— Они предлагают мне сделку, — закончил он на горькой ноте. — Им хочется разделаться с Лигой общечеловеческих ценностей раз и навсегда. Если я выдам достаточно членов Лиги, кого они еще не выследили, они оставят Лайеллу в живых и отошлют в резервацию к амхракам.

— А вы могли бы?..

— Наверное, мог бы, но... Господи Боже...

Хешке грустно вздохнул.

— Ну что ж, по крайней мере, они хоть отчасти напоминают цивилизованных людей, — тихо сказал он. — Что-то предлагают, а могли бы просто применить третью степень...

Собри удивленно посмотрел на него и скептически усмехнулся:

— Неужто вы вообразили, что они мучаются угрызениями совести? Их поджимает время, вот и все! Они сейчас заняты сверх головы, камеры пыток в Политдворце-Два перегружены. Пока бы еще очередь дошла до меня, а им не хотелось ждать...

Среди немногих поблажек, каких Хешке добился от титанистов, была та, что их с Ху Сюменем поместили в сопредельных камерах и они могли разговаривать друг с другом. Короткий разговор состоялся у них и после расставания с Собри Бломоутом.

— Мне жаль их обоих, — заявил Хешке. — Положение у них безнадежное — титанисты поступят с ними, как захотят. Запомните, Сюмень, это жестокий мир...

— В любом мире полно своих жестокостей, — отозвался Сюмень.

— Возможно. Так или иначе, я уже слишком стар для тех ролей, какие мне предлагают в последнее время. Я сделал все что мог, а теперь хочу только одного — чтобы меня оставили в покое...

Он лег на койку и закрыл глаза.

— А вы догадываетесь, что план, разработанный вашими друзьями, кончится крахом? — спросил Сюмень. — Они допускают принципиальную ошибку: волна времени не зависит от органической жизни. Все наоборот: биологические процессы — побочный продукт временных систем, а не их причина.

— Ну и что?

— Уничтожение биосферы ничего не даст, волна времени будет продолжать поступательное движение как-ни в чем не бывало.

— Пусть так, — вяло ответил Хешке. — А я-то что могу с этим поделать?

Минуту спустя он заснул.

Лимних засиделся в своем кабинете до поздней ночи, углубившись в генеалогические карточки титан-офицеров, попавших под подозрение. Расовая бдительность применительно к высшим эшелонам земной власти была предметом, достойным его личного внимания.

За окнами шум уличного движения упал до полной тишины, прерываемой лишь изредка жужжанием одинокой машины. В кабинете царил покой. И вдруг Лимних резко выпрямился, задохнувшись от ужаса. В полутьме прямо перед столом стоял мутант – тот самый чинк, которого Хешке притащил с собой из космоса.

Планетарный лидер дрожащей рукой схватился за пистолет и, направив его незваному гостю в живот, пискнул:

– Во имя Матери Земли, как ты сюда попал?

– Потому что дьявольски хитер, – улыбнулся Сюмень.

В действительности войти сюда не составляло труда. Как бы тщательно ни обыскивали его титанисты, они были не в силах обнаружить многочисленные устройства, укрепленные на теле. Приборы были сдвинуты по фазе всего на одну минуту, но этого было довольно, чтоб земляне не нашли ровным счетом ничего. А Сюмень, чтоб воспользоваться любым из приборов, должен был лишь вернуть их из прошлого в настоящее.

Главным среди них был компактный личный временной сместитель, по действию подобный более примитивному и громоздкому прибору, какой был использован при побеге из Зоны Труда. Сюмень сместил себя на минуту в прошлое, взломал замок своей камеры, а затем беспрепятственно вышел из Политдворца. В кабинет Лимниха он проследовал невидимым для часовых и секретарей, а как только попал к лидеру, перевел себя обратно в нормативное время.

Но каким образом объяснить это Лимниху, для которого неожиданное появление чинка должно было смахивать на волшебство?

– У меня есть прибор, делающий меня невидимым, – сказал он небрежно. – Но пожалуйста, не тревожьтесь, планетарный лидер, я не причиню вам вреда. Хочу сделать вам предложение, которое, как мне сдается, может представить для нас с вами взаимный интерес.

Продолжая держать мутанта на мушке, Лимних кое-как сдерживал брезгливость, вызванную самим присутствием этого существа. Он даже потянулся свободной рукой к золотому колокольчику, думая позвать на помощь. Но инстинктивная расчетливость превозмогла отвращение и испуг. Отдернув руку, он откинулся на спинку кресла и, приглядываясь к молодому стройному чинку, пробурчал:

– Продолжай.

– Ваша цивилизация, планетарный лидер, на пороге большой беды, – спокойно произнес Ху Сюмень. – Водородная бомбардировка будущей Земли, которую вы планируете, возможно, уничтожит врага, но и только. Основная проблема не исчезнет – остановить мощный поток встречного времени водородные бомбы не смогут.

Лимних слушал внимательно и, кажется, понимал, о чем идет речь.

– С вашего разрешения, я расскажу вам кое-что про МКО, иначе говоря, про Город-Колбу, – резко сменил тему Сюмень. – Социальная система Города несправедлива, жестока и бесчеловечна. Знаете, почему именно меня выбрали для этой миссии на Землю? Потому что я ренегат, готовый на все, чтобы изменить установленные ими порядки...

– Они вездесущи! – вдруг взорвался Лимних.

– Что? – не понял Сюмень.

– Подрывные элементы. Как черви в яблоке. Любое общество кишит ими... Говори короче, у меня много дел.

– Неужели вы не сознаете, – сказал Сюмень тихо, – что Колба была бы для вас ценнейшим приобретением? Ее огромные производственные мощности вдвое превосходят потенциал промышленности всей вашей планеты. Кроме того, вы можете перенять там новые для вас технологии, а главное – способность управлять временем. – Он показал лидеру гладкий яйцевидный предмет, легко умещающийся в ладони. – Вы думаете, как я стал невидимым и проник к вам никем не замеченным? Я научу вас, как проникнуть в Колбу и захватить ее. При условии, что вы уничтожите господствующую там социальную систему.

Лимних наконец отложил пистолет.

– Но как мы можем захватить вашу Колбу, – спросил он, выпучив глаза, прикрытые круглыми очками, – если она, насколько я знаю, отдалена на многие световые годы от нас?

– И не только. Она отдалена еще и во времени. Но у вас есть космические корабли на ракетной тяге, не так ли? Я покажу вашим инженерам, как оснастить их пространственно-временными двигателями, ведь я и сам, – добавил он между прочим, – опытный инженер. Тридцать-сорок таких кораблей и две-три тысячи хорошо вооруженных солдат на борту – и Колба падет!

Планетарный лидер погрузился в размышления, взвешивая необычное предложение. И ощущал все большее волнение по мере того, как осознавал огромные выгоды, которые оно сулило.

Да, Ху Сюмень совершал предательство исполинских масштабов, но это Лимниха как раз не удивляло. Чинк есть чинк, он следует своим наследственным склонностям, только и всего. Но что немаловажно – информация чинка совпадает с выслушанным ранее докладом Ронда Хешке о звездном городе мутантов.

– Договорились, – коротко бросил Лимних. – Если все пойдет, как ты обещаешь, ты получишь то, чего просишь.

На лице чинка вспыхнула улыбка триумфа, но тут же погасла, стертая обычной бесстрастностью.

– Теперь, когда мы договорились о главном, – сказал Сюмень, – мне, быть может, будет позволено выдвинуть еще одно условие. Ронд Хешке, которого я уважаю как доброго человека, опечален судьбой двух своих друзей, пребывающих ныне под стражей в Политдворце, – Собри Бломоута и Лайеллы Фраук. Не предавайте их смерти – Хешке надеется, что вместо казни вы разрешите им поселиться в резервации...

– Что?! Ты смеешь торговаться со мной? – Лимних действительно разгневался: этот недочеловек еще навязывает ему какие-то условия! – Уж не воображаешь ли ты, что мы зависим от твоей доброй воли? Попробуешь продолжать в том же духе – я прикажу добиться от тебя сотрудничества под пыткой!..

Злобная гримаса исказила лицо лидера: он не шутил.

– Не надо забывать, что мы отличаемся от вас, – холодно ответил Сюмень. – Возможно, я способен выдержать пытки. Вы не спрашивали себя, отчего я иду на такой шаг? Потому что я один из всего моего

народа знаю цену сильным человеческим чувствам. Вот почему я сопереживаю тому мужчине и его подружке в Политдворце — они связаны чувством. Узами сердечного родства. Подобные узы связывали меня с моим отцом, и за это его приговорили к смерти. Уж вы-то, кажется, должны меня понять: вашему народу эти чувства отнюдь не чужды...

Лимних ответил не сразу. И впервые за долгое время в его глазах мелькнул намек на улыбку, почти искреннюю и почти дружелюбную.

— О да, — подтвердил он насмешливо. — Как же мне тебя не понять...

— Есть еще одна проблемка, — нахмурился Ху Сюмень.

— Какая же?

Лимних откинулся на спинку кресла, ощущая себя до странности легко. Физическое отвращение к чинку не исчезло (поначалу лидер не без труда подавлял позывы на рвоту), но теперь к отвращению примешалось какое-то болезненное удовольствие. Ему нравилось вести эти переговоры, в них была пикантная острота, будто он заключал сделку с дьяволом.

— Корабль, доставивший нас сюда, до сих пор находится на орбите вокруг Земли. Он, конечно, засечет военную армаду.

— А разве его нельзя сбить?

— Можно попробовать, но успех сомнителен. А в случае промаха корабль немедленно вернется и предупредит об агрессии. К тому моменту, когда мы доберемся до Колбы, они успеют подготовить оборону.

— Тогда надо убрать этот корабль с дороги. Свяжись с ним и распорядись, чтобы он немедленно возвращался на базу.

— Не выйдет, если на борту не будет меня или Ронда Хешке. Стартовать без нас значило бы нарушить инструкцию.

Сюмень действительно был в растерянности. Однако Лимних не желал утруждать себя деталями и нетерпеливо отмахнулся:

— Значит, пошлем Хешке.

— Но он, вероятно, откажется.

— Я устрою так, чтобы ему захотелось уехать. Ты ведь просил, чтобы его друзей не казнили, а сослали в резервацию мутантов, верно? Ну вот их и сошлют — а он присоединится к ним.

— Простите, не понимаю.

Планетарный лидер ответил усмешкой без тени юмора.

— В ближайшие несколько недель резервации мутантов будут закрыты, а их обитатели ликвидированы. Я позабочусь о том, чтобы Хешке узнал об этом заранее. И тогда он сам слезно запросится, чтобы его забрали на ваш космический корабль.

Сюмень почувствовал тревогу.

— Мне не хотелось бы использовать его, как пешку...

— Все люди — пешки, — пробурчал Лимних. — Перед его отъездом в резервацию отдай ему свое связное устройство. Убеждай его в том, что он должен вызвать корабль, вернуться с кораблем в ваш город и рассказать об успехе миссии. Но помни: ни слова о нашем плане...

Смерив Сюменя оценивающим взглядом, он добавил про себя:

«Может статься, вы, чинки, не так уж дьявольски хитры, как вам кажется...»

Глава XII

Закатное солнце освещало пыльную желтоватую страну, однообразие которой нарушали лишь тонкие деревца и разбросанные там и сям домики из кирпича, а чаще из глины. Ронд Хешке расположился на веранде, примыкающей к одному из ладных бунгало красного кирпича, — и внезапно понял, что унылый пейзаж внушает ему позабытое чувство тишины и покоя.

Амхрак Геррик — владелец бунгало, где остановились Хешке и Собри с Лайеллой, — вернулся домой легкими шагами, характерно покачиваясь всем телом. И вдруг археолог понял, что даже лицезрение чистокровного мутанта не способно более поколебать обретенный в резервации душевный мир.

Поначалу это было для него ужасным ударом. Он испытывал гнев и недоумение: его, уважаемого гражданина с сертификатом расовой чистоты, отправить принудительно в резервацию к мутантам? По какому праву? Но его протесты не возымели действия — ему дали понять, что причина кроется в дружбе с Бломоутами. Ведь и Собри сослали тоже — из-за связи с Лайеллой. Да, первые минуты среди амхраков чуть не обернулись шоком. Если бы не опыт, приобретенный в общении с чинками, он мог бы, чего доброго, сойти с ума.

Но теперь... Геррик взбежал на веранду по ступенькам. Он был абсолютный несомненный амхрак. У него была красная кожа, небольшая шарообразная голова, округлые глаза и диковинные, с отвисшими мочками уши. И тело его отличалось тревожной необычностью пропорций и чрезмерной легкостью движений. И тем не менее все это больше не раздражало Хешке. Без всякого насилия над собой он стал относиться к Геррику как к обаятельному представителю обаятельного народа — тем более, что этот народ, как выяснилось, создал свою культуру, стоящую ныне на грани уничтожения.

— Привет, Ронд, — произнес Геррик с тяжелым амхракским акцентом. — Собри дома?

Хешке ответил утвердительно, и Геррик проскользнул в комнаты без привычного обмена любезностями. А археолог продолжал сидеть, глядя на заходящее солнце и размышляя о том, как ловко амхраки сумели приспособиться к нынешним своим обстоятельствам. В резервации протяженностью около двухсот миль их насчитывалось примерно три миллиона (а когда-то они населяли два континента). Выделенные им земли, как убедился Хешке, были по большей части безводными и непригодными для обработки, но амхраки преодолели эту беду, обратившись к гидропонике. Они организовались в маленькое, но цепкое сообщество, возвели несколько городков и создали скромную промышленность — сплошь мелкую, только для собственных нужд. Увы, для них не составляло тайны, что самое их существование зависит от каприза победителей.

Хешке и раньше знал, что амхраки — технически развитой подвид, но полагал, что они попросту копируют достижения Человека Истинного. В общении с Герриком он сделал удивительное открытие, что они способны не на заимствование, а на подлинную изобретательность. Геррик частенько вспоминал военные времена, когда он, совсем еще молодой ученый, участвовал в последних отчаянных попытках амхраков отбить нападение. Проект, к которому привлекли Геррика и который остался незавершенным, был типичным для его расы: замышлялось создать силовое поле, отклоняющее ядерные боеголовки.

— Да ведь причина, почему вы победили, очень

проста, — говаривал он, адресуясь к Хешке. — В вас есть поразительная способность полностью подчиняться центральной власти и сосредоточивать все усилия в каком-то одном направлении. Наша социальная организация была слишком слабой для того, чтобы выстоять против вас.

— Не могу принять подобного объяснения, — отвечал Хешке. — Если все дело в организации, то почему проиграли лорины?

— Верно, лорины обладали той же способностью, что и вы, даже, быть может, еще в большей степени. Но не забывайте, в войне с лоринами мы выступили на вашей стороне. В одиночку вы бы их не одолели...

На этот аргумент не было ответа. Видимо, поэтому в официальной истории былые союзы с другими подвидами замалчивались, и уж тем более не признавалось, что такие союзы играли важную роль в исходе битв. Учебники твердили однозначно: Человек Истинный отстоял свое первородство в борьбе с несметными жестокими врагами без чьей-либо помощи.

Хешке любил наблюдать за Герриком, когда тот возился с прибором, задуманным давно, — теперь амхрак, используя подвернувшиеся под руку детали, продолжил работу, которую прервала война. Если коротко, Геррик задумал создать систему телевидения, не нуждающуюся в камерах и передатчиках. Открытие заключалось в том, что с помощью специальной аппаратуры, нацеленной практически на любую точку планеты, свет можно преобразовать в радиоволны или волны сверхвысокой частоты, а затем ловить эти волны на особых телеприемниках. Иными словами, можно получать как бы прямо из воздуха картинку того, что творится за сотни миль. Хешке мог часами сидеть рядом с Герриком, колдующим над своим трескучим детищем и время от времени извлекающим на экран неустойчивое, размытое изображение горной вершины или волн в океане. Заказать картинку по выбору никак не получалось — вероятно, это зависело от состояния магнитного поля Земли.

Солнце наконец завалилось за горизонт. Похолодало. Хешке поднялся на ноги, потянулся и вошел в дом. Геррик и Собри сидели за столом, оба трезвые и мрачные, но Собри, как отметил археолог, мрачнее, чем амхрак. Завидя Хешке, Собри поднял голову и высказался:

— Боюсь, у нас плохие новости, Ронд. — И, показав на Геррика, добавил: — Из Прадны...

— Вы до сих пор получаете новости?

— За последние недели, — пояснил Собри, — мы сумели по крупице собрать остатки Лиги, тех, кто не перебежал к титанистам. Мало-помалу наши объединяются сызнова, и благодаря этому мы можем вновь использовать кое-какие источники...

Он замолк. В свое время Хешке был впечатлен быстротой, с какой Собри договорился об их расквартировании в стране амхраков. Уже тогда для археолога стало очевидным, что Лига общечеловеческих ценностей установила с резервациями прочные связи, а затем выяснилось, что Геррик был одним из таких связных.

— Лимних отдал приказ о ликвидации резерваций, — тихо произнес Собри. — Амхракам конец, да и нам тоже...

— Мы всегда догадывались, что рано или поздно это случится, — заметил Геррик без горечи. — Все, что нам остается, — покориться судьбе...

В общем-то и Хешке давно подозревал возможность такого исхода. Пошарив в кармане, он извлек миниатюрный коммуникатор, который дал ему Ху Сюмень. Видимо, и молодой чинк заподозрил что-то неладное — или уловил намек на зреющую опасность. Иначе как объяснить его поведение во время их последней встречи, когда он смущенно и уклончиво убеждал Хешке принять коммуникатор и покинуть Землю?

— Вы можете выбраться отсюда, — обратился он к Собри, положив коммуникатор на стол. — Отправляйтесь в космический город, о котором я вам рассказывал.

— Как крыса, покидающая тонущий корабль? Нет, увольте. Вы, Ронд, конечно, должны уехать. Коли на то пошло, вам вообще нечего было тут делать...

— Представьте себе, я остаюсь, — вздохнул Хешке. — Отнюдь не из героизма, а потому что я и без того повертелся в этом сумасшедшем мире более чем достаточно. Резервация — единственное место, где я чувствую успокоение.

— Ронд прав, — вмешался Геррик. — Раз возникла такая возможность, Собри, ею надо воспользоваться. Не столько, может быть, ради себя, сколько ради Лайеллы.

Собри погрузился в раздумья, потом предложил застенчиво:

— А нельзя было бы взять с собой и амхраков? Ну хотя бы несколько молодых пар?

Геррик покачал головой, усмехнувшись горьковатой усмешкой.

— Последние уцелевшие представители исчезнувшей расы? Не думаю, что кто-то согласится на подобную роль. Мы давным-давно привыкли к мысли, что умрем...

— Я составлю доклад, — сказал Хешке, — и вы отправитесь в Город-Колбу послом взамен меня и Сюменя. В самом деле, надо же им узнать о том, каков ответ Лимниха на их великодушное предложение...

— Как бы мне хотелось, чтобы вы отправились с нами!

— Нет-нет, мне надоело шляться по пространству и времени, с меня довольно. Перспектива смерти меня не пугает — буду отдыхать и наслаждаться жизнью до тех пор, пока сюда не нагрянут Легионы...

Своды огромного подземного комплекса отзывались на лязг и рев машин громовым эхом. Оглядывая производственные просторы с застекленной верхней галереи, Лимних удовлетворенно кивал. Вплоть до этого дня его инспекционная поездка по тринадцати главным предприятиям, вовлеченным в операцию «Столетие», подтверждала дееспособность его администрации.

Сопровождаемый свитой, он вместе с менеджером прошел галерею и через туннель попал в примыкающие пещеры, где тренировались Легионы Хроноса. Здесь рядами расположились обтекаемые военные времялеты, вернее, расположились стартовые устройства, а времялеты высовывались из них, словно не в силах дождаться, когда же их отправят в грядущее.

Из следующего зала доносились гортанные выкрики и топот времялетчиков, занятых физподготовкой. Титан-полковник Браск встретил Лимниха на пороге, отдал ему салют и повернулся к подчиненным, выкрикивая команды и выстраивая их парадным порядком по стойке «смирно». Лимних шествовал неторопливо, задерживался почти у каждого экипажа, осматривая каждого пилота с головы до ног и особо — специальные приспособления, вхо-

дящие в так называемый боевой времялетный набор. А тем временем из соседней пещеры уже просачивался невнятный рев двигателей — десятки машин готовились в рейс.

Наконец Лимних объявил, что доволен. Браск провел его в третью пещеру, где каждый экипаж застыл у своей машины в готовности провести демонстрационный полет. По сигналу Браска пилоты взобрались на борт. Мгновением позже невнятный гул усилился, и времялеты исчезли все разом, уйдя четким строем во вневременье.

— Впечатляюще, — заявил Лимних.

— Будет еще более впечатляюще, — откликнулся Браск, не скрывая того, что тоже доволен, — когда они объявятся во враждебном времени, сполна нагруженные водородными бомбами...

Титан-полковник завел планетарного лидера в свой кабинет, чтобы обсудить кое-какие детали. И тут прозвучал зуммер видеосвязи — вызывали Лимниха. На экране появился желтолицый мутант, чинк Ху Сюмень. Лишь слабая тень былой неприязни мелькнула на лице Браска. Планетарный лидер вовсе не выразил отрицательных эмоций.

— Кажется, лидер, ваша хитрость удалась, — доложил Сюмень. — Звездовремялет космической общины высылал челнок в резервацию амхраков и только что оставил околоземную орбиту.

— Так скоро? — Лимних пришел в недоумение. — Но ведь Хешке еще не мог получить мое предупреждение. Либо у него есть другие каналы информации, либо... либо жизнь в резервации стала ему поперек горла.

И он ухмыльнулся.

— Полагаю, что оттягивать поход более нет нужды?

— Согласен. Я отдам соответствующие распоряжения.

«А что? — подумалось Лимниху. — Работы там всего на неделю-другую...» Двигатели по чертежам чинка уже изготовлены, осталось лишь забросить их на межпланетные корабли и запустить. Солдаты, оружие, снаряжение — все готово...

«Грандиозное будет приключение», — сказал себе Лимних. Он почти сожалел, что не может принять личного участия в походе.

Геррик принес пленку, доставленную по восстановленной связной сети.

— Снято при ликвидации резервации бьюджелов, — он словно извинялся перед Хешке. — Можете не смотреть, если не хотите.

— Показывайте, — отозвался археолог, хоть и почувствовал, что внутри все сжалось.

Геррик включил воспроизведение.

— Пленка получена не совсем обычным образом, — добавил он. — Похоже на то, что ее подбросили нам нарочно.

— Нарочно?

— Вот именно. Словно бы титанисты хотели показать ее нам.

Пленка пришла в движение, по экрану поплыли записи официальных хроникеров — длинные, почти не связанные друг с другом куски шли без сокращений и комментариев. Через несколько минут Хешке мучительно захотелось закрыть глаза.

Ландшафт на экране был сродни тому, что лежал за окном, — голая, безжизненная равнина. Полугусеничные машины титанистов вздымали тучи пыли, по этой пыли их можно было заметить чуть не от горизонта.

Сами бьюджелы были меднокожими и низкорослыми, почти пигмеями, притом находились на довольно низком культурном уровне и, по правде сказать, не слишком далеко ушли от дикарей. Даже в лучшую свою пору они не отличались численностью, и резервацию им выделили совсем крохотную. Перед неумолимыми машинами титанистов они были просто беспомощны, метались туда-сюда и, не умея встретить смерть с достоинством, истошно кричали от ужаса.

Титанисты сгоняли их в бараки и умертвляли уколами или пулями, а трупы сбрасывали в известковые ямы.

Не составляло особого труда представить себе то же самое, только здесь: тучи пыли, отмечающие безжалостный марш ликвидаторов (во время войн, когда они шли по территориям, населенным мутантами, вслед за передовыми частями, их скромно именовали отрядами особого назначения), смертные бараки, равнодушные клерки, проверяющие «охват поголовья» по бесконечным спискам (с бьюджелами было проще — там в списки попадали лишь знатные семьи), санитары со шприцами и врачи, подписывающие пачки свидетельств о смерти.

Судя по лицам, легионеры и не думали наслаждаться выпавшей на их долю миссией — они считали ее неприятной, утомительной и тем не менее необходимой. Было бы куда хуже, если б им велели убивать людей, — а это всего-навсего вредоносные животные.

Но на кой черт титанистам вздумалось подбрасывать пленку амхракам? Чего они хотели? Поиздеваться? Внушить страх? В конце концов Хешке решил, что это выходка какого-нибудь терзаемого злобой и ненавистью чиновника.

А Геррик смотрел пленку спокойно, посасывая табачную скрутку, и казалось, думал о чем-то другом.

Глава XIII

Шу Кунцен и его талантливый ученик Лэрд Аскар почти завершили проверку и подготовку всечувственного передатчика, когда видеофон в дальнем конце обсерватории звякнул колокольчиком вызова. Киберслуга поднес экран — и на них взглянул премьер-министр Вэн Ву.

— Прошу прощения за вторжение, — извинился премьер, — но возникла проблема чрезвычайной срочности. Очевидно, наше решение отправить молодого Ху Сюменя на Землю оказалось ошибочным. Он привел за собой флот завоевателей...

— Вы имеете в виду неуклюжие корабли, вот уже целый час висящие за окном моей обсерватории? — ответил Шу слегка раздраженно. — Я, признаться, думал, что они появились здесь в силу вашей собственной опрометчивой импровизации. К счастью, для ближнего маневра они, кажется, используют реактивные двигатели и не мешают работе приборов.

— Все это целиком и полностью на совести сына Ху Шао и его новых друзей, — заверил ученого Вэн Ву. — Воистину от этой семейки одни неприятности. Агрессоры уже выгрузили через док четыре транспорта солдат, захватили контрольный пост и быстро разгружают остальные корабли. Разве вы не слышите шум? Они крушат на своем пути все, что подвернется...

— Да, конечно, я обратил внимание на неподобающий шум и трижды посылал людей с просьбой, чтобы стало потише, — тон у Шу Кунцена был ледяной. — Но зачем вы решили обратиться ко мне?

— Вы же министр кабинета, — напомнил Вэн Ву. — Нужно собраться на заседание для обсуждения ситуации. Ху Сюмень прислал требование безоговорочной капитуляции.

Будто в подкрепление слов премьера, издалека донесся низкий гул — что-то взорвалось.

— Хорошо, — согласился Кунцен, смиряясь со своей участью. — Прибуду незамедлительно. — Слуга откатил видеофон, и он обернулся к Аскару. — Право, это утомительно. Что, ваши соотечественники всегда ведут себя подобным образом?

— Боюсь, что да, — ответил Аскар кратко.

— Варвары!

— Могу ли я продолжать эксперимент в ваше отсутствие? — вежливо осведомился землянин.

— Да, конечно... Вы все хорошо поняли?

— Понял. Спасибо непревзойденному учителю.

Шу Кунцен удалился. Аскару не терпелось продолжить работу, и он принялся следить за действиями киберслуг, тщательно сверяясь с потоком изящных иероглифических символов, вспыхивающих на мониторе.

Чертовски славно было оторваться, наконец, от канцелярщины. Он давно уже изголодался по настоящему делу.

Титан-майор Браурн стоял на хитроумном пандусе, широком, как рыночная площадь, наблюдая за потоком людей, оружия и амуниции, который беспрерывно лился из ворот дока. Прежде тут были цветочки и кустики, крошечные деревца и яркие ширмы — все это было затоптано или сброшено с дороги, войска наступали стремительно, проникая дальше в город. Непосредственные подступы к доку были взяты под надежную охрану, и к майору час за часом поступали донесения о том, что целые городские районы захвачены без какого бы то ни было сопротивления.

Если так пойдет и дальше, весь город окажется в его руках за один день.

Он уже провел короткую вылазку в захваченные кварталы, и увиденное там подтвердило его ожидания. Другого и быть не могло: загнивание, самое настоящее загнивание. Упадочное искусство, упадочная наука, упадочные обычаи. Чинки были изнеженными, не в меру утонченными, погрязшими в чувственных удовольствиях — весь город являл собой картину разгульной, нецелесообразной красивости. А жители, похоже, просто не знали, как реагировать на вторжение. Они были напрочь лишены здоровой жизненной силы, которая и привела Человека Истинного к величию.

Браурн походным шагом направился к домику у шлюзовых ворот, где расположился его полевой штаб. Чинк Ху Сюмень склонился над подробной картой города, составленной заранее. По мере поступления донесений он закрашивал квадрат за квадратом синим, что означало «захвачено».

В сущности, план операции был в значительной степени разработан лично Сюменем. Его идея сводилась к тому, чтобы взять под контроль весь город, прежде чем хозяева Зоны Покоя соберутся с мыслями и предпримут хоть какие-то активные действия. Он выбрал направление главного удара — перемычку, соединяющую две колбы, чтобы предотвратить отступление в том направлении. Сюменю обещали, что как только завершится захват Зоны Покоя, он поведет небольшой отряд титанистов в Зону Труда. По его прикидкам, жители Нижней колбы должны были оказать ему и новому порядку самый теплый прием.

— Все нормально? — резко бросил Браурн.

Сюмень кивнул, глядя на грузного коренастого майора снизу вверх.

— Все по расписанию...

— Не слишком ли нормально? — рявкнул Браурн. — Я предпочел бы завязать с противником хотя бы небольшой бой...

Сюмень оставил замечание без ответа и продолжал всматриваться в карту, пытаясь сообразить, где могут скрываться Вэн Ву и остальные министры. В дверях показался титан-сержант, ловко отдал салют:

— Мы обнаружили и привели белого человека, сэр.

Браурн выказал неподдельный интерес, однако человека, которого ввели в комнату, он не знал. Пленный был высок и строен, но носил одежду непонятного покроя — как будто земную, только сшитую, вероятно, здесь, в космическом городе.

— Кто вы такой? — пролаял майор.

Человек помолчал, прежде чем ответить нарочито тихим голосом:

— Гражданин Собри Бломоут.

Титан-майор смерил его свирепым взглядом, но сдержался в надежде получить информацию.

— Ну что ж, приятно для разнообразия увидеть в таком месте хоть одно приличное лицо, — сказал он бойко. — Каким же ветром вас сюда занесло?

— Прибыл на чинкском корабле из резервации амхраков.

— Из резервации? Вы что, амхрак? — Браурн даже запнулся от удивления.

— Нет, я не амхрак. Меня сослали по политическим мотивам.

— Понятно. — Браурн поморщился. — По правде говоря, мои люди искали археолога Ронда Хешке и приняли вас за него. Вероятно, он прибыл на том же корабле вместе с вами?

— Нет, — медленно ответил Бломоут. — Ронд предпочел остаться.

Браурн не сумел скрыть огорчения. Собри обвел штабную комнату мрачным взглядом. На мгновение мелькнула сумасшедшая мысль, что титанисты захватили всю Вселенную.

Молодой офицер, сидевший за столом, обернулся к Браурну, а соответственно и к Собри. «Господи, — беззвучно ахнул Собри, — да это же Ху Сюмень в мундире легионера!..» Зрелище чинка со знаками различия титан-лейтенанта было столь занятным, что Собри расхохотался.

Браурн свирепо оборвал неуместный смех и навис над картой. Его войска достигли центра города. Даже если правители попытаются теперь организовать подобие сопротивления, это уже не поможет.

— Прекрасно, превосходно, — прошептал он. — Ну что ж, дело практически сделано...

Сюмень вскочил на ноги и почтительно заговорил:

— Поскольку операция достигла этой стадии, могу ли я просить вас, майор, отпустить меня во главе отряда в Нижнюю колбу? Пора выяснить ситуацию по ту сторону перемычки...

Титанист рассмеялся:

— Сиди и не рыпайся, чинк, некуда тебе торопиться.

Желтое лицо Сюменя исказилось.

— Я не понимаю вас, майор. Планетарный лидер Лимних дал твердое обещание...

— Мы не заключаем договоров с мутантами, — ос-

клабился Браурн. — Иногда вы приносите пользу, как приносят пользу и животные. Ты сделал свое дело, и спасибо, будешь жить...

Он дернул подбородком, подзывая двух топтавшихся поодаль гигантов-охранников. Оба проворно выступили вперед и замерли по бокам Ху Сюменя.

«А мальчишка-то простак, — подумал Собри. — Он же в самом деле не догадывался, с какими подонками связался. Кажется, он даже сейчас не сознает, что такое расизм...»

Действительно, Сюмень пребывал в откровенном недоумении, прямо как ребенок, которого обманули.

— Это... это предательство чистой воды! — лопотал он задыхаясь и покачиваясь, чуть не теряя сознание. — Когда Лимних узнает...

— Лимних, Лимних! — передразнил Браурн и вновь расхохотался громко и язвительно. — Едва ты отбыл, Лимних приказал провести в своем кабинете дезинфекцию!..

— Я же нужен вам, чтобы вас хорошо приняли в Нижней колбе...

— С Нижней колбой мы поступим точно так же, как с этой, и в самом скором будущем! — Будь его воля, Браурн первым делом вторгся бы именно в Зону Труда, но там, увы, не было приемных доков для космических кораблей. Тем не менее он и теперь не предвидел никаких затруднений: раз хозяева трусы, чего уж тогда ждать от рабов? — Если ты еще понадобишься нам, то исключительно как переводчик, — сообщил он Сюменю. — Без переводчиков нам, наверное, не обойтись. — И к охранникам: — Взять его. И этого тоже. Позже я решу, что с ними делать.

На мгновение Сюмень озадаченно замер, а потом произошло нечто удивительное. Он отступил на шаг назад и плавно поднял обе руки к шейным позвонкам охранников. Гиганты, чуть дернувшись, рухнули на пол.

Одним легким прыжком он подскочил к стражникам, стерегущим Собри. Казалось, его руки едва касались их, просто летали взад и вперед, вверх и вниз в причудливом танце. А солдаты, втянутые в танец, корчились в конвульсиях, падали и застывали на полу.

Жители Верхней колбы увлекались искусствами и интеллектуальными упражнениями — обитатели Нижней колбы развивали спорт. Ху Сюмень использовал приемы хока — борьбы, вобравшей в себя тысячелетнее развитие боевых искусств. По сравнению с подлинными мастерами, каких в Зоне Труда насчитывалось немало, Сюмень был всего лишь дилетантом — и все же он мог оглушить и даже убить противника, хоть убивать на ковре было запрещено, мимолетным прикосновением к определенному нерву. Тело того, кто не прошел такой же подготовки, становилось коллекцией уязвимых точек: нажми на любую — и противник повержен.

Браурн выхватил пистолет. Сюмень, в свой черед, одним легким движением достал автоматический «корджел» — ох, как промахнулись титанисты, расценивая присвоенное ему звание как грандиозную шутку и снабжая его всей сопутствующей документацией и амуницией, включая «почетный сертификат расовой чистоты»! Очередное танцевальное движение, легкий наклон, и майор покачнулся от боли, изрыгая проклятья: Сюмень прицелился мгновенно и точно, рука с пистолетом была прострелена.

Притронувшись к спине Собри меж лопаток, чинк резко швырнул его вперед, за дверь. Ничего не соображая и не сопротивляясь, Собри побежал, куда велел Сюмень, — через площадь к пушкам и машинам, которые по-прежнему, покачиваясь на неровностях, выплескивались из ворот дока. Обернувшись, Собри увидел Браурна: майор кое-как доковылял до двери и привалился к косяку.

Сюмень повелительно вскинул руку и остановил легкий грузовичок. Водитель глянул на него с любопытством: он, как и все, слышал о необычном офицере-мутанте. То, что ему голосуют, водителя не удивило ничуть, а Собри он и вовсе не удостоил вниманием. Сюмень подтолкнул Собри в закрытый кузов, сам вспрыгнул следом. Кузов был наполовину заполнен ящиками с боеприпасами. Усесться оказалось нелегко, тем более что грузовичок болтало.

— Отъедем подальше, — шепнул Сюмень, — выскользнем на ходу, а там уж доберемся пешком...

Собри не знал, что сказать. Минут пять они ехали молча, видимых угроз не возникало. Как только исчезла необходимость действовать, Сюмень впал в уныние, обида захлестнула его, как болезнь. Заметив его состояние, Собри попытался вразумить незадачливого изменника:

— Связываться с титанистами — глупее ничего не придумаешь...

— Надеюсь, — сказал Сюмень, — титанисты уйдут отсюда, когда добьются своего...

— Маловероятно. Скорее всего, они попробуют переместить Колбу в Солнечную систему и вывести на устойчивую орбиту. Это дало бы им мощную промышленную базу вкупе с миллионами подготовленных рабов, и они использовали бы ее на всю катушку для борьбы с пришельцами из будущего. Но даже если они решат убраться восвояси, то не оставят в живых никого. По их представлениям, такие, как вы, — позор природы. Диву даюсь, как вы сами этого не заметили.

— Конечно, я не мог не заметить, что они придерживаются какого-то биологического вероучения, — нехотя признал Сюмень, — но никак не думал, что это имеет практическое значение. Мое соглашение с ними было чисто деловым, направленным к обоюдной выгоде. Мне казалось, что для конфликта интересов нет никакой почвы...

— Ну, коль на то пошло, — вздохнул Собри, — все, вероятно, было бы точно так же, к какой бы расе вы ни принадлежали. Титанисты всегда думают только о собственной выгоде и ни о чьей больше...

Сюмень довольно долго молчал, потом сказал, мучительно подбирая слова:

— И все же это еще один пункт в обвинительном заключении против принятого здесь общественного порядка. Меня воспитали в замкнутой системе, и я оказался неспособен приноровиться к многообразию других миров...

— Вашим суждениям не откажешь в остроте, — отметил Собри с полуулыбкой. — Вам нужно лишь не упустить свой шанс. Но куда, разрешите спросить, мы направляемся?

— Раз уж я накликал на этот город беду, самое малое, что я обязан сделать, — попытаться ее исправить. Кто знает, может, удастся еще кое-что спасти...

— Хотел бы я понять, как это у вас получится, старина...

Сюмень снова нахмурился, а спустя минуту выглянул из грузовичка и скомандовал:

— Здесь. Слезайте!

Они легко спрыгнули на ходу и, удержавшись на ногах, кинулись под прикрытие ивовой рощицы. Автоколонна проехала мимо, не притормозив.

За рощицей им открылась колоннада, а к ней с обеих сторон примыкали стены, отделанные розовым деревом. Они прошли под колоннаду и вдоль стен — Сюмень словно повел Собри на неторопливую экскурсию по Зоне Покоя. Собри, до сих пор еще не слишком хорошо освоившийся в Городе-Колбе, увидел много нового. Красота окружения была в известной мере подпорчена вездесущими черно-золотыми мундирами легионеров. Как ни удивительно, приказа о задержании беглецов, повидимому, еще не поступало, и встречные патрульные группы приветствовали Сюменя лихим салютом.

Атмосфера, царившая в городе, казалась какой-то нереальной. Жители, конечно, резко отличались от завоевателей, но не выказывали признаков тревоги. Вокруг титанистов, в поте лица воздвигающих укрепленные огневые рубежи, собирались оживленные толпы, слышались шутки и смех. Если бы Собри не убедился ранее в интеллектуальной силе этих людей, он принял бы их за простодушных детей, не ведающих смысла происходящего.

Наконец они вошли в дом. Собри сперва решил, что здесь ясли: по стенам солнечной комнаты выстроились кроватки, и почти в каждой лежал ребенок. Потом до него дошло, что дети не просто маленькие, а новорожденные. Какого черта? Зачем Сюменю понадобилось завести его в родильный дом?..

К ним вышла молодая женщина, склонила голову, вслушиваясь в то, что Сюмень принялся втолковывать ей вполголоса, быстро и сбивчиво. Вид у нее был попеременно то сомневающийся, то скептический и хмурый, но в конце концов они отправились куда-то вдвоем. Отсутствовали они долго, Собри уже начинал беспокоиться, однако Сюмень вернулся и сказал не слишком внятно:

— Они согласились. Но как же трудно заставить кое-кого поверить, что положение чрезвычайное и требуются чрезвычайные меры! Я уже думал, что придется применить силу...

— Согласились — на что? — не понял Собри, но последовал за Сюменем.

Чинк вывел его в коридор, пропитанный приятными сладкими запахами, и по коридору в зал. Тут тоже стояли кроватки-колыбельки, но на рельсах, а рельсы исчезали в стене. Откуда-то доносился чуть слышный гул.

— Мы скоро будем в Зоне Труда, — наконец-то пояснил Сюмень.

В зал вошли мужчины, сняли с рельсов колыбельки, а на их место водрузили платформу с мягкими креслами. Один из мужчин весело улыбнулся Сюменю:

— Привет! Сколько лет прошло, как эту штуку использовали в последний раз...

Мужчина показал жестом, чтобы Собри уселся в кресло рядом с Сюменем. Землянин повиновался. И вдруг стена, в которую упирались рельсы, взвилась вверх, и перед ними открылся туннель, уходящий куда-то далеко-далеко.

Сюмень сидел, не выражая никаких эмоций. Платформа въехала в туннель. Освещения не было, и вскоре их окутала полная тьма. Платформа шла плавно, не чувствовалось ни заметного ускорения, ни ветерка, однако Собри отметил необычное ощущение, будто его поднимают и сдавливают одновременно. Гул усилился. Минуты через две впереди забрезжил свет. Сначала слабенький, он быстро набирал силу, пока платформа не выкатилась в зал, очень похожий на тот, откуда они стартовали.

И тут Сюмень, вскочив с кресла, возбужденно закричал. Как и на том конце туннеля, персонал состоял из молодых женщин, откровенно удивленных их появлением. Собри не оставалось ничего другого, кроме как броситься за чинком в соседнюю комнату. Где-то поблизости заливались плачем совсем крошечные, грудные малыши.

Однако в комнате, где очутился Собри, младенцев не было, а было множество приборов и контрольных панелей, расположенных полукругом перед креслом оператора. Сам оператор тоже присутствовал, только одет он был не в пышные шелка, к каким Собри привык в Зоне Покоя, а в простой синий комбинезон.

Без долгих разговоров Сюмень вышвырнул оператора из кресла и принялся сосредоточенно возиться с приборами. Оператор скулил на полу, даже не пытаясь подняться. Нескончаемый гул на самой границе слышимости вдруг оборвался. Тогда Сюмень с довольным видом вытащил свой пистолет и несколько раз выстрелил в главный переключатель, тем самым запечатывая его если не навсегда, то надолго.

Две колбы были теперь полностью разъединены во времени, их не связывали более темпоральные переходы. Если бы титанисты прорвались в Зону Труда через туннель, по которому только что проехали Собри с Сюменем, или проникли сюда по любому иному пути, они попали бы лишь в пустое, никем не населенное будущее.

Сюмень наконец обратил внимание на оператора, с которым обошелся столь круто.

— Пошли! — распорядился он. — Необходимо встретиться с менеджерами Нижней колбы, и немедленно.

. . .

— Мы захватили правящую клику, сэр.

— Превосходно! Дайте-ка я погляжу на них...

На экране появились десятка полтора старцев с бесстрастными лицами, свисающими усами и шелковистыми бородами, разодетых в шелк и атлас. Поглядев на них, Браурн осведомился недоверчиво:

— С чего вы взяли, что это правящая клика?

Моложавый энергичный капитан ответил:

— Они сами признали это, сэр. Еще мы нашли устройство вроде компьютера, знающее несколько земных фраз.

— Несколько — это сколько?

— Боюсь, сэр, недостаточно для успешного допроса.

— Понятно. Ладно, заприте их где-нибудь вплоть до дальнейших распоряжений.

— Слушаюсь, сэр.

Капитан щелкнул каблуками, отдал салют и прервал связь. Браурн отодвинулся от экрана, осторожно массируя раненую руку, уложенную на перевязь. Много ли толку от задержанных, если с ними невозможно потолковать! Он выругался, кляня себя, что позволил ускользнуть Ху Сюменю. Видимо, ошалев от боли, он не задумался о последствиях, даже не отдал приказа организовать погоню или розыск. Казалось, к чему затевать пустые хлопоты? Ведь чинк первым делом избавится от мундира — совершенно то же самое, как если бы он напялил шапку-невидимку. Этих чинков, хоть

плачь практически не отличишь друг от друга.

«Нет, погоди, есть еще одна возможность», — напомнил себе Браурн. Где-то здесь в городе находится Лэрд Аскар, и рано или поздно его обнаружат. По всем данным, Аскар — субъект трудновоспитуемый и неуравновешенный, в предполетном инструктаже говорилось даже «не заслуживающий доверия», но местный язык он очевидно знает.

Видеокоммуникатор снова заверещал.

— Майор Браурн у аппарата.

На экране возник титан-инженер с серьезным лицом.

— Донесение от разведгруппы, посланной в Нижнюю колбу, сэр.

— Слушаю.

— Они сообщают, что колба покинута. Забита заводами и мастерскими, но ни одной живой души.

— Колба покинута? Вы уверены, что мутанты не попрятались где-нибудь?

— Не похоже. В любом случае там пока никого не нашли.

— А может, этот гнусный чинк просто наврал, — предположил Браурн. — Может, заводы действуют автоматически и рабочие просто не нужны?

— Может быть. Но опять-таки не похоже. В настоящий момент там не вертится ни одна шестеренка. И наблюдаются признаки разрушения, как если бы весь комплекс был покинут лет пятьдесят назад.

Браурн задумался.

— Что-то тут не вяжется, — сказал он вслух. — Совсем не вяжется. Постойте, разве не было каких-то сведений о том, что две половины города не совпадают во времени?

— Наши люди без всяких помех прошли по туннелю длиной примерно в треть мили, — ответил инженер. — Но есть и другие средства сообщения. Есть, например, сортировочная станция, куда прибывает продукция, произведенная внизу. Я разберусь...

— Разберитесь. И держите меня в курсе дела.

«Вот когда, — подумалось майору, — этот самый Аскар пригодился бы по-настоящему...»

Аскар буквально дрожал от возбуждения.

За последние недели Шу Кунцен рассказал ему много интересного о Косвенной Сущности, которая однажды чуть не уничтожила Город-Колбу. Аскар умолял, чтобы ему тоже было дозволено навестить этот диковинный интеллект с помощью всечувственного передатчика, но Шу убедил его отложить эксперимент.

И Аскар, набравшись терпения, трудился под руководством старого ученого, познавал и размышлял. Шу упоминал мельком, что Косвенная Сущность способна управлять силами далеко за пределами человеческих знаний. Это не биологический интеллект, к тому же она не привязана к определенному небесному телу; в ответ на расспросы земного физика Шу уточнил, что Сущность имеет материальную основу, но какова в точности ее природа, люди так и не разобрались.

И надо же случиться такому! Как раз когда совершенствование передатчика близилось к завершению, титанисты добрались до Межзвездной космической общины и захватили ее. Шу, невозмутимый как всегда, разрешил ученику продолжать работу и удалился. Аскар все еще оставался землянином в той мере, чтобы поражаться безмятежности здешних обитателей перед лицом любых, даже самых тяжких испытаний (впрочем, Шу как-то высказался в том смысле, что звездные чинки стали дилетантами во всем, даже в образе жизни). И все же он старался перенять у учителя и эту черту. Титанисты, облегчая себе продвижение в глубь Колбы, крушили квартал за кварталом — и тем не менее он не бросал работу, пусть взрывы грохотали все ближе и ближе к обсерватории.

Но вот уже полчаса, как внешние звуки угасли. По всей вероятности, Зона Покоя теперь целиком во власти титанистов, а значит, скоро они начнут ломиться и в двери обсерватории. Надо спешить, надо успеть нанести визит Сущности прежде, чем это произойдет. Можно не сомневаться, что другой возможности уже не представится.

И ведь им руководило не только интеллектуальное любопытство. Не так давно он спросил Шу Кунцена, далеко ли ушла Косвенная Сущность в познании законов физической Вселенной. Шу задержался с ответом и в конце концов сказал, что Сущность располагает знаниями, сопоставимыми, как он выразился, «с вашими представлениями о древних богах».Так что Аскар подготовил для этой всезнающей и всемогущей Сущности несколько вполне определенных вопросов.

Он осмотрел массивные, поблескивающие, гудящие кубы преобразователей временной энергии, бесцеремонно занявшие весь центр обсерватории. По самой скромной оценке, на их изготовление ушло года два — и тем не менее заказ был доставлен через час после того, как Шу отправил чертежи. Воистину в распоряжении ученого были неограниченные ресурсы, и пользовался он ими так беззаботно и даже легкомысленно, что Аскар не уставал изумляться. Шу Кунцен заказывал новое оборудование, вообще не задаваясь вопросом о трудоемкости производства, а если что-то не ладилось, готовил чертежи во множестве вариантов и требовал рабочих образцов в соответствии с каждым из них. Любая из его бесчисленных (и подчас вздорных) идей должна была быть немедленно воплощена. Склады обсерватории ломились от машин, многие из которых не включались ни разу, а другие после двух-трех поспешных опытов бестрепетно отправлялись в металлолом.

Киберслуга выкатился на позицию готовности у пульта. С бьющимся сердцем Аскар вошел в прозрачную сферу. Как только он опустился в кресло, люк захлопнулся и все погрузилось во тьму. Передатчик, подхватив его чувства, выбросил их за пределы определимого времени в направлении, какого не нашел бы никакой компас.

Поначалу вокруг были только тишина и темнота. И вдруг прямо из темноты раздался голос:

— Я здесь. Ты звал меня. Чего ты хочешь?

Голос, хоть и громкий, звучал ровно и доверительно. Мерещилось, что говорящий произносит слова, склонившись к самому его уху. Голос как бы взрезал глубокую тишину, но за этой тишиной Аскару чудился не то легкий посвист, не то шорох наподобие фона, какой иногда сопровождает радиопередачи.

— Хочу тебя видеть, — произнес Аскар в темноту.

— Каким ты хочешь видеть меня?

Физик не сразу понял вопрос, потом откликнулся:

— Хочу видеть тебя, как ты есть.

— Хорошо. Вот наша физическая реальность.

Перемена была резкой до жестокости. Аскар внезапно очутился в наполненной шумом галерее. Он стоял на коленях, поскольку высота галереи была всего около четырех футов. По бокам в обе

стороны лежало примерно такое же свободное пространство, зато вдаль галерея уходила, казалось, в бесконечность. А справа, слева, сверху, снизу были точно такие же галереи, их было огромное множество, одну галерею от другой отделяли металлические решетчатые каркасы. И внутри каркасов...

Он присмотрелся внимательнее. Насколько он мог судить, это были машины – другого слова он просто не мог подобрать. Галереи являлись по сути направляющими для грандиозного машинного процесса, для каких-то звяканий, вращений и перемещений в последовательности невообразимо сложных операций. Аскар находился в центре рокочущей, забитой механизмами фабрики исполинских размеров, в индустриальном аду.

– Это сконструировано тобой? – задал он вопрос в пустоту.

– Нет, – последовал немедленный ответ, ясно различимый, несмотря на оглушающий грохот. – Это мы – малая частица меня. Все это возникло сразу и окончательно как результат временных процессов. Я – мы не имеем биологической природы.

Аскар ощутил, что его понесло вперед. Пол под коленями, если это был пол, не оказывал сопротивления движению, горячий ветер хлестал по лицу. Бессчетные галереи неслись мимо смутными мазками, а он все набирал и набирал скорость, он обратился в стрелу, летящую в стесненной решетками бесконечности.

И вдруг, без предупреждения, стрела достигла цели и застыла на месте. Машинный ад остался позади, высился за его спиной как сплошная стена. Нет, не совсем сплошная – физику Аскару она напомнила, пожалуй, кристаллическую решетку.

Он был теперь на краю исполинской бездны, в глубине которой что-то бурно кипело, выбрасывая облака едких испарений, обжигающих кожу. О ширине бездны можно было только гадать. Аскар двинулся по кромке этой преисподней, пока не уперся в преграду – еще одну стену из плотно спрессованных псевдомашин. Только на сей раз стена не была изрезана сотами галерей, а казалась непроницаемой глыбой – нет, в ней проглядывали какие-то щелочки, но такие узкие, что втиснуться туда было бы невозможно.

Он посмотрел вверх, привлеченный сильным ритмическим гулом. С неба, если это было небо, наискось спускалось нечто вроде движущейся ленты или транспортера, как у ротационных печатных машин. Транспортер ревел, летя куда-то с невероятной скоростью.

– Возможно, тебе будет удобнее встретиться со мной в ином окружении, – предложила Косвенная Сущность.

Все исчезло. Аскар сидел в комнате довольно скромных размеров. Стены были бледно-голубыми, карнизы белыми. Из невидимого источника падал свет, лучистый, почти солнечный. Перед Аскаром стоял полированный ореховый стол.

Открылась дверь, появилась молодая женщина, вошла и села напротив. Кожа у нее была голубая и отливала серебром, на губах играла легкая улыбка. Глаза были ярко-синими, но смотрели куда-то поверх Аскара, словно не видели ничего вообще.

– Добрый день, – произнесла она звучным приятным голосом. – Так лучше, не правда ли?

Аскару понадобилась добрая минута, чтобы прийти в себя.

– Но ведь это не ты, на самом деле ты выглядишь не так, – вымолвил он наконец.

– Верно.

Аскар был слегка разочарован.

– Значит, это просто иллюзия, спроецированная на всечувственный передатчик? Я преодолел такое расстояние не затем, чтобы любоваться иллюзиями.

– Не впадай в ошибку – это не иллюзия. Окружение сконструировано как физическая реальность и лишь затем на нее спроецированы твои чувства.

Аскар помолчал, обдумывая новый вопрос.

– Иногда ты говоришь «я», иногда «мы». Кто же ты, индивидуальность или сообщество разумов?

– Я не единица и не множество, – отвечала Косвенная Сущность. – Описать мою природу нельзя ни с помощью «я», ни с помощью «мы».

– Так что же ты такое?

Женщина наклонила голову, взор ее ушел куда-то за стены комнаты, а меж бровей наметилась тонкая насмешливая морщинка.

– Возможно, данное окружение, – предположила она, – смущает тебя не меньше, чем прежнее. Сделаем еще одну попытку. – Женщина поднялась и показала жестом на дверь за спиной Аскара, которая распахнулась сама собой. – Пожалуйста, пройди дальше по коридору. Там приготовлена другая комната.

Аскар бросил на серебристо-голубую женщину долгий взгляд, но одолел сомнения и повиновался. Поначалу коридор показался ему серым и невыразительным, ни окон, ни дверей. Коридор тянулся вдаль ярдов на двести и поворачивал, а может, заканчивался тупиком. Но едва Аскар сделал несколько шагов, его стали преследовать странные миражи. Боковое зрение подмечало сводчатые проходы, где среди зеленых стеблей и трепещущей листвы бесшумно двигались рыбообразные туши. Но едва он поворачивал голову, вглядываясь в наваждение, на месте сводов и рыб оказывалась голая стена.

Потом его посетило еще более странное чувство, что ускользающие рыбины плавают не где-то снаружи, а в глубинах его собственного мозга. Однако через тридцать-сорок ярдов миражи прекратились. В ту же минуту коридор стал понемногу изменяться: он уже не казался таким невыразительным, он выглядел знакомым. И вдруг Аскар застыл как вкопанный: в стене была дверь с выведенным по трафарету номером 22.

Не веря глазам своим, он огляделся. Впереди коридор раздваивался, и на развилке торчал указатель со стрелками, перечисляющими разные отделы и подотделы. Он еще внимательнее присмотрелся к двери под номером 22, узнавая царапины, узнавая прыщики на краске...

Это был коридор Сарнского полигона! Или безупречно точная его копия.

С бьющимся сердцем он отворил дверь. Уютная комната-каюта с койкой, креслами и столом, на котором громоздились конспекты и отчеты, а поверх всей груды – толстый блокнот для заметок. У левой стены – книжный шкаф с небольшой, тщательно подобранной библиотекой специальной литературы. Его собственная комната, его убежище, где он провел без малого пять лет!

Он тихо притворил дверь и опустился в свое любимое кресло, отдавая себе отчет, что Косвенная Сущность, по-видимому, выудила все подробности обстановки из его собственной памяти.

Над дверью висел миниатюрный динамик – на Сарнском полигоне он служил для оповещений и

вызовов персонала. Косвенная Сущность воспользовалась им для общения.

— Отвечаю на твой вопрос, — прозвучал первоначальный мужской голос. — Тип сознания, каким я располагаю, нельзя назвать ни индивидуальным, ни групповым, ни сообществом индивидуальностей. На понятном тебе языке я, пожалуй, добьюсь максимального приближения к истине, если буду именовать себя не «я» и не «мы», а просто «здесь». Впредь я так и поступлю, присвоив себе имя «Здесь».

Аскар помолчал, обдумывая услышанное. Сущность прибегла к хитрой уловке, которая, несомненно, увенчалась успехом. Он действительно ощущал себя гораздо раскованнее, сидя в собственной комнате. Еще чуть-чуть, и он мог бы вообще забыть, что это не Сарнский полигон.

— Раз уж ты читаешь мои мысли, — произнес он, — то ты давно осведомлен, о чем я хотел спросить. Скажи, много ли ты знаешь о Земле?

— Здесь знает о Земле все, — отвечала Косвенная Сущность.

— Ты приобрел эти знания, читая мои мысли?

— Нет. Здесь узнал о Земле много ранее.

— Следовательно, ты знаешь и о том, что должно там произойти?

— Да, знаю.

— Остается спросить, — Аскар приложил все силы, чтобы голос не дрогнул, — существует ли способ изменить направление потока времени или остановить его? Есть ли в принципе возможность избежать столкновения?

Косвенная Сущность не дала немедленного ответа. Вместо слов из динамика полилось густое, мощное гудение. Вселенная вокруг Аскара взорвалась, и он выплыл в первозданную пустоту. А вокруг него поплыли призрачные формы всех цветов и размеров, то вспыхивая в поле зрения, то уносясь прочь, как искры.

Тело его вытянулось, как струя дыма на ветру, оно удлинялось и удлинялось до бесконечности, и это продолжалось долго, неимоверно долго. И внезапно кончилось — он опять сидел в своем любимом кресле посреди уютной комнаты-каюты.

— Вы, — изрекла Косвенная Сущность, подчеркнув местоимение «вы», — не можете сделать ровным счетом ничего.

Когда солдаты Браурна ворвались наконец в пространственно-временную обсерваторию, они нашли Лэрда Аскара все еще сидящим в прозрачной сфере всечувственного передатчика.

Попыхтев минут десять, они ухитрились открыть люк. Аскар, судя по всему, даже не видел их. Он сидел в прострации, бормоча что-то невразумительное, и не оказал сопротивления, когда его подхватили под руки и поволокли прочь.

— Кажется, это он, — сказал сержант. — Но, сдается мне, эти технические игрушки довели его до умопомрачения.

— Может, он свихнулся, решая чинкскую головоломку, — брякнул один из солдат.

— А? Что такое? — Аскар начал приходить в себя и воззрился на бойца суженными, как у чинка, глазами.

— Вывести его отсюда, — распорядился сержант. — Майор Браурн приказал доставить его в штаб без промедления.

Аскара вытащили из обсерватории. И в этот момент послышалось нечто столь неожиданное, что солдаты замерли без команды и в недоумении уставились друг на друга. Вот уже несколько часов в городе царила тишина — и вдруг где-то вдалеке вспыхнула и загрохотала, не ослабевая ни на минуту, ожесточенная перестрелка.

Хешке принял от соседа табачную скрутку и вдохнул ароматный дым с особым, подчеркнутым наслаждением.

Это была прощальная вечеринка — прощальная в самом полном смысле слова. Они знали, что титанисты вторгнутся в резервацию завтра и уж никак не позже чем послезавтра. Вот Геррик и решил собрать друзей, чтобы, как он выразился, отметить последний день некогда преуспевающей расы.

Обстановка была нисколько не напряженная и, как ни парадоксально, почти праздничная. Хешке поневоле восхищался хладнокровием, с каким амхраки относились к неотвратимому. Мелькнула странная догадка, что дело именно в неотвратимости, что именно она внушает людям такое достоинство. Если бы оставалась хоть тень надежды, это могло бы привести к панике...

Разговор шел по преимуществу на амхракском, которым Хешке владел еще не слишком хорошо. Однако из вежливости хозяин и гости довольно часто обращались и к веролийскому — главному языку Человека Истинного, общему для всей Земли, — и Хешке никоим образом не чувствовал себя ущемленным.

К нему подсела девушка, стройная, как истая амхрачка, и принялась болтать, прихлебывая вино, — недавно в резервации научились его синтезировать, и продукт получался отменный.

— Вам, наверное, показалось скучно в нашей деревушке после Прадны, — щебетнула она с улыбкой.

— Да я на самом-то деле вовсе не из Прадны, — ответил он. — Я провел большую часть жизни в полевых экспедициях, раскапывая инопланетные развалины. А Прадна, по правде говоря, пренеприятное место. Здесь мне нравится гораздо больше... невзирая на то, что грядет.

И еще не договорив, он испытал дурнотное ощущение, что совершил непростительную бестактность. Может статься, эти люди ввели жесткое табу на разговоры об... этом — из суеверия он даже для себя не уточнил, о чем. Но девушка рассмеялась совершенно естественно и как ни в чем ни бывало полушутя ответила:

— Ну, значит, в Прадне и впрямь мерзко, если наша участь и то предпочтительней...

Геррик распахнул двойные двери, ведущие в мастерскую, и принялся колдовать над своим телевизором, не нуждающимся в передачах. Чтобы скрыть замешательство, Хешке присоединился к нему и минут пять безмолвно наблюдал, как Геррик лазит по диапазонам, выискивая четкие картинки. Сегодня их удавалось поймать больше обычного.

— Проводимость атмосферы нынче редкостная, — не без удивления объявил амхрак. — Сигнал чистый и сильный. Вот, полюбуйтесь, пожалуйста...

В большинстве своем картинки были как бы сняты с птичьего полета. На этой виднелись окраины среднего по размерам города — именно среднего, а не большого, о чем красноречиво свидетельствовал характер застройки. Судя по положению солнца, было послеполуденное время.

— Узнаете? — поинтересовался Геррик.

Хешке отрицательно качнул головой: таких го-

родов он знал сотни, все они походили друг на друга.

Картинка не качалась и не расплывалась, напротив, была на редкость устойчивой, а Геррик еще повозился с регулировкой и добился качества, близкого к коммерческим стандартам.

— Наконец-то у меня получилось что-то толковое, — произнес он грустно. — Какая жалость, что об этом теперь... Господи, что такое?..

Кадр сохранял устойчивость и яркость, но отдельные его элементы тускнели и гасли. На глазах Геррика и Хешке — и других, потому что археолог смутно чувствовал, что и остальные гости поглядывают на экран ему через плечо, — все здания на картинке словно расплавились, и на их месте оказалась лишь голая земля. И не только здания — куда-то пропала и кучерявая рощица, и полоска травы. Исчезло все, кроме сухой безжизненной почвы.

— Что-то с приемником? — осведомился Хешке.

— Не понимаю, — проворчал Геррик. — Конечно, есть телевизионные системы, способные дать подобный эффект. Если используется банк памяти, чтобы держать в кадре постоянные элементы, то и картинку можно создать или разрушить как бы по частям. Но у меня-то здесь простое построчное воспроизведение! Присмотритесь — ведь там, где стояли дома, видны выемки. Будто город просто растворился в воздухе...

Хешке выбрался из мастерской, предоставив Геррику мозговать над своим аппаратом в одиночестве.

Выйдя на веранду, археолог по привычке окинул взглядом окрестную пустыню. В ночном небе отражались странные мерцающие огни, будто за горизонтом играли молнии.

Вернуться к Браурну в штаб оказалось не так-то просто.

Они проехали с полмили в бронированном грузовичке — пользоваться общественным транспортом титанисты считали ниже своего достоинства — и попали на одну из главных магистралей, расчищенных новыми хозяевами Колбы специально для быстроты маневра. Теперь автострада гремела односторонним движением — в сторону разрывов и выстрелов, в сторону перемычки, отделяющей одну половину города от другой.

Лица у легионеров, взгромоздившихся на шаткие броневички, были дикие, и по этим лицам можно было судить, что ситуация отчаянная, если не хуже. Туземцы не показывались, вероятно, в страхе попрятались по щелям: титанисты, когда им приходится туго, свирепеют до садизма. В критических обстоятельствах титан-солдат не задумается застрелить любого, кто имел неосторожность хотя бы высунуться, не то что стать на его пути.

— Святая Мать Земля, что происходит, сержант? — спросил один из конвоиров.

— Должно быть, что-то серьезное. — Сержант пожевал губами. — Может, чинки добрались наконец до своих укреплений... — Он подтолкнул локтем водителя. — Наша задача — доставить этого типа в штаб. Дождись первой бреши в потоке, переберись на ту сторону, а дальше по боковым проездам...

Через несколько минут они пересекли магистраль и продолжили путь по опустевшим ярусам, галереям и площадям.

— От этого чертова города у меня мороз по коже, — пожаловался кто-то. — Как я был бы счастлив вернуться в Прадну живым и здоровым!

Впереди показался боевой пост. Охрана приказала грузовичку остановиться.

— Туда нельзя, — объявил капрал, — дорога перерезана.

— Кем?

— У чинков нашлась наконец армия, — флегматично пояснил капрал. — А больше ничего не разберешь...

Внезапно пулемет изрыгнул короткую прерывистую очередь.

— Да вот же они! — заорал стрелок.

Сержант покопался в грузовичке и вытащил короткоствольный автомат. Теперь он тоже увидел противника — чинки перебегали бульвар, укрываясь за деревьями. На них была грубая синяя форма и шлемы, похожие на колпаки с широкими полями.

Он отдал приказ — и бронированный грузовичок двинулся по бульвару малым ходом, а солдаты открыли огонь сквозь лобовые и бортовые щели. Сам он остался с пулеметчиками, укрылся за бруствером и припал на колено, сжимая автомат.

И тут, с полнейшей внезапностью, чинки обрушились на них, окружили их с флангов и с тыла, будто спрыгнули с неба, — но ведь в Колбе и неба-то не существовало...

Титан-майор Браурн уже понял, что совершил тактическую ошибку, передислоцировав свой штаб из тесного домика у шлюзовых ворот в роскошный особняк в центре города.

В тот момент такое решение представлялось вполне обоснованным. Город был взят. Майору был нужен административный центр, и район дока для этого просто не годился.

Но когда из Зоны Труда, которую его разведчики нашли вымершей, хлынула огромная, хорошо обученная и дисциплинированная армия, все изменилось. Браурн не догадывался, откуда она взялась, однако при данных обстоятельствах с объяснениями можно было и повременить.

Как только стало ясно, что армия чинков являет собой серьезную угрозу, он сразу задумался, не стоит ли отступить обратно к доку, чтобы в случае необходимости укрыться на дрейфующих вблизи Колбы кораблях. И с гневом узнал, что док был одним из первых объектов, атакованных и захваченных врагом. Легионеры неоднократно пытались отбить док, но без успеха.

Рапорты, поступающие отовсюду, были один хуже другого. Противник располагал подавляющим преимуществом, и никакие отчаянные меры не помогали восстановить контроль за ходом боевых действий. С помощью какого-то устройства проклятые чинки могли появляться где и когда угодно и исчезать, как тени, с легкостью проникая за любые оборонительные рубежи. Настоящего оружия у них почти не было — легкие пистолеты да ножи, но чаще всего они сражались голыми руками, применяя приемы не менее смертоносные, чем пуля или лазерный луч.

Вне себя от гнева, Браурн выслушивал безотрадные сообщения о том, что его войска оставляют район за районом, что враг появляется одновременно в самых разных местах и противостоять ему невозможно. С силой стукнув по селектору, он вызвал всех подчиненных командиров. И то сказать, вот уже минут десять они наперебой требовали новых инструкций.

— Стреляйте по всему, что движется! — прорычал он. — Поняли меня? Убивайте всех без разбора!

— Кажется, мы с вами где-то встречались? — осведомился Лэрд Аскар, озадаченно щурясь на белого человека в форме Нижней колбы.

— Собри Бломоут, — улыбнулся тот. — Мы встречались дважды, и всего несколько дней назад. То есть для вас прошло несколько дней, а для меня больше года...

— Да-да, совершенно верно, — пробормотал Аскар. — Вы тот, кто прибыл на корабле с Земли вместо Ронда Хешке. Извините, у меня нет памяти на лица. — Он беспечно махнул рукой: ничего, мол, не попишешь. — Стало быть, титанистам так и не удалось переделать тут все по-своему?

Собри позволил себе не скрывать торжества.

— Они до сих пор не возьмут в толк, что на них свалилось и откуда. Но вы-то, конечно, знаете, в чем секрет успехов Нижней колбы: на любую работу там тратится столько времени, как если бы продукцию требовалось представить через пять минут. На подготовку нашего контрудара мы затратили всего год, а при необходимости могли бы и лет двадцать пять...

— Я так и думал, что случилось что-нибудь в этом роде, — сказал Аскар.

— Помните молодого человека по имени Ху Сюмень? Титанисты притащили его с собой. Для них было бы лучше бросить его на Земле — он выключил туннель между колбами, и они никак не могли попасть в Зону Труда, по крайней мере в ее нормативное время. Допускаю, что рано или поздно они додумались бы проникнуть туда на звездовремялетах, но мы ударили по ним прежде, чем они начали догадываться, что происходит. По времени Зоны Покоя прошло чуть больше часа — а Сюмень и я уже вернулись с вооруженной и обученной армией!

Аскар хмыкнул.

— Кто-то из приближенных Лимниха свалял дурака. Хоть это теперь уже не имеет значения... — Он потянулся. Его отделили от конвоиров-титанистов и разместили в довольно удобном доме, предназначенном, по-видимому, для задержанных высокого ранга. Визит Бломоута явился для него, однако, полной неожиданностью. — Да, теперь я вспомнил вас, — произнес он. — Вы революционер и к тому же сумасброд. Защитник мутантов. Словно они в вас нуждаются...

— Считайте как вам угодно. Только я не один такой: Ху Сюмень — того же поля ягода. Думаю, что здесь грядут серьезные перемены...

— Если вы рассчитываете, что рабочие из Зоны Труда поднимут мятеж против Зоны Покоя, забудьте об этом, — заявил Аскар.

— Ну что ж, посмотрим. Сюмень — личность выдающаяся, хоть и своеобразная. Каких впечатляющих результатов он добился в Нижней колбе как организатор, и всего за год! И мы спасли весь город!

— Рабочие Нижней колбы с удовольствием подчиняются любому организатору. Это еще ничего не значит, — парировал Аскар и зевнул. Он почувствовал, что устал. — Так вы говорите, что спасли город? Преклоните колено передо мной, мой друг. Потому что вы видите перед собой человека, спасшего всю Землю.

— Что? — недоуменно спросил Собри, но его прервал звонок. Явился Ху Сюмень, презрительно глянул на Аскара и обратился к Бломоуту:

— Все идет хорошо. Колба в наших руках, остались лишь мелкие очаги сопротивления. И к тому же нам удалось найти, куда земляне заточили членов кабинета министров Зоны Покоя. Их вот-вот доставят сюда.

— Прекрасно! — энергично вмешался Аскар, словно и не уставал. — Поскольку заварушка окончена, я полагаю, что мой учитель Шу Кунцен может теперь вернуться в обсерваторию и заняться действительно важными делами. И я, с вашего разрешения, хотел бы составить ему компанию.

— О, теперь я узнал вас, — сказал Сюмень. — Вы тот самый, кто предпочел заниматься абстракциями, отказавшись от попыток помочь своему народу. Ступайте куда хотите, ради Бога. Здесь от вас все равно никакой пользы.

«А ведь молодой человек посуровел, — отметил про себя Аскар. — Год, прожитый им после возвращения, изменил его...»

— Погодите! — вмешался Собри. — Что вы такое говорили недавно о планете Земля?

Аскар с упрямым видом скрестил руки на груди и заявил:

— Желаю беседовать с Шу Кунценом.

— Догадываюсь, что у вас на уме, — сказал Сюмень после паузы. — Вы боитесь, что я прикажу казнить всех членов кабинета, включая вашего возлюбленного учителя. Не беспокойтесь. Что с ним делать, будет решать народ, а не я. Надо бы, наверное, отправить его поработать на заводе, чтоб узнал на себе, как это приятно...

Сюмень шепнул словечко Собри, который вышел из комнаты и вернулся через пять минут вместе с Кунценом. Едва произнеся невнятное формальное приветствие, старый ученый обратился к Аскару:

— Хватило вам времени завершить эксперимент?

— Почти хватило. Как бы то ни было, посещение Косвенной Сущности состоялось.

— И вы узнали что-либо достойное внимания?

— В общем, да, можно считать, узнал. — И к Собри: — Вы землянин, так что постараюсь объяснить попонятнее. Видите ли, мои поступки вовсе не были лишены практического смысла, по крайней мере они были более практичными, чем вы думаете. В нескольких световых годах отсюда есть, как бы лучше сказать... некий интеллект, мыслящая сущность, и ученые Города-Колбы знают о нем — или о ней — уже довольно давно. Ее назвали Косвенной Сущностью, поскольку она движется во времени косвенно по отношению к нам. Мы — Шу Кунцен, а затем и я — поставили цель установить с этой Сущностью надежную связь и обмениваться научной информацией. Надо отметить, что Сущность владеет знаниями о временных процессах куда более глубокими, чем мы. И я загорелся надеждой выяснить, не может ли она помочь Земле, не существует ли способа поставить временные системы под контроль и отвратить их предстоящее столкновение.

— Кажется, я понимаю...

Собри заметно смягчился. Пожалуй, ему было даже стыдно перед Аскаром, которого он до сих пор недооценивал, считал человечком почти никчемным — и на тебе... Прежде чем продолжить, Аскар посмотрел на Кунцена.

— К моему удивлению, сэр, Сущность уже была осведомлена о Земле. По-видимому, это ее конек — вести наблюдения за планетами, где развилась жизнь. Но всего более я был потрясен, когда она признала, что в ее силах предотвратить катаклизм.

Она способна повлиять на направление времени, даже в такой мощной системе, как земная, и на таком огромном расстоянии. Не спрашивайте меня, каким образом. Сущность дала мне понять с полной ясностью, что человеку такие умения не станут подвластны никогда.

— Но это уподобляет Косвенную Сущность божеству! — воскликнул Собри, не вполне поверив тому, что услышал.

— Вы правы, уподобляет, — подтвердил Аскар, слегка скривив губы. Он позволил себе такое же сравнение тогда, во время сеанса, и ответ Сущности и поныне звенел в его ушах: *Я столь же несуществен, как и вы. Высший не замечает меня точно так же, как и вас...*

— Он говорит правду? — Собри разволновался и обратился к Кунцену.

Шу ответил холодным тоном, исполненным превосходства:

— Наш замысел был именно таков. Я давно подозревал, что Косвенная Сущность располагает возможностями, недоступными для нас...

— Deus ex machina *, — пробормотал Собри.

— Да, — подтвердил Аскар апатично, — самый настоящий deus ex machina. Однако Косвенная Сущность настаивала на своей позиции зрителя, на позиции невмешательства. И когда я высказал просьбу, чтоб она использовала свои знания в наших интересах, Сущность ответила мне отказом.

В комнате воцарилась тяжкая тишина. Первым шевельнулся Сюмень.

— Сожалею о судьбе вашей планеты, — сказал он деревянным голосом. — Однако Колба, с вашего разрешения, продолжает существовать, и у меня есть неотложные дела...

— Но спор на том не кончился, сэр, — быстро доложил Аскар учителю Кунцену, как только молодой человек вышел из комнаты. — Я нашел новые аргументы...

Он мысленно вернулся к недавно пережитому — все было еще свежо в памяти. Он помнил, что первой его реакцией был усталый цинизм, что он как бы пожал плечами и списал Землю в расход. И тем не менее вскоре выяснилось, что сдаваться он не может и не хочет. Какая-то внутренняя потребность заставляла его настаивать, повторять старые доводы и искать новые. По сравнению с Сущностью он был муравьем, мошкой — и все же гнул свое. Нет, он не пресмыкался, не молил о пощаде — все это не совсем подходящие слова, — но до униженной мольбы оставалось тоже очень недалеко.

Показалось ему или нет, что в голосе Косвенной Сущности послышалось что-то похожее на смущение?

— Ситуация на Земле подразумевает незаурядную драму, — изрекла Сущность. — Для меня нежелательно вмешиваться в эту драму.

Но с развитием дискуссии все чаще случалось, что комната, где сидел Аскар, шла рябью и исчезала, и он выплывал пылинкой в гремящие машинные залы или в кромешную бесконечность, наполненную нечеткими размытыми контурами. И постепенно он осознал, что Сущность отнюдь не запугивает его и не демонстрирует ему свой гнев. Просто-напросто ее мыслительные процессы достигают подчас такой интенсивности, что она отвлекается от передачи чувственных данных на приемник в Городе-Колбе и оставляет Аскара наедине с образами, выхваченными из космоса наобум. Однако всякий раз, когда Сущность решала произнести что-то вслух, землянин мгновенно оказывался вновь в воссозданной ею комнате.

И, наконец, она опять сменила голос. Из динамика с ним заговорила серебристо-голубая женщина, смеющаяся, как колокольчик:

— Дерзкие предприятия, как твое, заслуживают награды. Вот что я сделаю...

Косвенная Сущность не стала описывать ему свои намерения словами, а построила ясные графические картины и спроецировала их ему в сознание. Она показала, как поток времени разделяется на ручейки, и ручейки весело бегут в разных направлениях, возрождая пустыни к жизни. Показала она и главное течение, от которого ответвились ручейки, — оно по-прежнему неслось вперед к точке встречи с другим столь же мощным течением, чтобы в этой точке закрутиться чудовищным водоворотом и уничтожить себя.

Аскар изложил все это Кунцену. Старый ученый согласно кивал, периодически впадая в раздумье.

— Изобретательно, — вымолвил он. — И логично. Очевидно, Косвенная Сущность не лишена чувства справедливости.

— А я ничего не понял, — пожаловался Собри Бломоут. — Ну ничегошеньки...

Шу Кунцен посмотрел на него снисходительно, укутав руки в длинных рукавах.

— Да, для неспециалиста это затруднительно, — сказал он в своей задумчивой и напевной манере. — Вдумайтесь в такое примерное описание. Время движется вперед, постоянно в одном направлении. Но во Вселенной существует отнюдь не одно-единственное направление. Насчитывается шесть измерений, а не только те три, что знакомы нам в Абсолютном Настоящем. За пределами потока времени, движущегося из прошлого в будущее, лежат куда большие пространства вневременья — наподобие ландшафта, по которому течет временная река. В практическом смысле это значит, что в пятом измерении наряду с известной вам Землей существует еще множество таких же Земель. Они не населены: поскольку там нет времени, то нет и жизни. Но реку времени можно направить не вперед, а вбок с тем, чтоб она оросила эти альтернативные Земли. И там столкновения со встречным потоком уже не будет — идеальное решение стоящей перед вами проблемы.

— Так что, выходит, столкновение отменяется? — спросил Собри, кое-как продираясь сквозь дебри абстрактных концепций.

— К сожалению, нет. Сущность сохранила основной поток земного времени в неприкосновенности. Она согласилась лишь оторвать от потока мелкие ручейки и направить каждый ручеек на свою отдельную Землю — их огромное множество, и все более или менее одинаковы. Люди, связанные с тем или иным ручейком, составят как бы островок жизни на огромной пустынной планете. Но постепенно они, конечно, заселят ее целиком. И в каждом отдельном случае родится новый мир... — Шу Кунцен откровенно, без ложной скромности гордился своей проницательностью. — Сущность приняла мудрое решение, куда мудрее, чем могли бы предложить мы сами...

— Каждой сохранившейся резервации мутантов выделяется собственная планета, — пояснил Аскар специально для Собри. — Косвенная Сущность дарит каждому подвиду самостоятельное будущее, свободное от вмешательства со стороны других. Даже часть титанистов будет править своей Зем-

* *Бог из машины (лат.)*

лей, где нет ни инопланетных захватчиков, ни угрожающих честолюбивым планам врагов из будущего. И то же самое относится к расе, обитающей в будущем: там ведь тоже есть разные нации и фракции, и некоторые из них будут спасены.

— А остальные? Что предстоит остальным — аннигиляция?

— Да, почти что так. — Глаза у Аскара пророчески заблестели. — Будет Армагеддон, великая война во времени. И будет столкновение встречных временных систем. Но знаете, вероятно, будут и выжившие. Уже сейчас титанисты готовят чертежи защитных бункеров, проектируют мощные поля искусственного времени, способные ослабить последствия столкновения. Некоторые бункеры — думаю, немногие — устоят. При том условии, что оборудование окажется достаточно прочным. И горсточка титанистов уцелеет даже тогда, когда все кончится, уцелеет на немыслимо опустошенной Земле и будет тем не менее пытаться построить что-то заново...

— А это расщепление времени — когда оно произойдет? Скоро?

— Уже произошло, — ответил Аскар. — Произошло еще прежде, чем легионеры вытащили меня из обсерватории...

«Интересно, — подумал Собри, — а как там в резервации у амхраков? Заметили друзья, что обстоятельства резко изменились, или еще нет?..» В любом случае приятно узнать, что цивилизация амхраков не погибла, что она будет продолжаться.

Титан-майор Браурн резким взмахом сбросил со стола весь ряд видеокоммуникаторов. Все равно никто больше не звонил.

Браурн был в кабинете один. Даже адъютанта уже пришлось отослать на баррикады. Видно, настало время дать последний бой.

Решительным шагом он вышел из штаба на улицу. По всем сведениям, штаб оставался последней точкой, еще не сданной противнику, и следовало ожидать атаки с минуты на минуту.

Перед зданием, которое он выбрал под штаб, лежала площадь под крышей, смахивающая на галерею. Оборонительная позиция была превосходной: враг не мог приблизиться иначе, чем преодолев длинную и широкую улицу, где не нашлось бы никакого укрытия. Но Браурн уже усвоил, что против трюков этих подлых чинков бессильны все стратегические соображения.

Он едва добрался до перегораживающей улицу стальной баррикады и только-только успел сказать солдатам ободрительные слова, как свершилось. Чинки появились сразу и повсеместно, некоторые даже по эту сторону баррикады, и кто-то сошелся с ними в яростной рукопашной, а кто-то предпочел по-прежнему вести огонь вдоль улицы. В который раз Браурну выпало наблюдать смертельные приемы хока, но, к счастью, чинки уступали его людям в численности. А впрочем, нет: довольно было бросить взгляд на улицу, чтоб увидеть их синюю форму и шлемы-колпаки. Чинки то возникали, то исчезали, продвигаясь по площади как призрачные тени. Ну что это за противник, если половину времени он не виден вообще!

Внезапно майор издал громогласный, почти радостный рык. В один прыжок подскочив к укрепленной огневой точке, он оттолкнул заряжающего и сорвал тяжелый пулемет с треноги. Обычно такой пулемет поднимают вдвоем, но Браурн перевалился через баррикаду, волоча за собой пулеметную ленту, и дал длинную очередь от бедра.

— Нечего отсиживаться! — заорал он солдатам. — Выходите и покажите им!..

Он брел по площади, пошатываясь и беспрерывно стреляя из тяжелого и неуклюжего пулемета. Пулемет был нацелен приблизительно туда, где чинки появлялись и исчезали чаще всего. «Это по-мужски, — внушал он себе. — Погибнуть сражаясь, сражаясь до последнего дыхания с ордами недочеловеков...»

Он продолжал стрелять до тех пор, пока чья-то рука не коснулась его шейных позвонков. Тогда он умер.

Войска в синих мундирах заполнили площадь перед балконом, где собрались Сюмень, Собри и премьер-министр Вэн Ву с членами своего кабинета.

Сюмень нервно облизывал губы. Это была его идея — выставить кабинет Зоны Покоя перед строем солдат-победителей. Почтенные официальные лица потеряют свой привычный престиж, будут казаться слабыми и уязвимыми. А рабочие увидят своими глазами тех, кто лишил их основных человеческих прав.

К большому его удивлению, Вэн Ву высказался в пользу подобного противостояния. По-видимому, он не улавливал намерений Сюменя и тем не менее любезно поблагодарил его за организационные усилия. «А что, — подумал Сюмень, — может, со стариком стоило бы поговорить откровеннее...» Ведь вот сейчас премьер не затруднился найти плавные звучные фразы, чтобы выразить признательность рабочим Зоны Труда за столь своевременное вмешательство.

— Проявленное вами чувство гражданского долга порадовало мое сердце, — заявил Вэн Ву в конце своей пространной речи, хоть аристократическое его лицо хранило впечатляющую бесстрастность. — И ныне, изгнав иноземных варваров, мы вправе вернуться на свои привычные места, дабы в кратчайший срок восстановить безупречную гармонию отлаженного общественного устройства...

Отступив на шаг и скрестив руки, он послал милостивую улыбку Сюменю и менеджерам Зоны Труда, стоявшим поблизости, а затем удалился в глубь балкона. «А ведь он обставил нас на повороте, — воскликнул про себя Собри. — Бедняга Сюмень!..»

Вперед вышел директор-менеджер Нижней колбы, поклонился в сторону премьера и обратился к толпе с коротким вежливым выступлением, выражая удовлетворение тем, что рабочие оказали городу услугу. А те стояли, задрав головы к балкону, и лица у них были в лучшем случае любопытствующими, а скорее пустыми. Потрясенный Собри вдруг отдал себе отчет, что сейчас они покорно, как ни в чем не бывало, вернутся в свою родную колбу, к своим станкам и примитивным развлечениям...

Директор закруглился и сошел с трибуны. Сюмень, как отметил Собри, пребывал в растерянности. Да какой он, в самом деле, революционер, он же простак простаком! Он же понятия не имел о том, как вызвать действительные социальные перемены, — ему мерещилось, что все произойдет само собой...

Поколебавшись, Сюмень все-таки решился и

сделал шаг вперед, однако Собри опередил его и завладел вниманием толпы.

Но что сказать, чтобы мышление этих людей хотя бы стронулось с накатанной колеи? Как направить их на путь, сулящий когда-нибудь привести к всеобщему равенству? Собри рылся в памяти, перебирал бесчисленные революционные тексты, пока не пришел к древнейшему из всех — к тексту легендарному, почти мифическому, задевающему струну, на которой играли буквально с доисторических времен.

Собри поднял руку, сжатую в кулак.

— Пролетарии всех миров, пробуждайтесь! — начал он. — Вам нечего терять, кроме своих цепей...

Глава XIV

В огромном подземном зале шаги отдавались гулким эхом. У входа в канцелярию планетарного лидера Лимниха, шествующего в сопровождении челяди и охраны, как обычно, встретил подтянутый и невозмутимый титан-полковник Браск.

— Вы получили мое послание? — осведомился Лимних, едва они обменялись салютом. — Поняли его сокровенный смысл?

— Так точно, планетарный лидер.

Браск распахнул двери, приглашая Лимниха войти. Лидер повелительным жестом оставил челядь снаружи и с удовольствием погрузился в глубокое кожаное кресло, словно бы изнемогая от усталости.

— Вам должно быть ясно, отчего я воспользовался шифром. Такое нельзя доверить обычному видеокоммуникатору... требования секретности ныне настоятельны, как никогда...

Лимних прищурился и засопел. Ему было холодно, его знобило, хоть он и отдавал себе отчет, что это разыгралось воображение, подогретое точным знанием об эпидемиях, многие районы были поражены чумой. Вирусологические лаборатории работали не покладая рук, отчаянно сражаясь с половодьем новых болезней, несомненно занесенных врагом. Едва удавалось справиться с одним вирусом, ему на смену тут же появлялся другой.

— Простите, лидер, хватило ли времени проверить то, чему вы посвятили свое послание? — осведомился Браск.

— Все подтвердилось. Целые регионы попросту исчезли с карты. По всей вероятности, новое вражеское оружие. Но, Мать Земля, что за дьявольское изобретение, если оно способно уничтожать людей, здания и растительность, не оставляя никаких следов! Радиации, и той нет. Одна голая почва...

— Не кажется ли вам странным, что исчезли по преимуществу резервации мутантов?

Лимних пожал плечами.

— А может, чужаки решили, что это самый удобный испытательный полигон? И уж во всяком случае мы сами ничего подобного не затевали, поверьте моему слову. Вы понимаете, что ситуация крайне серьезна. Операция «С» подготовлена?

— Так точно, планетарный лидер. Первый эшелон будет готов к вылету буквально через несколько минут.

Браск включил большой видеоэкран. Лимних увидел стройных гордых парней в боевых времялетных костюмах, следующих церемониальным маршем с предполетного парада. Он всматривался в лица, восторгаясь их мужеством и самоотверженностью.

Тратить годы в ожидании момента, когда Легионы Хроноса наберут мощь, теоретически достаточную для тотальной атаки, было больше нельзя. Не оставалось времени на разработку средств, которые дали бы времялетчикам-истребителям реальный шанс на индивидуальное спасение. Это были экипажи самоубийц, готовых сражаться вопреки судьбе, готовых ценой собственной жизни доставить и сбросить водородные бомбы — десятки бомб на каждом корабле. Видя их непреклонную решимость, Лимних даже ощутил нечто похожее на былую уверенность в себе. Ему было известно: несколько часов назад каждый времялетчик сдал сперму на хранение в морозильных камерах, и теперь они умрут с гордым сознанием, что их семени суждено и в дальнейшем обогащать кровь расы.

— Извините, планетарный лидер, но в соответствии с утвержденным нами протоколом я прошу разрешения покинуть вас... — Браск нажал кнопку, и в кабинет вошел молодой офицер, еще один из новой поросли, от которой ныне зависело само существование Легионов. — Согласно вашему приказу, лидер, титан-полковник Гоул примет командование операцией вплоть до вылета второго эшелона...

Лимних дал формальное разрешение, и Браск торжественно удалился, отдав прощальный салют. Планетарный лидер видел на экране, как он стал плечом к плечу с подчиненными. Церемония проводов подошла к концу, и экипажи поднялись по машинам, а Браск занял свое место на флагманском корабле.

— Надеюсь, со временем мы придумаем, как сделать, чтобы они возвращались живыми, — объявил Лимних Гоулу. — А до той поры... до той поры другого не дано.

— Так точно, планетарный лидер!

Раздался хлопок, подобный удару грома. Эскадрильи исчезли все вместе, синхронно. И с невнятным жужжанием устремились в будущее, неся на борту смерть, смерть и еще раз смерть.

Перевел с английского
Олег БИТОВ

Стивен
Хокинг

ПОЧЕМУ ВРЕМЯ НЕ ТЕЧЕТ ВСПЯТЬ?

Уже в 50-х годах нынешнего века «отец» американской фантастики Джон Кэмпбелл с некоторым оттенком гордости заметил, что после Уэллса время изъезжено писателями вдоль и поперек. Казалось бы, найти принципиально новый поворот в этой тематике уже невозможно. Однако, на наш взгляд, произведения Н.Спинрада и Б.Бейли, опубликованные в этом номере, довольно убедительно опровергают подобную точку зрения. Итак, после весьма экзотических версий фантестов мы хотим познакомить вас с гипотезой известного английского ученого, чьи взгляды во многом определяют научное обсуждение, посвященное природе времени. Материал подготовлен на основе нескольких работ автора.

События прошлого мы помним. Пытаемся планировать будущее, но чему предстоит случиться, все же представляем себе достаточно смутно. Почему? Мы «знаем», в каком направлении течет время и знаем также, что Вселенная расширяется. А если она начнет сжиматься — обратится ли время вспять? Есть ли здесь вообще какая-либо связь?

Миром «правят» физические законы, это аксиома для ученых. Но сами законы безотносительны к направлению хода времени, так же, как к любому из направлений в пространстве. Если быть точным, эти законы не меняются, если осуществляются три преобразования: назовем их «операция **С**», «операция **Р**» и «операция **Т**». **С** — это замена всех частиц на античастицы, **Р** — замена местами правого и левого, а **Т** — обращение всех направлений движения всех частиц.

Совмещение операций **С — Р** законов физики не меняет. У жителей другой планеты, «зеркальных» по отношению к нам и состоящих из антивещества, жизнь была бы такой же, как и у нас. Не изменились бы законы и при преобразовании **С—Р—Т.** Поэтому, вообще говоря, они не должны меняться и при проведении одной только операции **Т.** Но в обыденной жизни между «прямым» и «обратным» направлением времени существует большая разница. Простой пример: со стола упала чашка и вдребезги разбилась, а вы засняли это на кинопленку. Просматривая запись, вы, разумеется, легко сообразите, идет демонстрация с начала или с конца. Ведь в последнем случае вы увидите, как осколки чашки вдруг собираются с пола, соединяются, подпрыгивают и поднимаются на стол. В нашей повседневной жизни таких событий не наблюдается. Запрыгивание и самосборка запрещаются вторым началом термодинамики, которое гласит, что беспорядок (точнее, мера беспорядка — энтропия) со временем увеличивается. Иначе говоря, со временем все вещи в мире становятся хуже и хуже. Целая чашка на столе имеет высокую степень упорядоченности. Разбитая — неупорядочена. Целая чашка может стать разбитой, а вот обратного пути нет...

УВЕЛИЧЕНИЕ БЕСПОРЯДКА с течением времени — один из примеров того, что называют «стрелой времени». «Стрела времени» многогранна: термодинамическая ее сторона определяет возрастание энтропии, психологическая — наши ощущения «уходящего времени», различение прошлого и будущего и, наконец, космологическая — направление расширения (а не сжатия) Вселенной.

Могу привести доводы в пользу того, что термодинамическая грань «стрелы времени» предопределяет психологическую, и обе они однонаправлены. Разумно предположить, что они связаны и с космологической стрелой, хотя по направлению могут с ней и не совпадать. Я хочу доказать, что разумная жизнь возможна лишь в результате полного совпадения всех трех составляющих.

Второе начало термодинамики основано на том, что беспорядка в мире намного больше, чем порядка. К примеру, у вас есть коробка с картинкой-загадкой, составляемой из кубиков. Ясно, что лишь один-единственный вариант размещения кубиков составляет картинку, а вот беспорядочных сочетаний возможно очень много.

Пусть какая-либо система начинает существование в упорядоченном состоянии (одном из малого их числа). Со временем она будет эволюционировать по законам физики, и ее состояние будет меняться. Существует высокая вероятность, что через какое-то время система окажется в состоянии меньшей упорядоченности — просто потому, что таких состояний много. Таким образом, если начальное состояние системы высокоупорядочено, имеется тенденция к росту ее беспорядка.

Но давайте все же предположим: создатель нашего мира решил, что Вселенная на вершине эволюции должна быть высокоупорядоченной, а с чего, с какого ее состояния все началось — не имеет значения. Тогда, вероятно, первоначальное состояние Вселенной — хаос, неупорядоченность, но со временем беспорядок уменьшался бы. Разбитые чашки склеивались бы и запрыгивали на столы. Существа, живущие в такой Вселенной, должны были бы иметь психологическую «стрелу» времени, обратную нашей.

Второе начало термодинамики для нас почти тривиально. Беспорядок увеличивается со временем, потому что мы измеряем время в том же направлении, в котором он возрастает.

Но все-таки интересно, почему Вселенная должна пребывать в состоянии высокого порядка на том конце времени, который называется прошлым, а не быть в полном беспорядке во веки веков? Это ведь представляется более вероятным... И почему направление расширения Вселенной совпадает с направлением роста беспорядка?

ЛУЧШЕЕ, ЧЕМ МЫ РАСПОЛАГАЕМ для описания пространства-времени, — общая теория относительности А.Эйнштейна. В этой теории три пространственных измерения и одно временное связаны в единое четырехмерное пространство-время, причем искривленное. Искривление обусловлено веществом и энергией, которыми наполнена Вселенная. Сама Вселен-

ная должна была начаться с сингулярности — состояния с бесконечно большой плотностью вещества и энергии. При этом пространство и время должны быть искривлены с бесконечно малым радиусом. При таких условиях все известные физические законы теряют силу. Используя их, мы не можем узнать, какова же была Вселенная в момент начала. Если ее состояние было «гладким» и упорядоченным, тогда термодинамическая и космологическая «стрелы времени» были бы четко выражены, что и происходит в настоящее время. Но точно так же все могло бы начаться с состояния совершенно «неприглаженного» и беспорядочного. Беспорядок не мог бы возрастать — Вселенная и так уже пребывала в состоянии полного хаоса. Либо же беспорядок оставался постоянным, но тогда не было бы выраженной термодинамической стрелы. А если б он уменьшался, то космологическая и термодинамическая «стрелы» были бы направлены в противоположные стороны. Но ничего подобного мы не наблюдаем.

Имеет большое значение тот факт (который существующими теориями не учитывается), что при малых масштабах имеет значение соотношение неопределенностей квантовой механики. Им можно пренебречь только при больших масштабах и малой кривизне пространства-времени. Но где взять квантовую теорию гравитации? Мы даже не знаем, какой она должна быть.

В классической общей теории относительности имеется три варианта Вселенной:

– существующая вечно, то есть бесконечно долго в прошлом и будущем;

– имеющая начало и конец в определенных промежутках времени;

– периодическая во времени.

Моя работа двадцатилетней давности (выполненная вместе с Пенроузом) свидетельствует, при разумных допусках, в пользу второго варианта. Вселенная должна была начаться с сингулярности, состояния с бесконечной кривизной. Произошло это около пятнадцати миллиардов лет назад.

В квантовой теории гравитации для искривленного пространства-времени возможна конечная протяженность без границ в пространстве и времени. Получается что-то вроде земной поверхности, только с двумя добавочными измерениями. В самом деле, поверхность Земли конечна, но краев не имеет.

В 1983 ГОДУ Я СОВМЕСТНО с Д. Хэртлом выдвинул гипотезу: «Граничное условие для Вселенной состоит в том, что она границ не имеет». Это означает, что она замкнута в самой себе, не нуждается во внешнем воздействии для своего «начала» и даже для выбора характера этого «начала». Законы физики, имеющие силу в каждой ее точке, полностью определяют «поведение» Вселенной.

Мы уже уподобили пространство-время поверхности Земли. Тогда время можно сравнить с градусами географической широты. В самом деле, параллели исходят из Северного полюса, по мере продвижения к экватору расходятся все шире, а затем снова стягиваются по мере приближения к Южному полюсу. На Северном полюсе, однако, нет ни края, ни сингулярности. Аналогично, начало и конец времени должны быть обычными точками пространства-времени, где действуют физические законы.

Уже произведены (в том числе и мною лично) примерные расчеты, свидетельствующие о том, что вначале Вселенная была в упорядоченном состоянии. Она, однако, не могла быть полностью однородной в пространстве, это нарушало бы соотношение неопределенностей в квантовой теории. Но тогда во Вселенной должны были быть малые отклонения от средних величин (флуктуации) плотности и скорости. Условие отсутствия границ требует, чтобы эти колебания были очень малыми, соответствующими соотношению неопределенностей. Вселенная должна была начаться с экспоненциального, «инфляционного» расширения, когда она увеличилась в размерах во много раз. В этот период флуктуации плотности, вначале малые, должны были начать возрастать. И те области Вселенной, где плотность несколько превышала среднюю, замедляли свое расширение за счет притяжения внешней массы. В конечном счете расширение таких областей прекратилось, заменилось сжатием, сформировались галактики, звезды – и существа, нам подобные. Существование термодинамической стрелы говорит о том, что начинаться Вселенная должна была в «гладком» и упорядоченном состоянии, а потом превратилась в беспорядочную и комковатую.

Что произойдет, если расширение Вселенной сменится сжатием? Станет ли «наводиться порядок» во Вселенной, обернется ли вспять термодинамическая стрела? Будут ли люди видеть самосклеивающиеся чашки? Смогут ли они, скажем, вспоминать завтрашние цены и пытать счастья на бирже?

Вначале я думал, что беспорядок действительно должен уменьшаться. Но, как потом было показано моим коллегой Д.Пейджем, условие отсутствия границ этого не требует. Обратное сжатие в упорядоченное, однородное состояние гораздо менее вероятно, чем сжатие в сильно неупорядоченное, «комковатое». И термодинамическая «стрела времени», таким образом, вспять не обратится.

НО ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ. А почему, собственно, термодинамическая и космологическая стрелы указывают в одном направлении? Почему мы должны находиться в фазе расширения, а не сжатия? Думаю, что условия при фазе сжатия для мыслящих существ неподходящи. Дело в том, что Вселенная не сможет сжиматься уж очень долго — это следует из теории «инфляции». К тому времени завершат свое существование все звезды, да и тяжелые частицы распадутся на легкие и излучение. Вселенную охватит полный беспорядок, и никакой термодинамической «стрелы» не будет. Но ведь «стрела времени» необходима для жизнедеятельности – мы потребляем пищу (упорядоченную форму материи) и превращаем ее в тепло (неупорядоченную форму).

ЕСЛИ ВЫ ЗАПОМНИТЕ все слова этой статьи, в вашей памяти окажутся зафиксированными примерно 150 тысяч бит информации. Упорядоченность в структуре вашего мозга возрастет. Но в то же самое время ваш организм преобразует около 300 тысяч джоулей энергии, содержавшейся в пище, в менее упорядоченную форму – тепло, рассеиваемое в окружающий воздух. Это увеличило беспорядок во Вселенной на 3×10^{24} бит, что в двадцать миллионов миллионов миллионов раз превышает увеличение порядка в мозгу.

Подготовил Леонард ***НИКИШИН***

« — Если вам нечего делать, — сказала она с досадой, — придумали бы что-нибудь получше загадок без ответа. А так только попусту теряете время!

— Если бы ты знала Время так же хорошо, как я, — сказал Болванщик, — ты бы этого не сказала. Его не потеряешь! Не на такого напали!

— Не понимаю, — сказала Алиса.

— Еще бы! — презрительно встряхнул головой Болванщик. — Ты с ним небось никогда и не разговаривала!

— Может, и не разговаривала, — осторожно отвечала Алиса. — Зато не раз думала, как бы убить время!

— А-а! Тогда все понятно, — сказал Болванщик. — Убить Время! Разве такое ему может понравиться! Если б ты с ним не ссорилась, могла бы просить у него все, что хочешь. Допустим, сейчас девять часов утра — пора идти на занятия. А ты шепнула ему словечко и — р-раз! — стрелки побежали вперед! Половина второго — обед!»

Льюис Кэрролл. «Алиса в Стране чудес».
Перевод Н. Демуровой.

Витамины-контрабандисты

Американские биохимики создали новый метод внедрения в живую клетку больших молекул, таких как антитела, протеины и гены, без повреждения клеточной структуры. Методика может оказаться необычайно перспективной для борьбы с раком и диабетом.
«Мы изобрели нечто вроде настоящего троянского коня, которого можно использовать, чтобы «протащить» нужную молекулу в любую растущую клетку», – говорит Филипп Лоу, возглавлявший группу исследователей. В современной фармакологии используются небольшие молекулы, проникающие в клетку через мембрану или естественную транспортную систему, но большие молекулы не могут попасть в клетку подобным образом. Методика Лоу заключается в присоединении большой активной молекулы к молекуле витамина группы В, тогда «контрабандное» вещество проникает в клетку по естественной транспортной системе. Возможные сферы применения нового метода – введение инсулина и вакцин (в этом случае можно будет обойтись без инъекций), химиотерапия рака, внедрение в клетку протеинов и энзимов и даже целых генов при лечении генетических заболеваний.

Игуановые ранчо

Немецкий зоолог Д. Вернер, занимающийся исследованиями в области экологии и охраны природных ресурсов совместно с Институтом тропических исследований Панамы, предлагает латиноамериканским фермерам вместо разведения скота заняться разведением игуан – крупных ящериц, обитающих в тропических лесах Южной Америки. Мясо игуан обладает нежным вкусом и может служить важным источником белка. Но содержание этих животных не требует расчистки леса и разрушения природных местообитаний, их можно разводить, не нанося ущерба уникальным экосистемам тропического леса. Вернер подсчитал, что фермер, вырастивший сто игуан в год,получит около четырехсот фунтов мяса, что превышает среднегодовую продукцию скотоводческого хозяйства.

Удобрение из отходов

Британская компания разработала новую передвижную систему по производству высококачественного компоста из смеси опавшей листвы, соломы и сточных вод.
Технологический процесс таков, что продукт не имеет запаха, содержит много органических питательных веществ. При этом в компосте отсутствуют патогенные микроорганизмы, что делает его идеальным удобранием для оранжерей, городских скверов и парков, а также комнатных растений. В качестве исходных компонентов могут быть использованы даже отходы производства хлопчатобумажной ткани, сахара и вина.

Ф. СП-1

Министерство связи Российской Федерации ГПС «Москпочтамт»

АБОНЕМЕНТ на газету/журнал 73118 (индекс издания)

«Если» (наименование издания)

Количество комплектов:

на 1994 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер

на газету/журнал 73118 (индекс издания)

«Если» (наименование издания)

Стоимость	по каталогу	руб. ____ коп. ____	Количество комплектов
	на доставку	руб. ____ коп. ____	

на 1994 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ТКВ. Зак. 516. Тир. 6 000 000

Внимание!

«Если» перешел в каталог «Известий». Но индекс остается прежним: 73118. Так что абонемент подписки на 1994 год вы заполняете так же, как и прежде. Стоимость полугодовой подписки – 1200 рублей (без стоимости доставки).

Электронный смог

Новый феномен — Э-смог — следствие далеко не безобидной электронной эмиссии, источником которой являются практически все приборы и машины, где используют электромагнитные волны (в том числе бытовая техника). Известен случай, когда человек, ходивший по нейлоновому ковру, стал носителем 20 тысяч вольт статического напряжения; сев за компьютер, он, сам того не желая, стер всю информацию из его памяти. В Японии вышедшие из-под контроля в аналогичной ситуации роботы стали причиной гибели двух человек. Установлено, что более 80% электроприборов негативно воздействуют на нашу жизненную среду. Ученые, чрезвычайно озабоченные тотальным распространением Э-смога, предсказывают увеличение числа несчастных случаев и даже крупные катастрофы, вызванные «электромагнитным засорением окружающей среды».

Скажи мне, кто твой друг...

Рассуждения на тему «я не ем яйца — там холестерин» нынче непопулярны во Франции. Этот подход отчасти сменило равнодушие, отчасти полное приятие и одобрение холестериновых «излишеств»: все чаще появляются статьи под заголовками типа «Холестерин — твой друг». Озабоченный этим легкомыслием руководитель отдела эндокринологии и обмена веществ парижской клиники «Сальпетриер» Ж.-Л. де Жанн напомнил французам, что в их стране ежегодно случается 110 тысяч инфарктов и 125 тысяч острых сердечных приступов; именно холестерин провоцирует подобные заболевания, откладываясь на стенках сосудов. Если количество холестерина доходит до 3 граммов на литр крови, то даже тридцатипяти-сорокалетний пациент в 90% случаев рискует заболеть коронарным атеросклерозом. А прямые расходы, связанные с этой болезнью, составляют во Франции 42-43 млрд франков в год. Так что стоит задуматься, выбирая «друзей».

Алмазная пленка

По прогнозам специалистов, широко используемым материалом будущего десятилетия станет микроскопическая пленка из синтетического алмаза. Материал, который находится пока в ранней стадии промышленной разработки, обладает уникальными механическими, электрическими и оптическими свойствами. Например, в компьютерных системах алмазная пленка обеспечивает более высокую скорость проведения импульса и большую устойчивость к внешним воздействиям, чем арсенид галлия. Самым выдающимся достоинством нового материала, однако, является то, что его получают из необыкновенно дешевых продуктов, в основном метана.

PERSONALIA • PERSONALIA

ДЕМЮТ, Мишель (DEMUTH, Michel).

Французский писатель. Родился в 1939 г. Публикуется с конца 50-х, пишет почти исключительно рассказы (наиболее известные сборники: «Галактические хроники» – первая часть «тридцатисерийного» цикла, охватывающего с 2020 по 4000 г.; «Металлические годы»). В 1967-1977 гг. редактировал журнал «Galaxie». Неоднократно издавался в США, оказал большое влияние на американскую НФ. На русский язык переведены только четыре рассказа «галактического» цикла: «Чужое лето», «Оседлавшие свет», «Вотчина изменника» и «Гамма-южная». Удостоен ряда литературных премий.

ЛЕМ, Станислав

(см. биобиблиографическую справку в № 8 с.г.).
Из автобиографического эссе «Моя жизнь» (перевод К.Душенко): «Мой писательский метод (который я предпочел бы называть моим писательским поведением) на протяжении лет менялся, хотя и очень медленно. Я научился избегать чистой спонтанности раннего периода, когда я, бывало, начинал писать, не имея ни малейшего представления о целом, о фабуле, проблематике, действующих лицах и т.д., ибо продолжить начатое таким образом все чаще не удавалось. Как видно, дарованная мне сила воображения постепенно иссякла, как нефтеносный пласт, в котором поначалу черное золото бьет фонтаном из любой скважины, а потом приходится прибегать ко все более хитроумным способам, к «родовспоможению», к добыче под давлением, чтобы заставить подняться наверх то, что еще осталось. Так центр тяжести моей работы мало-помалу перемещался в сторону некоей первоначальной идеи, концепции, замысла. Я уже не садился за пишущую машинку, как только в голове у меня складывалось несколько первых страничек, но писал все больше заметок, набросков, словарей вымышленных слов. И вот к чему это в конце концов привело: я стараюсь освоиться с создаваемым мной миром, сочиняя литературу этого мира. Но, конечно, не исчерпывающие компендиумы по социологии или космологии, скажем, XXX века, не вымышленные отчеты исследовательских экспедиций и тому подобные сочинения, в которых выражается «дух времени» чужого нам мира; это, впрочем, было бы и невозможно, хотя бы ввиду краткости человеческой жизни. Нет, идею, которая поначалу носила не слишком серьезный характер – сочинять рецензии на несуществующие книги или предисловия к несуществующим книгам («Абсолютная пустота» и «Мнимая величина»), я использую теперь не столько для написания текстов, рассчитанных на публикацию, сколько в своих собственных целях, – чтобы создать систему знаний о вымышленном мире, набросать ее в общих чертах и затем дать ей время созреть. Я как бы окружаю себя литературой будущего, литературой иного мира, иной цивилизации. Литературой,которая представляет собой его продукт, его отражение и отображение».

СПИНРАД, Норман (SPINRAD, Norman).

Американский писатель, один из наиболее ярких представителей «новой волны НФ». Родился в 1940 г. в Нью-Йорке. Учился в Университете города Нью-Йорк, в 1961 г. получил диплом бакалавра. С 1963 г. зарабатывает на жизнь сочинением научной фантастики (первая публикация – рассказ «Последний цыган» в журнале «Analog», май упомянутого года). В своем творчестве постоянно обращается к темам секса, власти и денег; вводит в текст элементы социальной сатиры (романы «Соляриане», «Агент хаоса», «Люди в джунглях», «Железная мечта», «Звездные песни», «Маленькие герои», «Русская весна», сборники рассказов «Последнее «Ура» Золотой орды», «Звездно-полосатое будущее»). Лауреат премии «Юпитер», обладатель приза «Аполлон». В 1992 г. побывал в Москве.

НАЙТ, Даймон (KNIGHT, Damon).

Американский литератор. Родился в 1922 г. в г. Бейкер, шт. Орегон. Учился в художественном училище; в 1940 г., переехав в Нью-Йорк, присоединился к творческой группе «Футуриане», в которую, кроме него, входили Джеймс Блиш, Сирил Корнблат, Фредерик Пол. Сотрудничество с НФ-журналами начал в качестве художника, однако впоследствии переключился на литературные опусы (первая публикация – рассказ «Эластичность» в журнале «Stirring Science Stories», февраль 1941 г.). За десятилетия писательского труда создал значительное число произведений, оставивших заметный след в истории жанра (в т.ч. романы «Мостовая ада», «Властелины эволюции», «За барьером», «Переключатель разумов», повести «Золотое правило», «Естественное состояние», «Умирающий», сборники рассказов «Впереди», «На глубине», «Из центра». Известен также как взыскательный критик и редактор-составитель популярных антологий. С 1967 г. является лектором творческой мастерской научной фантастики и фэнтези «Клэрион». Лауреат премии «Хьюго», обладатель премии «Пилигрим». В последние годы публикуется крайне редко.

БЕЙЛИ, Баррингтон (BAYLEY, Barrington).

Английский писатель. Родился в 1937 г. в г. Бирмингем, гр. Уорикшир. После окончания средней школы был клерком в одной из служб министерства обороны, сотрудником австралийского информационного агентства, шахтером. Одновременно плодотворно занимался литературным творчеством, опубликовал множество рассказов (в связи с обилием использованных псевдонимов и разнообразием публикаций – НФ, комиксы, произведения для детей – точная дата его дебюта пока не установлена; предполагается, однако, что первая публикация состоялась между 1952 и 1955 гг. в журнале «Vargo Statten Science Fiction Magazine»). С середины 60-х – профессиональный литератор. Среди его книг, выходивших, в основном, в США, можно выделить романы «Звездный вирус», «Империя двух миров», «Падение Хронополиса», «Душа робота», «Столпы вечности», сборники рассказов «Рыцари пределов», «Семя зла». Обладая всеми атрибутами «космической оперы» (такими, как галактические империи; враждующие миры; герои, спасающие Вселенную), произведения писателя отличаются изысканностью стиля, мягким юмором и отсутствием типичного для этого направления НФ «хэппи-энда». На русском языке автор публикуется впервые.

Подготовил Александр РОЙФЕ

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Кит Лаумер
ПЛАНЕТА КАТАСТРОФ

Джеймс Уайт
ЗВЕЗДНЫЙ ХИРУРГ

Эрл Викерс
ДОЛЛАР ЗА ДУШУ

Роджер Желязны
ЛОКИ-7281

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ